

А.А.Большаков

ЗА СТОЛПАМИ ГЕРАКЛА

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

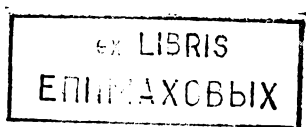

А.А.Большаков

ЗА СТОЛПАМИ ГЕРАКЛА

Канарские острова

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1988

Редакционная коллегия

К. В. МАЛАХОВСКИЙ (председатель), *Л. Б. АЛАЕВ*,
Л. М. БЕЛОУСОВ, *А. Б. ДАВИДСОН*, *Н. Б. ЗУБКОВ*,
Г. Г. КОТОВСКИЙ, *Р. Г. ЛАНДА*, *Н. А. СИМОНИЯ*

Рецензент

А. Ю. МИЛИТАРЕВ

Ответственный редактор

Ю. К. ПОПЛИНСКИЙ

Большаков А. А.

Б 79 За Столпами Геракла. Канарские острова. М.:
Главная редакция восточной литературы издатель-
ства «Наука», 1988.

174 с. с ил. («Рассказы о странах Востока»).

Это первая в советской историографии книга, рассказывающая о Канарских островах, их истории, природе и культуре. Особое внимание уделяется наиболее важному в истории Канар и широко дискутируемому вопросу о происхождении и судьбе аборигенов архипелага, коренного населения, почти полностью исчезнувшего в результате европейской колониальной экспансии.

Б $\frac{1905020000-010}{013(02)-88}$ 67-88

ББКл8

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1988.

Унамуну * не мог объяснить, почему этот архипелаг называли Счастливыми островами, а Поль Моран ** сказал, что Лас-Пальмас, именно Лас-Пальмас, — самое безобразное место в мире.

Кармен Лафорет

ВВЕДЕНИЕ

Канарские острова. Здесь причудливо переплетаются история и современность. Мавританские домики Лас-Пальмаса и кривые испанские улочки Санта-Крус-де-Тенерифе. Ветхие лачуги бедноты и шикарные отели и магазины. Лавчонки, над которыми можно прочитать: «Магазин индусский, говорим по-русски!», и радары принадлежащей США станции слежения за спутниками близ курортного местечка Маспаломас. Трудолюбиво возделанные на склонах лабиринты террас и «веселые кварталы» Лас-Пальмаса, где находят приют бандиты и контрабандисты.

Центр мирового туризма и сельскохозяйственный придаток материковой Испании, Канары имеют богатую историю, не уступающую, пожалуй, истории индейских цивилизаций Америки. В течение трех-четырёх тысячелетий, предшествующих эпохе великих географических открытий, мореходы Средиземноморья неоднократно «открывали» Канарские острова, а затем «забывали» об их существовании. В последний раз они были «открыты» европейцами на рубеже XIII—XIV веков, причем в отличие от других островов этого региона Атлантики — Азорских, Мадейра, Зеленого Мыса — на Канарах имелось коренное население, которое преимущественно и будет предметом нашего рассмотрения.

Историю канарских аборигенов можно разделить на два периода: с древнейших времен до момента освоения архипелага европейскими мореходами и с XIV по XVIII век. Первый этап характеризуется относительной изоляцией автохтонного населения, второй — насильственной колонизацией островов испанцами и постепенным исчезновением древних канарцев. Эти два исторических этапа как бы очерчивают два круга проблем.

---

* Унамуну Мигель де — известный испанский писатель (1864—1936).

** Моран Поль — французский писатель и дипломат (1888—1976).

Коренное население Канарских островов уже более столетия вызывает у исследователей большой интерес. Оно, в частности, интересно тем, что ко времени завоевания испанцами в значительной мере сохранило антропологический облик и свою древнюю культуру, присущую еще неолитическому времени, в то время как обитатели стран Средиземноморья и Северной Африки, откуда шло заселение архипелага, в ходе многовекового исторического развития претерпели сильные трансформации в антропологическом и культурном отношениях.

Одной из важных проблем канароведения является проблема этно- и культурогенеза автохтонного населения. Некоторые культурные элементы, выявленные на этих островах, обнаруживают сходство с элементами культур, распространенных на огромной территории, включающей Северную Африку, Юго-Западную Азию, средиземноморскую и приатлантическую Европу. Источники разного рода позволяют высказать предположение о существовании в далеком прошлом прямых или опосредованных контактов между канарцами и народами, жившими в указанном ареале. Последнее обстоятельство повышает значимость обращения к первобытной истории аборигенов Канарских островов.

При решении вопроса о происхождении населения Канар нужно всегда помнить, что архипелаг представлял собой изолят, причем в изоляции друг от друга находились и обитатели некоторых островов этой островной группы, а в отдельных случаях — даже и жители разных районов одного и того же острова.

Изучение этнических групп, являвшихся еще несколько столетий назад неолитическими реликтами, не может не представлять огромного научного интереса. Ученые с полным основанием используют знания об аборигенах Канарских островов для изучения прошлого других народов, и в особенности берберов Северо-Западной Африки.

Другой круг проблем, затронутых в книге, связан с судьбой канарцев после установления контактов между ними и европейцами. Хорошо известна та роль, которую сыграла испанская колонизация во всемирной истории, какое влияние оказала она на судьбу народов колонизованных территорий. Происходившие в Америке «искоренение, порабощение и погребение заживо туземного населения в рудниках... превращение Африки в заповедное поле охоты на чернокожих — такова была утренняя

заря капиталистической эры производства» [Маркс, Капитал, с. 760]. Захват Канарских островов был одним из первых актов колониальной экспансии эпохи первоначального накопления. В истории Испании это событие тесно связано с реконкистой (отвоевыванием коренным населением Пиренейского полуострова захваченных маврами территорий), которая как бы выплеснулась за пределы полуострова.

Канарский архипелаг — ступень на пути колониального проникновения в Африку и Новый Свет. Коренное население Канар одним из первых подверглось порабощению и массовому истреблению. Основная масса аборигенов была вывезена на невольничьи рынки или уничтожена при завоевании островов. Приобретенный на Канарах опыт, освоенные здесь методы были с успехом применены конкистадорами при покорении ими народов по обе стороны Атлантического океана. Так, для травли индейцев в Новый Свет с Канар были завезены свирепые псы, обученные охоте на людей еще на архипелаге. Неразвитые формы эксплуатации канарцев обрели свою зрелость за океаном.

Анализ истории завоевания Канар и процесса вымирания их коренного населения может быть весьма полезным при изучении эпохи первоначального накопления капитала. Судьба аборигенов Канарских островов была схожа с судьбой ряда других народов, также находившихся на ранних этапах исторического развития, по преимуществу на уровне конца первичной или периода перехода от первичной ко вторичной формации и почти исчезнувших после прихода европейских колонизаторов. История и культура всех этих народов заслуживают самого пристального внимания этнографов.

Определенный интерес представляет изучение политики Испании по отношению к аборигенам Канар после завоевания архипелага. Она в целом мало отличалась от политики по отношению к индейцам Америки, хотя и имела ряд особенностей. Некоторые буржуазные историки пытаются оправдать колонизаторскую деятельность Испании (как и других европейских держав), пускаясь в рассуждения о ее исторической культурной миссии, о последовавшем за завоеванием позитивном процессе «транскультурации», что, в свою очередь, порождает фальсификацию истории автохтонного населения Канарских островов после начала европейской колонизации.

Восстановление после сорокалетнего перерыва советско-испанских отношений и их активизация в последнее десятилетие усилили интерес советской общественности к событиям, происходящим в Испании, а также к истории и этнографии ее народов. Среди них особой популярностью в нашей стране пользуются, пожалуй, баски и аборигены Канар, чаще и неверно именуемые гуанчами.

При изучении древней истории архипелага исследователь сталкивается со значительными трудностями. Недостаточная источниковая база, и прежде всего слабая археологическая и палеоантропологическая изученность Канар и прилегающих материковых территорий, не позволяет ответить на многие вопросы, в первую очередь — откуда и когда происходило заселение каждого из островов Канарской группы. Еще не полностью изучены письменные источники по истории архипелага. Лишь проведение новых глубоких комплексных исследований даст ученым ключ к решению важнейших проблем канароведения.

Относительная изоляция, на которую обречена любая островная группа, наложила свой отпечаток не только на жизнь обитателей Канар, но и на природу островов. Специфические природные условия делают архипелаг неповторимым уголком земного шара. «Острова вечной весны», «Перекресток Атлантики» — так чаще всего называют теперь Канары. Но прежде были другие названия...

Наш путь лежал через Матансу и Витторию — эти два названия часто встречаются на картах испанских колоний и как бы символизируют судьбу коренных народов — резня и победа.

А. Шамиссо

Глава I

ИСТОРИЯ В НАЗВАНИЯХ И ИСТОРИЯ НАЗВАНИЙ

Где искать острова Блаженных? На карте Африки, составленной по источникам первых веков нашей эры, архипелаг у северо-западных берегов континента, известный теперь как Канарский, назван островами Блаженных. Основанием к подобной идентификации служат свидетельства римского ученого Плиния Старшего и александрийского астронома и географа Клавдия Птолемея. Однако на картах, если их составить на основании мифологических представлений у различных народов в разные времена, остров, наделенный чертами земли обетованной, лежал бы в иных регионах известного древним мира. А начало «поиска» этой земли восходит к глубокой древности.

Впервые представления о волшебном острове, изобилующем легкодоступными дарами природы, сложились, по-видимому, у народов древнего Востока. Так, древнеегипетский папирус, хранящийся в собрании Государственного Эрмитажа и относящийся к началу правления XII династии (XX век до н. э.), содержит «Сказку о потерпевшем кораблекрушение». Египетский мореход попадает на чудесный остров в Красном море — «Остров Духа». Это место наделено типичными чертами острова блаженных.

Возникновение этого сюжета можно с полным основанием отодвинуть на тысячелетие назад, к эпохе становления классового общества. Тогда, а возможно и еще ранее, человек мысленно, а порой и реально пытался найти обетованные земли. По справедливому замечанию Е. Н. Максимова, «египетское звено в создании сюжета „блаженного острова“ весьма важное, так как своими корнями оно уходит в глубокую древность и для многих аналогичных сюжетов является отправной точкой» [Максимов, с. 106]. Отдавая должное египетской и древневосточной культуре в целом, надо полагать, что

подобные сюжеты чаще возникали самостоятельно у различных народов на сходных этапах их развития.

Приблизительно в то же время представления о счастливом, блаженном острове зарождаются у шумеров. Мифическая история свидетельствует, что на нем спасся от потопа Ут-напшти (Зиусудра), единственный из людей, кто обрел бессмертие. В поисках своего предка, а точнее, бессмертия на остров попадает устранившийся от смерти мифопоэтический герой Гильгамеш. Удовлетворяя его просьбу, Ут-напшти открывает тайну травы (цветка) вечной молодости. (На острове есть и источник вечной молодости, но намек на его существование Гильгамеш не понимает.) С трудом достав чудо-траву, он отправляется домой, но воспользоваться заветным трофеем ему не удастся: пока герой купался, траву утащила змея и сразу же, сбросив кожу, помолодела. Так рассказывает «Эпос о Гильгамеше».

Блаженный остров шумеров носит название Тельмун (Дильмун). Это непорочная, священная, светлая страна, страна живых. Здесь нет хищных животных, а люди не знают ни болезней, ни старости. Этот остров идентифицируется с Бахрейном. Шумеры считали его местом возникновения человечества. Характеристика Тельмуна содержит многочисленные параллели с библейским повествованием об Эдеме.

Еще один остров блаженных — Левка греческой мифологии. Первоначально — это сказочная страна на самом краю земли, где обитают души героев. Позднее, в середине I тысячелетия до н. э., в представлениях древних греков — это место, куда после своей смерти был перенесен Ахилл. «Похоронили его, — читаем мы в „Мифологической библиотеке“ Аполлодора, — на Белом острове вместе с Патроком, смешав их кости. Говорят, что Ахиллес после смерти, находясь на Островах Блаженных, женился на Медее» [Аполлодор, с. 86]. Левка, что значит Белый, локализуется учеными в Северо-Западном Причерноморье и отождествляется с островом Змеиным.

...На крайнем западе известного древним грекам мира, у берегов реки Океан Геспериды, дочери Ночи и Атланта, охраняли яблоки, дарующие вечную молодость. Стеречь их светлогласым нимфам помогал дракон. В этом же саду находились и источники амброзии — пищи богов. Никому до Геракла не удавалось добыть золотые яблоки Гесперид. Именно здесь он совершил один из

своих подвигов: то ли убив отравленной стрелой дракона, то ли (согласно другой версии мифа) послав за золотыми яблоками Атланта, поддерживавшего неподалеку небесный свод (взяв последний на свои плечи), Геракл овладел молодильными яблоками. Впрочем, Афина возвратила их на свое место, решив, таким образом, вопрос о бессмертии.

Подобный рассказ об одиннадцатом подвиге Геракла можно услышать, попав на Канарские острова. И это не случайно: Геспериды, по мнению некоторых ученых,— одно из первых названий, данных античными авторами части островов этого архипелага. Трудно сказать, называли ли их так древние мореходы.

Мифический солнечный сад Гесперид древние греки первоначально помещали в Африке, но со временем его местоположение отодвигалось все дальше и дальше за пределы известных земель. Геспериды и Горгады, Счастливые острова и острова Блаженных — географические названия, заимствованные из мифологии и перемещавшиеся (в мифах) с востока на запад, по мере того как расширялись знания древних об окружающем их мире,— все эти названия, порой локализуемые учеными на Канарах, можно с не меньшим основанием идентифицировать с любым архипелагом восточной Атлантики от Азор до островов Зеленого Мыса. Недаром этот район Атлантического океана иногда называют Макаронезией, т. е. страной счастливых островов или островов блаженных.

Впервые упоминание о некой счастливой земле, где обитают блаженные, в древнегреческой литературе встречается у Гомера.

Ты за пределы земли, на поля Елисейские будешь
Послан богами — туда, где живет Радамант златовласый
(Где пробегают светло беспечальные дни человека,
Где ни метелей, ни ливней, ни хладов зимы не бывает,
Где сладкошумно летающий веет Зефир, Океаном
С легкой прохладой туда посылаемый людям блаженным)...
[Гомер, IV, 563—568].

В приведенном выше отрывке из песни IV «Одиссеи» Гомер говорит об Элизии, царстве Радаманта. В сочинениях Гесиода, поэта, жившего в VIII—VII веках до н. э., счастливая земля упоминается уже под названием Острова Блаженных (*Μακάρων νήσοι*). Здесь продолжают жить неумирающие герои, боги и полубоги. Древнегреческий поэт-лирик Пиндар, творивший в первой полови-

не V века до н. э., говорит об одном острове Блаженных, причем на него могут попасть не только избранные герои, но и праведники. Что стоит за необыкновенными землями Гомера, Гесиода, Пиндара, по-видимому, никогда прояснить не удастся. Лишь в сочинении Плиния Старшего мы впервые находим их точное местоположение — Канарский архипелаг.

В своем многотомном труде «Естественная история» кроме островов Блаженных Плиний Старший называет и другие островные группы, лежащие у северо-западных берегов Африки. Мы встречаем уже известные нам Геспериды. Иногда их отождествляют с частью Канарского архипелага, а нередко с островами Зеленого Мыса. Местоположение Горгад, где некогда, по его словам, обитали горгоны — чудовищные существа со взором, превращающим все живое в камень, — чаще установить затрудняются, однако иногда и эти острова связывают с Канарским архипелагом.

Неподалеку от островов Блаженных Плиний Старший располагает Пурпурарии. Это еще одно из названий Канар. Некоторые исследователи полагают, что Пурпурарии — не что иное, как восточная группа островов Канарского архипелага, в то время как Блаженные — его западная часть. Некоторые основания для подобной идентификации дает широкое распространение в те времена на восточных островах архипелага лишайника орсель (*Roccella tinctoria*) — растительного красителя, используемого для окраски тканей.

Но древностью не ограничивается «поиск» блаженных островов. Представления о них прослеживаются у различных народов и в более позднее время. Аваллон кельтской мифологии — загробный мир, расположенный, как правило, на далеких западных островах, где произрастают чудесные яблоки, дарующие бессмертие.

В «Жизни Мерлина», написанной Гальфридом Монмутским — английским хронистом XII века, остров предстает как *Insula Pomorum*.

Остров Плодов, который еще именуют Счастливым,
Назван так, ибо все само собой там рождается.
Нужды там нет, чтобы пахарь поля взрывал бороздами,
Нет земледелия там: все сама дарует природа...
Сто и более лет продолжается жизнь человека [Гальфрид,
стк. 908—911, 915].

Как видим, это описание во многом восходит к античной традиции. Сведения об островах почерпнуты Гальф-

ридом из «Этимологий» ученого-эрудита Исидора, епископа Севильи, жившего на рубеже VI—VII веков. В свою очередь, источниками Исидора Севильского были в данном случае труды античных авторов. В «Этимологиях» земной рай располагается в Океане «слева от Мавритании», т. е., по-видимому, на Канарских островах. В «Истории бриттов», принадлежащей также перу Гальфрида Монмутского, земля, куда, по преданию, был перенесен раненый король Артур, названа Островом Яблок (*Insula Avallonis*).

Нельзя не вспомнить и героя русской сказки о молодильных яблоках и живой воде, который ходил за девять девяти, в десятое царство. Добытые там трофеи сослужили добрую службу его отцу...

Где бы, в какие времена ни предполагали различные народы существование обетованной земли, в их представлениях можно выделить общее. Как правило, счастливые земли были островными, и, чтобы попасть туда, необходимо было преодолеть водный рубеж. На острове располагался потусторонний мир, неизменным элементом которого являлся сад, изобилующий плодами. Вкусив золотых яблок или испив из источника, находившегося в этом саду, человек обретал бессмертие. Согласно легендам, для природы блаженных островов характерно также отсутствие временных, сезонных и календарных изменений. Говоря словами Горация, «там Царь Бессмертных умеряет все и вся».

Географические знания о Канарах во времена Плиния Старшего. Канарский архипелаг составляют семь крупных (Гран-Канария, Лансароте, Фуэртевентура, Тенерифе, Гомера, Пальма, Иерро) и шесть мелких островов и скал (Грасьоса, Алегранса, Монтанья-Клара, Лобос, Рокке-дель-Эсте и Рокке-дель-Оэсте).

Хронисты донесли до нас аборигенные названия почти всех островов: Тамаран (Гран-Канария), Ачинеч (Тенерифе), Эсеро (Иерро), Бенаоаре (Пальма), Титеро-гакнает (Лансароте) и Маора, или Маоа (Фуэртевентура). Однако сказать с уверенностью, когда возникли эти названия и кому принадлежит их авторство, пока не представляется возможным. Археологи и лингвисты еще должны многое здесь прояснить.

Названия отдельных островов, встречаемые при описании Блаженных в тексте Плиния Старшего, есть все основания считать первыми из дошедших до нас названий островов Канарского архипелага в античной геогра-

фической традиции. Свидетельства римского ученого отрывочны и противоречивы, но единственны и потому представляют большую ценность. Приведем их полностью.

«201. За этими [островами], рассказывают, еще два острова Гесперид, и все [известия] касательно их настолько неточны, что Стаций Себос сообщал, будто от островов Горгон, мимо Атланта и до островов Гесперид путь в 40 дней плавания, а от них до Гесперу Керас — один [день]. Не точнее слухи и об островах Мавритании. Кое-какие [из них], как стало известно совсем недавно, [лежат] против [земли] автололов, они открыты Юбой, который завел на них [мастерские] по окрашиванию [тканей] гетульским пурпуром.

202. Есть такие, кто считает, что за ними [лежат] острова Блаженных и [еще] какие-то другие, о которых тот же Себос, собиравший сведения об их числе и расстояниях [между ними], передает [следующее]: Юнония отстоит от Гадеса на 750 миль; от нее в западном направлении столько же до Плювиалии и Капрарии; на Плювиалии нет иной воды, кроме как из дождевых туч; от этих [островов] 250 миль до островов Блаженных, [лежащих] по левую сторону от Мавритании в направлении [места стояния] солнца в 8 часов; называют их: [один] Инваллис из-за его выпуклой формы, а [другой] Планазия из-за его внешнего вида. Инваллис имеет в окружности 300 миль; деревья растут там до высоты 140 футов.

203. Юба выискал об островах Блаженных вот что: они расположены в направлении южной части неба, ближе к западу, в 625 милях от Пурпурариев — так [получается], если плыть 250 миль на [юго-?] запад, а затем 375 миль на восток. Первый [из островов] называется Омбриос, [на нем] никаких следов сооружений; в горах [там] имеется стоячее озеро, [растут] деревья, похожие на ферулу, из которых давят влагу — из черных горькую, из более светлых приятную для питья.

204. Другой остров зовут Юнония: на нем только маленький храм, сооруженный из камней. С ним по соседству того же названия меньший остров; затем Капрария — [остров], на котором полно больших ящериц. В виду этих [островов] лежит окутанный туманом [остров] Нингвария, который получил такое название от постоянно [лежащего] снега.

205. Ближайший к нему остров называется Канария

из-за множества огромной величины собак, две из которых были доставлены Юбе; там можно заметить следы сооружений. Изобилуя наряду со всеми другими островами множеством [всякого рода] плодов и птицами всяких пород, этот остров богат еще и пальмовыми рощами, приносящими финики, а также кедрами. Много на нем и меда. В реках растет папирус и рождаются сомы (?). Эти [острова] заразны из-за гниющих [трупов] морских чудищ, постоянно выбрасываемых [морем]» [История Африки, с. 119—120].

Как видим, Стаций Себос и Юба II, правивший Мавританией с 25 года до н. э. по начало 20-х годов н. э., на которых ссылается Плиний, неодинаково называют отдельные острова архипелага Блаженных и по-разному располагают их по отношению к другим географическим объектам. Себос говорит лишь о двух островах: Инваллис и Планазия, причем названия эти даны по внешнему виду. Большинство ученых полагают, что речь здесь идет о Тенерифе и Гран-Канарии.

Юба называет и описывает шесть островов Блаженных, располагая их в 625 милях к юго-западу от Пурпурариев. О локализации последних высказывались различные точки зрения. В настоящее время эти острова (или один из них) обычно отождествляют с островом Могодор. Что же касается идентификации островов, названных Юбой Блаженными, то лишь относительно двух из них мнение большинства ученых совпадает. Так, окутанный туманом остров Нингуария отождествляется, как правило, с Тенерифе, а Канария — с Гран-Канарией.

В «Руководстве по географии» Клавдий Птолемей перечисляет и дает географические координаты каждого из шести известных ему островов Блаженных. Четыре из них он размещает на нулевом меридиане, а острова Канария и Геры — на первом градусе восточной долготы. Птолемей, используя александрийскую научную традицию, располагает острова с севера на юг в такой последовательности: Апросит, Геры (Юнонии), Плювита, Касперия, Канария и Пинтурия, или Кентурия. Как видим, некоторые острова в его списке не совпадают с Плиниевыми, что отражает версию другой географической школы.

Составляя свои градусные таблицы, Птолемей пользовался трудом Плиния Старшего, а возможно, и сочинениями его информаторов. Это подтверждает соответ-

ствие расстояний между островами, а также между ними и материковыми географическими пунктами, выраженными у Птолемея в градусах, с расстояниями между теми же объектами, выраженными у Плиния в милях. Птолемей пользовался и источниками, до нас не дошедшими и неизвестными Плинию.

Некоторые исследователи утверждают, что в античное время не были известны острова, находящиеся западнее Тенерифе. Другие — что Птолемей не включает в островную группу Блаженных лишь самые западные — Пальму и Иерро. Рихард Хенниг полагает, что «в конце древнего времени западные острова Канарской группы, несомненно, были уже известны» [Хенниг, т. 1, с. 452; см. также: он же, т. 3, с. 165, 248]*. Однозначно решить этот спор не представляется возможным. Уровень развития мореплавания, с одной стороны, и географические характеристики архипелага — с другой, дают все основания поддержать последнюю точку зрения.

Об идентификации Омбриоса Юбы II, Плювиалии Стация Себоса и Плювиталы Клавдия Птолемея высказывались и защищаются по сей день различные суждения. Еще в начале XVII века Х. Абреу Галиндо предложил отождествить этот 'дождливый' остров с Иерро. Из всех островов архипелага он наименее обеспечен водными ресурсами. (Джордж Глас, посетивший Канары в 1764 году, упоминает о существовании на Иерро лишь трех источников.) Населению приходилось использовать для питья сок растений. В гористой части острова и сейчас растут деревья, дающие сок, употребляемый вместо питьевой воды. Еще одним средством получения воды был сбор ее из-под деревьев, листья которых обладали способностью конденсировать на своей поверхности атмосферную влагу. П. Шмит считает, что деревом, «дававшим» воду, была одна из разновидностей липы с большими удлинёнными листьями [Schmitt, с. 367].

В XVIII веке такие деревья еще росли на этом острове. Количество воды, собираемое с них в течение суток, находилось в прямой зависимости от расположения дерева и от пассата, который приносил туман с поверхности океана. При благоприятных условиях оно могло быть значительным. Способностью конденсировать влагу обладают и другие произрастающие здесь растения,

---

* Автор исключает возможность того, что древние знали остров Иерро, и сомневается, была ли им известна Пальма.

например вереск. Однако число листьев на нем и площадь их поверхности мизерны, соответственно и количество воды, конденсируемое этим растением, невелико.

Юба II говорит, что в горах Омбриоса имеется *stagnum* (стоячее озеро). В настоящее время ничего подобного ни на одном из островов Канарской группы нет. Некоторые ученые высказывали предположение, что прежде на месте кальдеры острова Пальма находилось озеро. П. Шмит, идентифицирующий Омбриос с Фуэртентурой, считает, что под упоминаемым в тексте Плиния озером подразумевалась имевшаяся на юге острова лагуна, ныне засыпанная песком.

Слово «стагнум» имеет много значений. Оно может быть переведено не только как стоячая вода, озеро или болото, но и как искусственный пруд, бассейн. Вполне возможно, что в античном источнике под этим словом подразумевались именно резервуары для хранения воды, стекавшей с деревьев, обладавших замечательными адсорбирующими и конденсирующими свойствами.

Х. Абреу Галиндо сообщает, что под описываемым им «Святым деревом» располагались два квадратных водоема (точнее, один, разделенный перегородкой) со стороной 20 футов (6,1 метра) и глубиной 16 пядей (3,4 метра). В одном из резервуаров хранилась вода для питья, а в другом — для хозяйственных нужд и скота [Glas, с. 107; Serra-Ráfols, 1968, с. 428]. В тексте Плиния говорится далее о наличии на острове деревьев, похожих на ферулу, из которых выдавливают влагу, что также свидетельствует в пользу идентификации Омбриоса с Иерро.

Упомянутое «Святое дерево» называлось аборигенами *Garoe*, что вызывает ассоциацию с названием на их же языке упомянутых резервуаров (*hero, heres, herez*) — эро. Напомним, что свой остров коренные жители называли Эсеро. По-видимому, современное наименование острова восходит к аборигенному. Это предположение высказал впервые испанский историк Антонио де Виана, уроженец Тенерифе, живший на рубеже XVI и XVII веков. Он свидетельствует, что источники играли весьма важную роль в жизни островитян, ввиду чего и сам остров был назван Эро. Небезынтересно отметить, что для уменьшения испарения запасаемой коренными жителями воды использовался очень мелкий чистый песок — эра.

Перечисленные фонетически созвучные названия из языка древних канарцев образуют некоторое смысловое единство, складывающееся, впрочем, не на основании строгого лингвистического соответствия (этот аспект требует специального изучения), а преимущественно в силу общности семантического поля. Действительно, все эти наименования так или иначе связаны с водой. Заканчивая разговор об идентификации «дождливого» острова античных авторов, следует сказать, что на средневековых морских картах мира название Дождливый появлялось лишь рядом с Лансароте.

Высказать предположения о локализации других островов, составляющих Блаженные Плиния и Птолемея, не представляется возможным. Впрочем, большой и малой Юнии (Геры у Птолемея) всего вероятнее располагать на востоке архипелага. Издатель и комментатор александрийского ученого Карл Мюллер отождествляет их с Лансароте и Фуэртевентурой [Ptol., IV, 6, 14].

Из топонимов, встретившихся нам в отрывке Плиния Старшего, время сохранило лишь два. Они в названиях двух больших островов: Гран-Канарии, давшего имя архипелагу, и Фуэртевентуры, сохранившего древнее наименование всей островной группы. Чтобы проследить рождение «Фуэртевентуры» от латинского названия островов Блаженных [*Fortunatorum (Fortunatae) insulae*], необходимо перейти к следующему этапу топонимической истории Канар — появлению современных названий.

Собачья или Птичья? В эпоху владычества арабов в Западном Средиземноморье Канары, почти забытые со времен падения Рима, получают название Вечных островов. Приобретают арабские наименования и некоторые отдельные острова из этой группы. Но они просуществовали недолго. Переломным в топонимической истории архипелага стал XIV век. Один из первых повторнооткрывателей, генуэзский торговец Лансерот из дома Марочелли оставил свое имя в названии Лансароте. Его экспедиции стали известны лишь два крупных восточных острова.

На средневековой карте Канары впервые появляются в 1339 году. Ее автор — проживавший на Мальорке каталонец Дульсерт — разместил в районе архипелага три острова, а рядом с ними — герб Генуи. Их названия: *Lanzarotus Marocelus, Forte Ventura, Vesci Marini*.

Последний — маленький островок Лобос (Тюлений), лежащий между Лансароте и Фуэртевентурой. В основу знаний Дульсера легли сведения, полученные от участников экспедиции Лансерота Марочелли или тех, кто плывал по проложенному ими пути. Итальяно-мальоркское Форте Вентура испанский ученый Альварес Дельгадо предлагает понимать как Гран-Фортуна, т. е. Большой остров Фортунии [Alvarez Delgado, 1954, с. 14—15]. Далеко на западе Дульсерт разместил еще четыре острова, среди названий которых уже известные нам Канария и Капрария, а также Гоммария и остров Св. Брандана. Происхождение их неясно. Через два года после появления карты Дульсера экспедицией, снаряженной по приказу португальского короля Альфонса IV Смелого, были открыты все 13 островов архипелага, однако в тексте памятника, рассказывающего об этой экспедиции, назван лишь один — Канария. И только через десять лет, в 1351 году на карте впервые фиксируются: Лансаротто, Фортевентура, Канария, Инферно (Адский остров, т. е. Тенерифе, который в 1346 году потрясло сильное извержение), Пальме, Гомера и Фер. И вновь к западу располагаются мифические Вентура, Св. Хорхе, Брасил и другие.

В начале XV века за Адским островом закрепляется современное название (первоначально — Тенерефис). Как можно было заметить, названия Плиния не имеют ничего общего с аборигенными наименованиями островов и с лексикой коренного населения. Напротив, некоторые современные топонимы, по-видимому, восходят к аборигенным. Возможно, это справедливо для названия Иерро, о чем говорилось выше. Так же обстоит дело и с названием Тенерифе. На языке гуанчей, коренного населения этого острова, гуанктинерфе значит «житель Тенерифе».

Острова Блаженных (Афортунанды, острова Фортунии) — название, данное Канарскому архипелагу античными авторами, просуществовало полтора тысячелетия. Геспериды и Пурпурарии в средние века почти не вспоминали. Пожалуй, лишь один раз за это время архипелаг был назван *Canarias Insulas*. Так написал о нем живший в IV веке римский автор Арнобий, перечисляя группы островов, лежащие на краю мира. Но это — исключение.

В середине XIV столетия впервые применительно ко всем островам встречается наименование Канария (*in-*

sulas... de Canaria). В 1403 году, например, Жаи де Бетанкур был провозглашен «королем Канарии». В это время происходит закрепление этого названия за всем архипелагом, а во второй половине XV века появляется топоним «Канарские острова», использованный ранее Арнобием. Но в документах еще долго будет отсутствовать единообразие, причем различные наименования будут встречаться в одних и тех же памятниках.

Хроника 1526 года говорит «об островах Канар». История, написанная в 1590 году, — «об островах Канарии». Сочинение Антонио де Вьяны, изданное в 1604 году, называется «Древности островов Блаженных Гран-Канарии...» За «Всеобщей историей Канарских островов» 1669 года в библиографии архипелага следует изданное семью годами позднее сочинение уроженца Тенерифе Нуньеса де ла Пенья «Завоевание и древности островов Гран-Канарии...». Лишь во второй половине XIX века современное название архипелага вытесняет другие.

Так что же означает название Канарские острова: Собачьи, Птичьи, а может быть — Тростниковые? В XVI веке, когда производство завезенного на Канары сахарного тростника достигло немалых размеров, их стали называть еще и Сахарными.

Точка зрения, согласно которой античное название острова происходит от *canpa* (тростник, камыш), беспочвенна. Нет оснований сомневаться, что Канария Плиния Старшего — Собачий остров, получивший свое название от латинского *canes, canis* (собака). Плиний в приведенном выше отрывке недвусмысленно объясняет этимологию этого топонима. Любопытно, что в книге V (§ 15) «Естественной истории» ученый говорит о племени, проживающем на территории северо-западной Африки: их называют «канариями, потому что они, как и собаки, поедают часть внутренностей диких животных».

Связь наименования одного из островов с собакой прежде всего мотивирована ее реальным присутствием на архипелаге. Кроме того, интересно отметить, что роль собаки в культурной символике Восточного Средиземноморья и Северной Африки в древности была очень значительна. На Крите и у гарамантов собака включалась в круг атрибутики вождевой, царской власти. Этот факт позволяет предполагать вероятность культурных контактов Канар с этими регионами уже во II тысячелетии до н. э. Забегая вперед, добавим здесь же, что

косвенным аргументом в пользу этих контактов является также факт обнаружения на архипелаге мумий собак, свидетельствующий об их важной сакральной роли. У древних эгейцев и ливо-берберов собака занимала значительное место в сакральных ритуалах.

Средневековые хронисты, следуя античной традиции, также интерпретировали название центрального острова, а затем и архипелага как Собачьих. Однако уже в XV столетии это значение начинает стираться, особенно в бытовом употреблении. В XVIII веке в Европе получает широкое распространение вывезенная ранее с Канар зелененькая птичка. За островами прочно закрепляется значение Птичьих: не *canino* (собачий), но *canoro* мелодичный, благозвучный (о пении птиц). Подобная этимология топонима настолько закрепилась в быту, что в нашем столетии разъяснения появлялись и на страницах печати. Возможно, переосмысления не произошло бы, если бы «огромные» собаки, особи которых были привезены Юбе II, как и полтора тысячелетия назад, водились на архипелаге. Вообще реинтерпретация названия Канарских островов связана с широко известным феноменом народного этимологизирования.

За пять столетий, прошедших со времени захвата островов испанцами, слово «канарио» широко распространилось на Пиренейском полуострове и в бывших испанских и португальских колониях в Латинской Америке и на Филиппинах. Так называются не только десяток различных птиц, размером от воробьиных до пеликана [Régulo Pérez, с. 526], но и многие растения, например бобовое (*Crotalaria incana*) на Кубе, *Rosa sulfurea* в Мексике. Часть растений, называемых «канарио», цветет желтыми цветами: *Jussiaea geminiflora* в Центральной Америке и кустарник *Allamanda cathartica* в Пуэрто-Рико.

В Чили канарио — это и важная персона, дающая хорошие чаевые в отелях и ресторанах, и определенный тип большого глиняного кувшина с носиком. Так называют здесь и любовника. В Аргентине — это денежный билет стоимостью сто песо, а также уроженец южноургувайского департамента Канелонес. Перечень этот можно было бы и продолжить.

В Европе это слово также приобрело новые значения. В Андалусии так называют соломенную шляпу, а в Германии — преступника, сознающего в совершенном злодеянии. В XVII—XVIII веках канарио — это танец,

завезенный на материк с архипелага, а с XIX века — определенный тип судна. «Канарио!» — восклицают в Испании, чтобы выразить удивление. И, конечно, так называют особый кастильский диалект, на котором говорят канарцы. В испанском языке есть также около десятка фразеологизмов со словом «канарио» в значении канарейка.

Как видим, дальнейшая жизнь этого слова многообразна. Но почти во всех новых значениях можно усмотреть общее. Им, пожалуй, является та или иная экзотичность называемого. Отличается ли оно желтым цветом, восходящим, по-видимому, к цвету домашних канареек; специфично ли для современной социальной жизни архипелага — центра мирового туризма; происходит с Канарских островов и только для них характерно, или оно просто необычно и поражает своей странностью.

Завершая разговор о названиях, отразивших этапы освоения архипелага, коснемся другого топонимического пласта — названий поселений. Отметим лишь весьма любопытный факт об одном из ойконимов, упомянутых в эпиграфе к этой главе в словах немецкого писателя и естествоиспытателя Адельберта Шамиссо, прибывшего на Тенерифе в 1815 году на борту русского брига «Рюрик» под командованием О. Коцебу. В происхождении названия одного из населенных пунктов, через которые лежал путь А. Шамиссо, — деревеньки Матанса, что в переводе с испанского означает убийство, бойню, резню и т. п., есть некоторая особенность, отличающая этот ойконим от одноименных за океаном. Там, в Новом Свете, Матанса, как и Виктория, — названия, данные в память о победных боевых действиях испанцев. На Тенерифе у поселения, носящего теперь это название, испанские колонизаторы под предводительством Алонсо де Луго потерпели поражение от аборигенов, возглавляемых вождем-менсеем Бенкомо.

— Подниматься? Подниматься на Тенерифский пик? К чему это, дорогой капитан, после Гумбольдта и Бонплана? Гениальный Гумбольдт поднялся на эту гору и описал ее так, что уж ничего не прибавишь.

Жюль Верн

Глава II

ОСТРОВА ВЕЧНОЙ ВЕСНЫ

Группа островов, называемых Канарскими, имеет с точки зрения физической географии немало достопримечательностей: геологическое происхождение, климат, растительный мир.

Расположенный дугой с юго-запада на северо-восток, протянувшейся более чем на 500 км, в ясную погоду архипелаг виден с африканского материка невооруженным глазом. От мыса Юбы ближайший к материку остров Фуэртевентура отделяет пролив шириною около 115 км. Если же приближаться к Канарам со стороны океана, издали виден, как правило, окутанный облаками пик Тейде (3718 м).

«На этот гигантский конусообразный вулкан трудно взобраться вследствие его крутизны, а кратер, находящийся на самой вершине, окружен настолько тонкой круглой стеной из лавы, что там в некоторых местах едва можно усесться. Зато тот, кому хватит смелости добраться до кратера, будет вознагражден одним из прекраснейших зрелищ, какие только бывают на свете. Перед ним раскинутся, как на ладони, все прелестные ландшафты Тенериффы, он увидит остальные девятнадцать Канарских островов... [Коцебу, с. 33]*. За полтора века со времени написания этих слов картина, открывающаяся с вершины tenerифского пика, несколько изменилась, но, как прежде, она величественна.

Попавшего на архипелаг поражает природное разнообразие островов, а нередко и различных районов одного и того же острова: пустынный Лансароте и зеленый Пальма, пальмовые оазисы среди сухих песков побережья и тропические леса на склонах гор Гран-Канарии. Южная сторона этого острова полупустынна, а на

---

* Отто Коцебу не поднимался на пик Тейде. Указанное им количество островов — ошибочно.

северной — апельсиновые рощи и заросли финиковых пальм, виноградники и плантации сахарного тростника. Так же различаются юг и север Тенерифе. Путешественник, вышедший к пику Тейде из Ла-Лагуны, что неподалеку от Санта-Круса, пересечет один за другим не менее пяти поясов растительности.

По природным и климатическим характеристикам, а также по особенностям геологического строения острова можно разделить на три группы. К восточной относятся Лансароте и Фуэртевентура, к центральной — Гран-Канария, Тенерифе и Гомера, а западную составляют Пальма и Иерро.

Все острова — вулканического происхождения. Поднятие островных глыб, сопровождавшееся вспышкой вулканизма, произошло в середине миоцена. В плиоцене эти процессы повторились. Из этого следует, что острова сформировались в эпоху до возникновения высших форм жизни. Поднятие продолжается и в настоящее время.

Изучение отдаленного геологического прошлого Канар свидетельствует об их единстве с африканским материком. Наряду с геологией это подтверждают и данные палеонтологии. Ранее популярная гипотеза, согласно которой Канарские острова рассматривались как остаток суши легендарной Атлантиды, ныне подавляющим большинством ученых категорически отвергается. Новейшие научные данные свидетельствуют, что отделение западных островов произошло в плиоцене, а в плейстоцене отделились и восточные [Апродов, с. 328; Hausen]. Таким образом, высказанное Б. Л. Богаевским мнение, что «катастрофа, в результате которой выступавшая в океан часть Африки оторвалась от материка, произошла в раннем неолите» [Богаевский, с. 247], с позиции современных научных представлений не является сколько-нибудь правдоподобным.

Гипотезу материкового генезиса Канарских островов, предполагающую существование в прошлом так называемого канарского выступа африканского материка, позднее отколовшегося и разбившегося на части, т. е. на отдельные острова, ученые отстаивали длительное время. Сторонников этой точки зрения можно встретить еще и теперь. Знакомясь с их аргументами, следует иметь в виду, что рождение островов произошло задолго до антропогена, таким образом, заселение архипелага не могло идти по сухопутному мосту, что вытекает из

предположения о позднем материковом происхождении островов, а проходило морским путем.

По мнению Х. М. Фернандеса, о единстве в прошлом Канар с материком свидетельствует, в частности, наличие на Гомере и Тенерифе некоторых насекомых, распространенных также в Судане, на Синае и в Аравии. Энтомологи утверждают, что насекомые таких видов не могли быть занесены на архипелаг по воздуху, и, следовательно, единственно верно предположение о том, что они обитали здесь еще до откола Канарских островов от Африки. О постепенности же процесса отделения Канар свидетельствует резкое отличие флоры и фауны западных островов (среди местных видов много эндемиков) от растительного и животного мира восточных (виды здесь близки к материковым) [Fernández].

В длительном споре сторонников гипотез материкового и вулканического происхождения островов все же побеждают приверженцы последней.

Среди канарских вулканов многие поднялись выше полутора километров. Рекордсменами являются два слившихся конуса на Тенерифе: Пико-де-Тейде и Пико-Вьехо (3103 м). По своим размерам они сходны лишь с вулканами континентальных областей.

Самое высокое место Гран-Канарии — Посо-де-ла-Ньевес (1950 м) — один из куполов в центре острова. На Пальме выделяется ряд вершин (до 2423 м), окружающих самый большой в мире вулканический кратер — кальдеру Де-Табурьенте (или просто Ла-Кальдеру). Для восточных островов характерно обилие небольших молодых вулканов. Так, лишь в центральной части Лансароте их около 300. Немало на этом острове и активных вулканов.

Со времени колонизации архипелага испанцами наиболее полно хронология вулканических процессов зафиксирована для трех островов — Лансароте, Пальма и Тенерифе. За последние пять веков извержения были и на всех других крупных островах, но точных дат не сохранилось. На Тенерифе за этот период наблюдалось пять активизаций вулканической деятельности. Последняя была в ноябре 1909 г. Еще недавно были живы те, кто помнил это сильнейшее извержение Пико-де-Тейде: «дрожала земля и скалы наползали друг на друга даже... на Гран-Канарии» [Немира, с. 25].

Один из свидетелей извержения на острове Пальма в 1646 году сообщает, что в течение двух месяцев

Вплоть до 18 декабря из кратера вулкана Тигалате извергались раскаленные камни. Лава, изливавшаяся четырьмя огненными потоками, достигала моря, которое отступило более чем на полкилометра. Нечто подобное писал и известный историк Вьера-и-Клавихо об извержении на этом же острове вулкана Фуэнкальенте, происходившем с 22 ноября 1677 по 21 января 1678 года. Его предвестниками были: удушающий запах серы, гул и содрогания земли. Наконец образовалось около сорока трещин, из которых потекли огненные ручьи, слившиеся в одну очень широкую реку, стекавшую в море... Пепел разлетался почти на сорок километров [Benítez, 1951, с. 69]. В начале 1980-х годов на острове Пальма отмечалась активность вулкана Тахуа.

Семь островов архипелага заселены, а на остальных нет постоянных жителей. Самым большим является Тенерифе. Совсем немного уступает ему Фуэртевентура (2053 и 2019 кв. км соответственно). Однако последний остров значительно менее освоен, так как на нем нет пресной воды. С этими двумя островами сравним лишь Гран-Канария, площадь которого — чуть более 1500 кв. км. Один из самых маленьких в архипелаге — Монтанья-Клара занимает всего 1 кв. км, а одиноко торчащие в океане скалы — и того меньше.

Острова, входящие в состав провинции Лас-Пальмас, занимают 4065 кв. км, а в Санта-Крус-де-Тенерифе — 3208. Таким образом, общая площадь архипелага несколько превышает семь тысяч кв. км.

Рельеф островов определяется в первую очередь вулканическими процессами. Лансароте, например, из окна самолета выглядит черной пустыней. «Вулканические конусы, ущелья, сглаженные покровами лав и пеплов, обрывистые черные берега...» [Фаворская, с. 101]. Яркое солнце, сухой пустынный климат, охлажденный бризом и пассатом, внезапные и сильные грозы с обильным и быстротечным дождем — все эти особенности климата определяют облик островов.

Береговая линия островов сильно изрезана. На Иерро около половины берегов круто обрываются к океану. Обрывы здесь достигают километровой высоты. Вот как писал полтора столетия назад офицер российского флота Отто Коцебу, проплывая мимо Тенерифе: «Благодаря высоким, обрывистым массам застывшей лавы здешний берег имеет живописный вид, но кажется пустынным и бесплодным. Глаз не обнаружит здесь ни клочка земли,

на котором мог бы расти чудесный tenerиффский виноград» [Коцебу, с. 33].

В 60-километровом проливе, разделяющем Гран-Канарию и Тенерифе, находится наиболее глубокое место в районе архипелага — 3299,5 м.

Омывающее острова Канарское течение — холодное. Нельзя не сказать о его значительной загрязненности в последние годы нефтяными пленками. Причем вблизи Канар, где проходят основные трассы перевозок нефти, отмечается максимальная концентрация загрязнения поверхностного микрослоя нефтяными углеводородами [Атлантический океан, с. 347].

Климат — одна из замечательных особенностей Канар. Острова вечной весны — таково еще одно восходящее к античной эпохе название этого архипелага. В местной испано-канарской традиции это название связывается с именем Христофора Колумба.

Климат архипелага — тропический пассатный, умеренно жаркий и сухой. Его мягкость и постоянство определяет океан. Осадков здесь выпадает 300—500 мм в год. Для островов характерно чрезвычайно равномерное распределение температуры. Например, в Оротаве на Тенерифе при средней годовой 19° , температура самого холодного месяца — 17° , а самого теплого — 21° .

Однако климат на архипелаге зависит от удаленности того или иного острова от африканского материка, а также от высоты над уровнем океана. Климат восточных островов жарче и суше. Сухие ветры пустыни время от времени приносят сюда, а порой и на Гран-Канарию тончайший песок. Количество осадков на центральных и западных островах увеличивается по мере подъема вверх. Так, на высоте от 700 до 1600 м (в зоне облаков) оно превышает 550 мм, а выше снова падает. Дожди выпадают преимущественно зимой. На высоте выше полутора километров с февраля по апрель иногда выпадает снег, но летом от него, как правило, освобождается и пик Тейде.

Острова, особенно западные и центральные, нередко окутаны облаками. Туманы благоприятствуют произрастанию на архипелаге обильной и разнообразной растительности.

В растительности Канар представлены средиземноморские и африканские типы. Океанические течения, ветры и перелетные птицы тысячелетиями заносили сюда семена различных растений, а климатические усло-

вия благоприятствовали сохранению на островах редких видов. В результате растительный покров здесь отличается большим количеством эндемичных форм. Любопытно, что флора Макаронезийской области, в которую входят острова Зеленого Мыса, Канарские, Азорские и Мадейра, насчитывает около 30 эндемичных родов и около 650 эндемичных видов, причем более половины представителей этих родов можно встретить на Канарском архипелаге.

Попадающему сюда особенно бросается в глаза обилие различных представителей рода молочай: кустарниковых, древовидных и особенно распространенного кактусовидного молочая (*Euphorbia canariensis*) с мясистыми сочными стеблями. Густой млечный сок эвфорбий аборигены островов использовали для травли рыбы в небольших заливах.

Но более всего поражает знаменитое драконово дерево (*Dracaena draco*), встречавшееся в Европе в третичный период. На Канарах оно произрастает на Тенерифе и Пальме в субтропическом поясе на высоте 100—400 м над уровнем моря, культивируется в долинах. Долгое время самым древним из них было драконово дерево, росшее в окрестностях Икода на Тенерифе: грибовидная крона его возвышалась на 23 м (могла бы заглянуть в окна седьмого этажа), а в обхвате оно достигало 15 м. В 1868 году это дерево погибло во время урагана. Любопытно, что ствол его сужался к основанию конусом и был полым, а внутри в XV веке помещался алтарь. По-видимому, этот исполин прожил около 600 лет.

Сейчас старейшиной среди драценовых считается драконово дерево, растущее в окрестностях Оротавы на том же острове. Высота его 21 м, а ширина в обхвате — почти 8 м. Предполагают, что его возраст — около 270 лет. Цветут эти деревья редко. Наблюдения показали, что за 185 лет цветущим его можно видеть только 11—13 раз. Древние канарцы почитали драконово дерево. Его цветение они считали предвестником хорошего урожая.

Пожалуй, с не меньшим почтением относятся к этому дереву и теперь. Вот как пишет о нем современная испанская писательница Кармен Лафорет, проведшая на Канарах детские и отроческие годы. «Это старое-престарое дерево с человеческой душой. Дерево, чей толстый перекрученный ствол напоминает страстное

сплетение человеческих тел; твердые листья его кроны, заостренные, словно иглы, царапают мягкий шелковистый воздух, и под корой течет красный сок... Молчаливое и загадочное, оно не окутывает себя пеленою туманов, оно четко вырисовывается в безжалостном ослепительном свете знойного дня... Века и века тихо стоит оно в ожидании, в солнечных лучах днем и в свете низких звезд прохладными ночами» [Лафорет, с. 319].

Драценовые пользуются известностью не только благодаря своим размерам и долгожительству. Не меньшую популярность им принесла «драконья кровь» — смолистый сок кроваво-красного цвета, содержащий пигменты дракокармин и дракорубин. Сок выделяется из воздушных корней, образующихся у старых деревьев, но большую часть его получают путем насечки ствола. В древности его использовали для приготовления различных снадобий, лекарств, применяли при бальзамировании. Позднее венецианские женщины красили им волосы. И теперь «драконья кровь» находит большое применение. Из нее получают лак для покрытия металлов, ею подкрашивают вина, по-прежнему она используется в народной медицине. Из древесины драцены делают зубочистки.

Эндемиком Канар является дикая канарская финиковая пальма. В среднем невысокие *Phaenix canariensis* иногда поднимаются на Гран-Канарии почти на 30 м. Но особенно поражает пышная крона этих пальм. Порой она насчитывает до 300 крупных, широко распростертых листьев. Интересно, что этот вид пальм наиболее распространен в субтропиках Черноморского побережья Кавказа, но высота их ствола здесь — 12—15, редко 20 м, крона же насчитывает 150—200 листьев.

Особенной пышностью отличаются на Канарских островах и эндемичные канарские сосны *Pinus canariensis*. У некоторых из них игловидные листья достигают 30 см.

Нельзя не упомянуть представителей семейств вересковых и лавровых. Среди наиболее интересных видов ботаники называют, в частности, канарское земляничное дерево (*Arbutus canariensis*, вересковое). Любопытно, что большинство вересковых — кустарники, а иногда и травы, на Канарах же они представлены и эрикой древовидной, достигающей здесь в высоту 20 м.

Лавр азорский, или канарский, вместе с другими эндемичными для Макаронезии представителями этого семейства образует на Канарах влажный вечнозеленый

лавровый лес в поясе постоянных туманов на высоте 400—1300 м. В соответствии с действующим в Испании законом об охране природы на Тенерифе создан один из пяти национальных парков (парк Тейде), занимающий 11 тыс. га.

Животный мир островов менее оригинален, чем растительный. В фауне отсутствуют млекопитающие (кроме летучих мышей и животных, ввезенных человеком) и земноводные. Среди домашних животных наиболее распространены козы, ослы, верблюды, свиньи и овцы, ввезенные из Европы и Африки.

Следует сказать и о собаках, давших название архипелагу. Памятник им — скульптуры на краю сквера между зданием муниципалитета и кафедральным собором Святой Анны — украшает центральную площадь Лас-Пальмаса. «Огромные» собаки, о которых писал Плиний Старший со ссылкой на Юбу II, в период европейской колонизации на островах уже не водились. Возможно, они выродились за прошедшие полтора тысячелетия, или, что всего вероятнее, их размеры были преувеличены. У аборигенов было два типа собак: один (изображенный в скульптурах на площади Святой Анны) — средних размеров, напоминающий динго Австралии, другой — широкомордые собаки с отвислыми ушами.

Спутники Бетанкура, одного из первых завоевателей Канар, свидетельствуют, что увиденные ими собаки были обычных размеров, другие хронисты говорят о маленьких, низких и толстых собачонках. Однако, не отличаясь большими размерами, собаки были на редкость свирепы, что и побудило испанские власти на Тенерифе принять меры к их уничтожению, выплачивая денежное вознаграждение (один дублон) за голову убитой собаки и двойное — если это была самка. Некоторые особи на островах сохранили эти качества своих предков, но большинство собак — помеси и отличаются миролюбивым нравом.

Большая часть птиц на Канарах принадлежит к европейским видам. Дикая канарейка (*Serinus canaria canaria*) — птица семейства вьюрковых отряда воробьиных — значительно отличается от своих прирученных сородичей: она серо-зеленого цвета, немного меньше и обычно стройней домашней. Свое научное название она получила, по-видимому, за сладкозвучное пение, от сирен древнегреческой мифологии. В Европу она была за-

везена впервые в XV веке. К настоящему времени выведено много пород этой птички, отличающихся особенностями пения и экстерьером. Европейских канареечных вьюрков подразделяют на певчих и декоративных, а среди последних выделяют цветных, курчавых и фигурных. По окраске домашние канарейки представляют большое многообразие: от белой и лимонной до огненно-красной и агатовой. Но, как и прежде, наиболее ценна канарейка звучным, мелодичным голосом, музыкальной памятью и способностью подражать пению других птиц. В далекое прошлое ушло время, когда цена этой птички была столь высока, что встретить ее можно было лишь во дворце монарха. Своим пением этот заморский воробышек многим теперь напоминает о сказочных островах у берегов Африки.

Там ему повстречались какие-то моряки, которые недавно приплыли с Атлантических островов... народ там, не обременяя себя ни трудами, ни хлопотами, в изобилии собирает сладкие плоды, которые растут сами по себе... даже среди варваров укрепилось твердое убеждение, что там Елисейские поля и обиталище блаженных, воспетое Гомером.

Плутарх

Глава III

КАНАРСКИЕ ОСТРОВА И АНТИЧНЫЙ МИР

Писаная история Канарского архипелага начинается, по существу, лишь со времени средневекового освоения островов европейцами. Что же касается истории более ранней, то, вследствие недостатка источников, представляется возможным наметить лишь некоторые ее вехи. При этом приходится обращаться к анализу археологического и палеоантропологического материала и исследованию письменных памятников античности.

Первыми вышли в Атлантический океан мореплаватели Эгеиды. На существование во II тысячелетии до н. э. контактов между Канарскими островами и Восточным Средиземноморьем указывают многие факты, в том числе и выявленные на Канарах письменные знаки, обнаруживающие сходство со знаками критского линейного письма А и Б. Ученые едины во мнении, что в середине II тысячелетия до н. э. имели место прямые контакты между этими районами.

Петроглифические изображения, в которых можно видеть знаки письменности, получили широкое распространение на архипелаге. Г. Бидерманн делит эти знаки на три группы: линейный шрифт, древнеливийская письменность и переходный шрифт, содержащий знаки как первого, так и второго типа.

Знаки линейного шрифта в какой-то степени напоминают критскую письменность. Сравнительный анализ некоторых канарских знаков и знаков критского линейного письма А и Б показывает их несомненное сходство. Обращает на себя внимание направление строк канарского письма. Строки располагаются в форме дуг или спиралей. Расположение надписей по спирали встречается также в Средиземноморье, например в Эгеиде, на

побережье Малой Азии и в Этрурии. Отмечая то, что на Канарских островах надписи, выполненные линейным шрифтом, высечены на монолитах, которые невозможно вращать для удобства написания или чтения, и что в канарских знаках имеются существенные искажения по сравнению с критскими, Г. Бидерманн высказывает предположение, что лицо, писавшее на Канарах эти знаки, не понимало смысла написанного и лишь приблизительно копировало то, что видело ранее. Гипотеза Г. Бидерманна согласуется и с общим положением о спиральных надписях, характерных для древнейших эпох развития письменности. В типологическом смысле спиральное расположение надписи означает сакральную функцию письма, что подтверждается многочисленными примерами. Непонимание канарским писцом воспроизводимых знаков также свидетельствует о сакральном характере канарского письма.

Значение отмеченных параллелей усиливается сходством малораспространенного греческого имени владычицы Лабиринта (Ариадне, или Арихагне) с титулом, который носили жрицы пещерного храма в Барранко-де-Валерон на Гран-Канарии (*Ari-mag*, или *Ari-mag^w-ada*). Впрочем, Г. Бидерманн не исключает случайного совпадения минойских и канарских звучаний и окончательный ответ оставляет за дальнейшими исследованиями. Он обращает внимание на североафриканские параллели к титулу канарского вождя — менсей: *amenziyu*, *amenziu...* [Biedermann, 1970, с. 120—121].

Все это дает основание предполагать наличие прямых или опосредованных культурных контактов между Эгейдой и Канарскими островами. Некоторые ученые считают, что связи между этими районами поддерживались в позднеминойское и послеминейское время, о чем, в частности, свидетельствуют фактории эгейцев, появившиеся в середине II тысячелетия до н. э. на атлантическом побережье Северо-Западной Африки [Поплинский, с. 77—79].

Впрочем, в Атлантическом океане плавали не только выходцы из Восточного Средиземноморья. В конце II тысячелетия до н. э. на юге Пиренейского полуострова складывается рабовладельческое государство Тартесс, просуществовавшее до начала V века до н. э. Его мореходы на первых порах контролировали западную часть Средиземного моря и господствовали в прилегающих водах Атлантики, однако со временем уступили

свои позиции мореплавателям Восточного Средиземноморья.

Около XII века до н. э. за Гибралтарский пролив проникают финикийцы. На первых порах они лишь устанавливают торговые отношения с населением близлежащих территорий, в том числе и с жителями Тартесса, города, распространившего несколько позже свою власть над южной частью Пиренейского полуострова. Однако затем финикийцы приступают к колонизации побережья этого района Атлантики. Возникающие здесь колонии были как бы торговыми посредниками между Финикией и государством Тартесс. Первая из финикийских колоний — Ликс основывается выходцами из Тира на африканском побережье у устья реки Ликс (совр. Лукос), по-видимому, на рубеже XIII и XII веков до н. э. В XII веке до н. э. тирийцы основывают другую колонию к западу от Гибралтарского пролива, в данном случае в Европе — Гадес (современный Кадис).

В Восточное Средиземноморье из Тартесса привозили золото, слоновую кость, обезьян, павлинов. В Тартессе же эти товары поступали главным образом из Африки. Уместно отметить, что африканский экспорт в Восточное Средиземноморье попадал и из самой Африки через древние эгейские колонии в Киренаике и в районе Сиртов. Богатства Пиренейского полуострова (серебро, золото, олово), как и олово Британии, неизменно привлекали древних мореходов. Пути вдоль атлантического побережья Северо-Западной Африки одними из первых освоили финикийцы. Страбон говорит о существовании торговых финикийских поселений в заливе Эмпорик, к югу от Ликса. Он также, правда с некоторой долей сомнения, сообщает о том, что имеются сведения о наличии не менее трехсот поселений тирийцев на берегу заливов, расположенных южнее залива Эмпорик [Страбон, XVII, III, 2—3]. Самое южное финикийское поселение, засвидетельствованное пока археологией, находилось на острове Могадор (у Эс-Сувейры в Марокко) и датируется VII—VI веками до н. э.

Есть все основания предполагать, что к этому времени Канарские острова были финикийцами уже открыты. Р. Хенниг считает, что открытие произошло до 800 года до н. э., и высказывает предположение, что через архипелаг проходила южная граница плаваний финикийцев в Атлантике. Единственное дошедшее до нас письменное свидетельство об обнаружении финикийцами острова в

Океане [Diod., V, 19—20], по-видимому, сообщает об открытии Мадейры. Открытие же финикийцами Канар произошло уже в начале I тысячелетия до н. э., когда они оттеснили эгейцев, восприняв их географические знания и освоив их маршруты.

В VII—VI веках до н. э. выходили за Геракловы Столпы и греки. Плавали они и вдоль берега Африки. Массалиот Эвтимен, следуя этим путем, добрался, по-видимому, до Сенегала. Его плавание датируется VI веком до н. э.

На рубеже VI и V веков до н. э. господство в атлантических водах у берегов Северной Африки переходит к пунийцам. К сожалению, о плаваниях финикийцев и карфагенян сохранилось очень мало сведений, так как они стремились сохранять в тайне все об открываемых ими землях и торговых путях. Один из наиболее интересных для нас источников, дошедших от той эпохи, — «Перипл» (описание морских плаваний вдоль берегов) Ганнона, датируемый концом VI века до н. э.

В нем повествуется о плавании Ганнона, «царя карфагенян», за Геракловы Столпы с целью основания на западе городов ливиифиникийян. 60 кораблей этой экспедиции везли «множество мужчин и женщин, числом в 30 тысяч». «Перипл» представляет собой своего рода античную лоцию; идентификация упоминаемых в нем географических названий затруднена скудостью наших сведений.

Особый интерес в историческом и художественном отношении представляет вторая половина этого источника, в которой рассказывается о плаваниях, последовавших за посещением острова Керна. И. Ш. Шифман считает, что при нынешнем состоянии знаний невозможно определить, «совершил ли Ганнон плавание к югу от острова Керна, или эта часть Перипла (§§9—18) целиком является плодом творчества неизвестного редактора» [Шифман, 1963, с. 92].

С вопросом о пути, по которому плыл Ганнон, тесно связан вопрос о местонахождении горы, получившей название «Колесница богов». Большинство ученых отождествляют эту гору с вулканом Камерун, единственным вулканом на атлантическом побережье Африки. Если согласиться с этой точкой зрения, то отсюда следует вывод, что Канарские острова (по крайней мере восточные из них) были известны мореплавателям, участникам похода, так как при плавании вдоль северо-запад-

ного африканского берега их просто нельзя было не заметить.

Ранее существовала и точка зрения, отрицавшая идентификацию «Колесницы богов» с вулканом Каме-рун. Некоторые ученые (например, А. Гумбольдт и П. Шмит) не только отождествляли ее с пиком острова Тенерифе, но и локализовали вторую половину маршрута «Перипла» в районе этого архипелага. Подобная точка зрения была в ходу уже в XVII веке. Интересно, что коренной житель Тенерифе Хуан Нуньес де ла Пенья полагал, например, что члены экспедиции Ганнона были первооткрывателями Канар.

Предположение, что Ганнон достиг при своем плавании Канарских островов, представляется нам достаточно основательным. Напомним, что архипелаг расположен в зоне повышенной вулканической активности в непосредственной близости от материка и не мог не привлечь внимание мореплавателей, ходивших вдоль берегов Африки. Цель экспедиции Ганнона — создать колонии на торговом пути — также дает основание думать, что карфагеняне плыли не к далеким берегам Гвинейского залива, а к землям, расположенным значительно ближе. Они, как и финикийцы, «вообще не ставили перед собой исследовательских задач. То, что они знали или узнавали об отдельных районах известного в древности мира, не выходило за пределы насущной необходимости для ведения морской торговли» [Шифман, 1965, с. 3].

Остров Керна, от которого совершаются плавания, отождествляется учеными с Херне у берегов Рио-де-Оро (Западная Сахара) или с вышеупомянутым островом Могадор. В § 9 описания говорится о встрече мореплавателей с туземцами открытых ими земель. Живущие у подножия высоких гор дикие люди, одетые в звериные шкуры, швыряли камни в прибывших мореходов, не давая им сойти на берег. Этнографические детали в этом рассказе напоминают нам некоторые культурные особенности коренного населения Канарских островов. Так, свою одежду, как видно по археологическим находкам, канарцы шили из овечьих и козьих шкур. Они отличались большой сноровкой в метании камней. По свидетельству хрониста, метание камней было традиционным способом защиты канарцев [Espinosa, с. 38]. Исходя из этого, допустимо предположить, что описанные события вполне могли происходить во время плаваний к Канар-

ским островам. Неоднократные упоминания об огненных потоках, не исключено, свидетельствуют о вулканических процессах, протекавших в то время на архипелаге. Можно думать также, что таинственные и устрашающие подробности были введены в текст авторов «Перипла» с целью запугать возможных конкурентов, также стремившихся открыть торговые пути к островам.

Наряду с эгейцами, тартессиями, финикийцами, греками и пунийцами плавали в Атлантический океан и этруски. По свидетельству Диодора, карфагеняне воспрепятствовали последним обосноваться на одном из расположенных в нем островов. Событие это датируется второй половиной VI — первой четвертью V века до н. э. На роль этого неназванного острова могут в равной мере претендовать как Мадейра, так и один из островов Канар.

Из изложенного выше видно, что письменные источники свидетельствуют о значительном развитии мореплавания в I тысячелетии до н. э. в прилегающей к Северной Африке акватории Атлантического океана. В этот период мореходы, судя по всему, открывают архипелаги этого региона. В V—III веках какие-то из Канарских островов, по-видимому, были освоены карфагенянами, а по мнению некоторых авторов, и вовлечены в общесредиземноморское этнокультурное взаимодействие [Ельницкий, с. 55].

Можно предположить, что товарообмен с аборигенами Канар протекал у карфагенян таким же образом, как и с жителями близлежащих районов Африки. О том, чем могли торговать канарцы, некоторое представление дают свидетельства античных авторов более позднего времени. Основным товаром был, по-видимому, естественный краситель — лишайник орсель.

Из всех письменных античных источников, в которых упоминаются острова Блаженных, наибольший интерес представляют для нас памятники второй половины I века н. э. Это прежде всего свидетельства Плиния Старшего, Плутарха и Клавдия Птолемея. Они — о Канарах.

Все эти источники донесли до нас сведения об эпохе, когда в рассматриваемом районе Атлантики господствовали римляне. Одним из первых путешествий вдоль атлантического побережья Африки, имевших целью установление здесь римского экономического господства, было плавание Полибия, совершенное в 147 году до н. э. У нас нет каких-либо доказательств того, что По-

либий достиг Канарских островов. Скорее всего он доплыл только до острова Керна (современный Могодор). Однако плавание Полибия свидетельствует об интересе Рима к землям, расположенным за Гибралтарским проливом, и дает основание предположить, что знакомство римлян с Канарами произошло в следующем за плаванием Полибия столетии.

Что же донесли до нас античные источники I века н. э., и прежде всего — приведенный выше отрывок из «Естественной истории» Плиния, о наиболее крупных островах архипелага?

Естественно предположить, что Лансароте и Фуэртевентура были наиболее хорошо изучены древними мореходами. Вполне возможно, что именно один из них был тем островом, на котором члены экспедиции, посланной Юбой II, обнаружили небольшой каменный храм, сооруженный либо местными жителями, либо, что более вероятно, финикийцами или пунийцами. Кстати, такого рода сооружения имелись также на мысе Солунт и у Гадеса до того, как там была основана колония.

Два острова в Атлантическом океане, разделенных узким проливом и называемых островами Блаженных, описывает Плутарх. Указываемое им расстояние, отделяющее острова от Африки (10 тысяч стадиев*), казалось бы, исключает возможность отнести их к Канарской группе. Однако известно, что расстояния в античных источниках чаще всего весьма условны и приближительны. К тому же следует учитывать особенности сохранения первоначальных античных текстов, на протяжении многих веков подвергавшихся многочисленным перепискам. Упоминание же о наличии на островах Блаженных населения позволяет с еще большей уверенностью предположить, что речь здесь идет о Канарах.

Различные исследователи по-разному идентифицируют Блаженные Плутарха. Одни из них видят в этих островах Мадейру и Порто-Санто, другие считают, что за ними скрываются Канары, причем некоторые указывают на Лансароте и Фуэртевентуру. Любопытно, что впервые это предположение высказал Бартоломе де Лас Касас.

Согласно сообщению Плутарха, о существовании двух островов в Атлантическом океане Серторий узнал на юге Испании от местных рыбаков. Хорошо известно,

---

* Стадий — мера длины, равная 185 м.

что гадитанских рыбаков, промышлявших в Атлантике у африканских берегов, течение нередко относило к Канарам, куда и теперь еще плавают рыбачить жители Пиренейского полуострова.

У Плиния ничего не говорится о населении на архипелаге. Вместе с тем из текста следует, что мореходы высаживались по крайней мере на двух островах: Омбриос и Канария. В связи с этим можно предположить, что они не только видели островитян, а таковые, без сомнения, уже были, но и вступили с ними в контакт. На наш взгляд, слова Плиния о деревьях, похожих на ферулу, «из которых дают влагу — из черных горькую, из более светлых приятную для питья», подтверждают наличие на Омбриосе аборигенного населения. Думается, что речь здесь идет не о членах экспедиции, а о коренных жителях острова, для которых естественно знание и использование свойств произрастающих на нем растений. Отсутствие в тексте источника упоминаний о населении объясняется, по-видимому, тем, что прибывшие мореходы отнесли к факту наличия на архипелаге коренных жителей как само собой разумеющемуся. Относительно же «следов сооружений» на Канарии можно строить различные предположения, как в отношении заселенности острова, так и происхождения этих построек. Веским аргументом в пользу наличия населения на Канарии этот аргумент не является.

Чем же привлекали острова древних мореплавателей? Вероятно, изобилием плодовых деревьев, птиц, рыб и морских животных, а также растительным красителем, пользовавшимся большим спросом.

В качестве отправного пункта при плавании к островам Блаженных служили, возможно, острова у мыса Могадор. Этот район африканского побережья, один из самых южных среди колонизованных древними торговыми народами, имел, судя по всему, большое экономическое значение. Здесь производился сбор пурпуровых улиток и были основаны мастерские по окрашиванию тканей гетульским пурпуром.

Таким образом, рассмотренные письменные источники второй половины I века н. э. неоспоримо свидетельствуют, что на рубеже нашей эры Канарские острова были известны древним мореплавателям, и дают косвенные указания для предположения о том, что, по крайней мере, некоторые из островов были уже заселены. Мы можем с уверенностью назвать и причину инте-

реса мореходов к архипелагу — его природные богатства.

Письменные памятники говорят также о том, что архипелаг «открывался» много раз. На протяжении двух тысячелетий к Канарским островам плавали жители Средиземноморья и прилегающих к нему районов атлантического побережья Африки и Европы, чему в известной мере благоприятствовало Канарское течение. Археологических данных, подтверждающих эти плавания, выявлено пока крайне мало: на побережье островов Грасьоса, Лансароте и Тенерифе найдены амфоры «финикийского типа», использовавшиеся на римских судах до второго-третьего столетий н. э. Тем бóльшую ценность представляют рассмотренные письменные документы.

Кролик надел очки.

— С чего начать, Ваше Величество? — спросил он.

— Начни с начала, — важно ответил Король, — и продолжай, пока не дойдешь до конца. Как дойдешь — кончай!

Льюис Кэрролл

Глава IV

ЧТО НАМ ИЗВЕСТНО ОБ ЭТНОГЕНЕЗЕ АВТОХТОНОВ

Палеоантропология. Общеизвестно, что палеоантропологические материалы нередко дают ключ к выявлению генетической близости разных народов. Что касается Канарских островов, то антропологические данные, как мы увидим ниже, позволяют пролить некоторый свет на сложную проблему происхождения канарцев.

Значительными краниологическими коллекциями, содержащими черепа древних канарцев, располагают музеи на Канарских островах (в городах Санта-Крус-де-Тенерифе, Лас-Пальмас, Санта-Крус-де-ла-Пальма, Пуэрто-де-ла-Крус), а также Музей Человека в Париже и Этнографический музей в Мадриде. В целом во всех этих коллекциях насчитывается более двух тысяч черепов древних канарцев. Сохранению останков аборигенов благоприятствовал существовавший на Канарах обычай мумифицировать умерших. К сожалению, большая часть мумий погибла после колонизации островов. Одной из причин гибели было использование их испанцами в качестве топлива.

В нашей стране в коллекции Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого имеются два древнеканарских черепа.

Крупный советский антрополог Г. Ф. Дебец в свое время отмечал, «что в окраинных и внутриматериковых антропологических группах следует видеть остатки древнейшего населения африканского континента» [Дебец, с. 399]. Именно к этому древнему пласту Северной Африки и относились, по-видимому, кроманьоновидные группы Канарских островов и группы носителей протосредиземноморских антропологических черт.

Кроманьонские черты у древних жителей Канар были впервые отмечены в 1876 г., спустя восемь лет после открытия останков верхнепалеолитического человека в

гrote Кро-Маньон во французском департаменте Дордош. Это открытие связано с именем Рене Верно, который первым провел строго научное антропологическое обследование костных останков аборигенов. Теперь одна из улиц Лас-Пальмаса названа в честь французского ученого.

Как известно, в специальной антропологической литературе кроманьонцами называют локальные группы древних обитателей Европы и Северной Африки, которые сходны по своему типу с человеком из грота Кро-Маньон. Для кроманьонцев был характерен высокий рост, долихоцефалия, широкое лицо с низкими орбитами.

Носители этих антропологических черт жили на ряде островов Канарского архипелага. Они составляли почти все население Тенерифе и свыше половины населения Гомеры, а на Гран-Канарии занимали центральную горную часть и наименее плодородный, юго-западный район. После того как в Северной Африке (от Марокко до Туниса) были обнаружены костные останки кроманьонского человека, большинство ученых стали связывать именно с этой локальной группой кроманьонцев происхождение соответствующего типа населения Канарских островов.

Кроманьонские костные останки найдены в Мешта-эль-Арби и Афалу-бу-Руммель в Алжире и в Тафоральте и пещере Дар-эс-Солтан в Марокко. Последняя находка (самая западная — близ Рабата) свидетельствует, по мнению А. Валлуа, о распространении типа «Мешта» вплоть до атлантического побережья и говорит о возможной генетической связи канарских кроманьонцев с североафриканскими. Перечисленным антропологическим останкам сопутствует мезолитическая (эпипалеолитическая) индустрия иберо-маврской (иберо-мавританской, иберо-маврусийской или оранской) культуры. На атлантическом побережье Марокко были обнаружены также стоянки носителей этой культуры в Эль-Кензира и Тит-Мелиль. По данным радиоуглеродного анализа, люди из Тафоральта жили приблизительно в период с 10100 по 8530 годы до н. э. [Ferembach, с. 81].

Что же представляли собой североафриканские кроманьонцы? Сравнение типа «Мешта-Афалу» с верхнепалеолитическим человеком Европы показывает, что оба локальных варианта кроманьонца довольно близки. Наиболее существенным отличием является то, что у

африканских кроманьонцев заметно выше носовой укататель (54,3 и 53,1) [Рогинский, с. 101—102]. А. Валлуа, который считает тип «Мешта-Афалу» ближневосточным по происхождению, говорит о его «кузенном» родстве с кроманьонцами из Европы.

Вопрос о происхождении первых *homo sapiens* Северной Африки продолжает вызывать споры. Часть ученых придерживаются точки зрения, аналогичной взглядам А. Валлуа. Другие высказываются за европейское происхождение. Есть также исследователи, не исключаящие возможность автохтонного генезиса (Дж. Д. Кларк, Д. Ферембах). Пока каждая из этих трех гипотез имеет право на существование, и лишь новые археолого-антропологические открытия смогут склонить чашу весов в пользу одной из них.

Наименее аргументированной выглядит третья гипотеза, так как иберо-маврская культура не обнаруживает прямой связи с атерийской культурой Магриба, носителями которой были палеоантропы (неандертальцы).

Нам представляется более предпочтительной гипотеза о европейском происхождении кроманьонцев Северной Африки. Ч. Мак-Берни считает, что представители типа «Мешта-Афалу» пришли с Пиренейского полуострова, на котором он и помещает очаг возникновения иберо-маврской культуры.

Гипотезу об участии европеоидов кроманьонского типа в формировании североафриканского населения поддерживают большинство исследователей. Обобщая их предположения, можно, в частности, говорить о волне мигрантов указанного типа через Гибралтарский пролив «из центра европеоидов-средиземноморцев в Западном Средиземноморье» [Поплинский, с. 23].

Гибралтарский пролив, существующий, по-видимому, с конца третичного периода, не являлся для первобытного человека непреодолимым препятствием, особенно в период наступления ледника и происходившего при этом опускания уровня мирового океана. 20—18 тысяч лет назад, например, он был на 100—120 м ниже современного. Это приводило к возникновению «мостов» между континентами. Существовал такой «мост» и в Западном Средиземноморье. М. Мартин Агуадо считает возможным говорить о заселении Юго-Западной Европы в нижнем палеолите через Гибралтарский пролив с современного марокканского побережья. Путь мигрантов, по его мнению, пролегал через наиболее удобное для

пересечения место пролива, находившееся к западу от самой узкой его части в настоящее время.

На рубеже верхнего палеолита и мезолита жители Западного Средиземноморья уже, по-видимому, располагали простейшими плавательными средствами для преодоления подобных водных преград. Береговая линия территории Магриба проходила в указанный период значительно севернее, чем ныне. Подъем уровня мирового океана происходил постепенно и 16,15 и 11 тыс. лет назад был соответственно на 75, 63 и 54 м ниже современного уровня, которого океан достиг лишь в IV тысячелетии до н. э. Учитывая все это, нельзя исключить также возможность существования контактов между Европой и Африкой в районе Сицилии. Из современных ученых подобной точки зрения придерживается, например, Мартин Альмагро. Подчеркивая родство североафриканских кроманьонцев с людьми из Комб-Капелль и Брюнн, М. Альмагро поддерживает гипотезу о миграции неантропов из Африки на север через Аппенинский полуостров.

Со времен эпипалеолита в различные исторические периоды для Средиземноморья характерны разнонаправленные миграционные движения. Впрочем, массовость этих миграций не следует преувеличивать. Море не служило для них непреодолимым препятствием. В зону контактов входили побережья всех омываемых им континентов. Любопытно, что по территории Северной Африки передвижения имели маятниковый характер.

Часть костяков верхнепалеолитических людей Европы обнаруживают негроидные признаки. Одни ученые считают, что это свидетельствует о контактах между европеоидами и негроидами в указанный период, другие же объясняют данный факт недостаточной еще в те времена дифференциацией европеоидной и негроидной рас. Кроме того, следует напомнить, что негроидные черты ископаемых останков человека из Муге (Португалия) и Гримальди (Италия) оспариваются некоторыми учеными. Споры специалистов вызывает и присущая типу «Мешта-Афалу» платириния (широконосие), которая, по мнению ряда ученых, не является достаточно веским свидетельством в пользу негроидной примеси. Дж. Д. Кларк с уверенностью утверждает, что «негроидное население Сахары явно не имеет никакого отношения к расе Мешта-Афалу» [Кларк, с. 160]. Это, впрочем, не противоречит высказанному В. П. Алексеевым

предположению о том, что смешение европеоидов с негроидами могло происходить на территории всей Северной Африки. По-видимому, в Южной Европе и в некоторых присредиземноморских районах Северной Африки процесс метисации шел слабо.

Определенным подтверждением существования в эпоху эпилепалеолита контактов между населением двух указанных частей света является само наличие на территории Магриба типа «Мешта-Афалу», во многом сходного с современными ему европейскими типами. Существование же некоторых антропологических различий между африканскими и европейскими кроманьонцами говорит лишь о многообразии типов в эпоху формирования современных рас и не может, естественно, служить доказательством заселения Северной Африки с Востока. Подчеркивая полиморфизм верхнепалеолитических людей, В. П. Алексеев отмечает, в частности, их существенные различия в росте. Г. П. Григорьев и И. Б. Леонова показывают на примере костных останков в Гримальди наличие антропологических различий даже в пределах одного коллектива, у носителей одной антропологической культуры [Алексеев, 1978, с. 178—179; Григорьев, Леонова, с. 19].

На Пиренейском полуострове найдено несколько костных останков кроманьонцев. Некоторые из них (например, ископаемый человек, найденный в Барранк Бланк близ Ротовы в Валенсии) обнаруживают значительное сходство с типом «Мешта-Афалу».

Таким образом, всего вероятнее, что носители этого типа попали на территорию Северо-Западной Африки из Европы. Отмечавшаяся ранее особая архаичность антропологических типов, выявленных на Канарах, последними исследованиями не подтвердилась. Речь может идти о миграции на острова не древних кроманьонцев, а лишь их далеких потомков. Некоторая же архаичность антропологических черт аборигенов архипелага объясняется иными обстоятельствами.

Как Пиренейский полуостров, так и северо-западная Африка, вследствие возвышенного и сильно пересеченного характера своей территории, создают весьма благоприятные условия для возникновения внутренних изолятов, в которых длительно сохраняются архаические антропологические черты или черты, появившиеся здесь в результате случайной изменчивости. Условия относительной изоляции способствовали тому, что кабилы —

берберские племена, живущие на территории современного Алжира, сохранили некоторые кроманьонские черты. Аналогичная ситуация, судя по всему, обусловила сохранение их и у отдельных групп басков. Некоторые ученые, исследующие проблему кроманьонского человека, ставят в один ряд гуанчей, кабилов и басков, называя их кроманьонцами нового и новейшего времени [Riquet, с. 38; Hóyos Sáinz, с. 432; Vallois, с. 17].

Здесь, видимо, уместно уточнить, кто такие гуанчи. Так называли себя аборигены Тенерифе. Позднее это самоназвание было воспринято испанцами. Жителей же других островов архипелага они именовали в соответствии с географическими названиями самих островов. В научной литературе гуанчами принято называть носителей кроманьонского антропологического типа, составлявших большинство населения Тенерифе. Аборигены Иерро называли себя бимбапами, а жители Пальмы — ауритами. Автохтонами Лансароте и Фуэртевентуры были мао и махореры. Но эти самоназвания давно вышли из употребления.

Кабилов считают потомками людей, принадлежащих к типу «Мешта-Афалу». Эту генетическую связь доказывают, в частности, некоторые морфологические особенности кабилов, которые, впрочем, встречаются и у гуанчей [Kidder, Coon, Briggs, с. 68—69]. Таким образом, географические условия Магриба и Пиренейского полуострова благоприятствовали сохранению архаических антропологических типов. Такие находившиеся в изоляции группы могли в результате последующих миграционных движений попасть на Канарские острова. На архипелаге же архаические черты пришельцев подверглись дальнейшей консервации, сохранившись здесь вплоть до эпохи великих географических открытий.

Другой дискуссионный и тесно связанный с предыдущим вопрос, на котором следует остановиться, — распространение на Канарских островах светлопигментированных типов. Об их наличии здесь сообщали еще средневековые хронисты. И сейчас на архипелаге можно встретить индивидов со светло-каштановыми и белокурными волосами, иногда с рыжеватым оттенком. Цвет глаз у этих людей также светлый, чаще зеленоватый, реже — голубой и серый. Однако не следует смешивать этот светлопигментированный кроманьонский тип с встречающимся здесь же светлопигментированным «нордическим» типом.

Истоки светлой пигментированности следует искать, по-видимому, в Северной Африке. Каждый шестой кабил белокур или рыжеволос. Не отличаются от кабилов существенно в этом отношении и другие берберы. Наиболее светлоглазы и светловолосы среди них рифы. Можно предположить, что на Канарских островах вследствие генетико-автоматических процессов в условиях изоляции эти черты были усилены. Но вполне вероятно также и то, что хронисты, записывавшие лишь наиболее впечатляющее из увиденного на архипелаге, несколько преувеличили эту черту во внешнем облике коренных жителей. Последнее предположение подтверждает, например, исследование нескольких мумий гуанчей. Ученым удалось определить пигментацию радужины глаз, и она оказалась темной.

Вопрос о происхождении светлопигментированных типов среди жителей древней и современной Северной Африки также не нашел пока окончательного решения. Имеются две точки зрения на сущность этого факта. Одни ученые объясняют светлую пигментированность некоторых обитателей Северной Африки тем, что они являются потомками древних переселенцев с севера Европы, другие считают это результатом автохтонного процесса депигментации. Нам кажется предпочтительной вторая точка зрения. Выше уже отмечалось наличие, особенно в Северо-Западной Африке, благоприятных условий для возникновения внутренних изолятов. «Нельзя забывать и другого: цвет волос и особенно цвет глаз являются в условиях изоляции признаками с простой наследственной структурой. При этом в изолированных популяциях часто наблюдается автоматическое увеличение индивидуумов со светлыми волосами и глазами, происходит так называемая изогаметация, т. е. выщепление рецессивных форм. Примерами могут служить нуристанцы, народы Северного Кавказа, лесные ненцы и многие другие народы» [Бромлей, с. 263].

Дополнительные материалы по интересующему нас вопросу предоставляют древнеегипетские тексты и настенные росписи в египетских храмах. В них встречаются изображения ливийцев-кихну, проживавших у западных границ Египта на рубеже II—I тысячелетий до н. э. Источники свидетельствуют о принадлежности этих жителей Восточной Сахары к светлокожим европеоидам атлантического типа. Советские ученые высказали гипотезу, согласно которой часть ливийцев-кихну явились

предками гуанчей [Дьяконов, Милитарев, с. 202]. Имея полное право на существование, данная гипотеза, на наш взгляд, не исчерпывает вопроса о происхождении светлопигментированного кроманьонского типа на Канарах.

Другим антропологическим типом, выявленным на архипелаге и сопоставимым с кроманьонским как по своей древности, так и по распространенности, является матуризованный (массивный) тип средиземноморской малой расы, называемый иногда протосредиземноморским или евро-африканским, а также атланти-средиземноморским, капсийским и типом «Айн-Метершем» (по названию стоянки на территории Туниса).

На Гран-Канарии этот тип был распространен шире, чем кроманьонский. Особая концентрация его отмечена на севере острова, т. е. в наиболее плодородной его части. В Северной Африке протосредиземноморский тип появился приблизительно в то же время, что и тип «Мешта-Афалу». Некоторые ученые связывают его появление в этом районе с развитием здесь капсийской культуры, мезолитической, следующей по времени за иберо-маврской. Любопытно, что на побережье, где господствовал иберо-мавр, капси отсутствовал.

В. Н. Даниленко, уделивший большое внимание изучению капсийского мира, предполагает, что миграция носителей этой культуры шла в эпилеолите и мезолите из районов юго-восточного Средиземноморья, с одной стороны, на запад по территории Северной Африки и далее через Гибралтарский пролив на север до Британских островов, а с другой — на северо-восток в район Прикаспия и Северного Причерноморья. Капсийская инфильтрация из Африки на Пиренейский полуостров, полагает он, происходила также в эпоху перехода от раннего к развитому неолиту. Сохранившимися долгое время или даже дошедшими до наших дней островками капсийского мира В. Н. Даниленко считает Пиренеи (баски) и Кавказ (протокартвелы) [Даниленко, 1969, с. 219 и сл.; он же, 1974, с. 107 и сл.].

Если гипотеза, выдвинутая В. Н. Даниленко, и устарела в настоящее время, то факты неоспоримо свидетельствуют о наличии миграционных процессов, протекавших в эпохи мезолита и неолита на территории Северной Африки и затронувших прилегающие районы Азии и Европы. В результате миграционной активности здесь складывается в целом однородная историко-куль-

турная область, не исключаяющая своеобразия отдельных культур и чужеродных включений.

О возможности родства канарцев, жителей Северной Африки и севера Пиренейского полуострова свидетельствуют результаты анализов крови по фактору г. Они довольно близки: население острова Пальма — 63,3%, острова Гомера — 72,2, марокканцы — 72,3, кочевники Сахары — 66,19 и население северной части Пиренейского полуострова, включая басков, — 64,6%.

Определение групп крови у мумифицированных останков аборигенов Канар дало следующие результаты (%) [Parejo, с. 214—215; см. также González Aimejún, с. 191].

Этническая группа	Группа крови			
	A	B	O	AB
Аборигены Тенерифе	9,88	4,94	83,95	1,23
Аборигены Гран-Канарии	2,62	2,09	94,76	0,53

Следует отметить, что процентное соотношение различных групп крови у аборигенов Канарских островов сравнимо лишь с соотношением у населения Атласа, а также у современных индейцев Центральной и Южной Америки. Я. Я. Рогинский высказывает по поводу этого факта мнение, что преобладание группы 0 и в целом «такое своеобразное распределение было следствием случайных, так называемых генетико-автоматических процессов, то есть изменения концентраций генов в малых изолированных популяциях» [Рогинский, с. 95—96]. Только ли этими процессами объясняются отмеченные выше параллели, смогут выявить лишь дополнительные исследования. Отметим лишь, что высокий процент крови группы 0 наблюдается у рифов на севере Марокко и у бедуинов Восточного Средиземноморья.

Заканчивая разговор об антропологической вариабельности аборигенного населения Канарских островов, скажем несколько слов о еще одной представленной здесь расовой форме. Речь идет о средиземноморском грацильном типе, носители которого пришли сюда, по видимому, в средние века. Р. Верно называл этот тип семитским или сиро-арабским, а М. Фустэ — восточным или юго-восточным [Fusté, 1959, с. 304—305; Pellicer Catalán, с. 53]. Наличие на архипелаге негроидного типа, о котором в свое время писал Р. Верно, последними исследованиями не подтверждается [Fusté, 1966, с. 73; Simposio, с. 25]. В результате критического рассмотре-

ния предшествующих типологических схем коренного населения и их проверки также разрушились прежние гипотезы об арменоидах и альпийцах на Канарах, «кстати сказать, всегда представлявшиеся сомнительными» [Алексеев, 1965, с. 179].

Как можно видеть из сказанного выше, Канарские острова в антропологическом отношении являются неотъемлемой частью средиземноморского мира. По мнению В. П. Алексеева, третичный средиземноморский очаг расообразования возник в верхнем палеолите, а затем в эпипалеолите и мезолите складывается четвертичный западосредиземноморский очаг, который включал в себя и европейские и африканские области Западного Средиземноморья и Канарские острова.

До времени средневекового открытия архипелага на нем обитали носители трех антропологических типов. В принципе они могли мигрировать на острова почти из любого района Средиземноморья, приатлантической Европы и Северо-Западной Африки. Однако вряд ли имеются достаточные основания видеть в жителях Канарских островов потомков мореходов, приплывших издалека. Следы истоков канарских культур следует скорее всего искать в близлежащих к архипелагу районах африканского материка. В то же время не следует упускать из виду, что на острова могли попасть отдельные группы из более отдаленных областей. Этому, в частности, должно было способствовать Канарское течение.

Лингвистика. Данные палеоантропологии об этногенезе древних канарцев дополняют лингвистические. До нас дошли несколько предложений и сотни слов аборигенов Канарских островов, записанных хронистами. Наиболее полная сводка сохранившихся лингвистических источников составлена Д. Вельфелем [Wölfel]. Этот объемный труд, вышедший уже после смерти автора, содержит значительное количество выдержек из хроник и первых историко-лингвистических исследований о древних канарцах. Не утратила своего значения и одна из первых сводок, выполненная С. Бертло [Berthelot, 1978, с. 118—139]. Хотя этих данных недостаточно, чтобы составить более или менее цельное представление о местном языке, они все же позволяют высказать некоторые предположения о его генетических связях.

Эту группу лингвистических источников дополняют знаки письменности, высеченные на скалах. Кроме рассмотренной выше группы знаков линейного шрифта (по

классификации Г. Бидерманна) на архипелаге выявлены знаки древнеливийской письменности, близкие к современному туарегскому письму тифинаг. В настоящее время в нашей стране предпринимаются попытки дешифровать эти надписи.

Анализ памятников письменности, а также доиспанской топонимики на архипелаге свидетельствует, по мнению ученых, о том, что канарцы в период завоевания островов европейцами говорили на языке, близком к берберскому или подвергшемся сильному влиянию берберского языка [Biedermann, 1970, с. 115, 119—120; Rio Ayala, с. 299; Sabrega Barreto, с. 151]. Сходную точку зрения высказал крупнейший советский ученый Д. А. Ольдерогге, полагающий, что древнейшее население Канар говорило на диалектах, близких берберским [Ольдерогге, с. 353]. Американский исследователь Дж. Аберкромби считал, что первые насельники архипелага говорили на одном из западных диалектов протоливийского языка [Abercromby, с. 128].

В 80-е годы интерес к вымершим «гуанчским», т. е. древнеканарским языкам в нашей стране значительно возрос. Здесь следует заметить, что дивергенция языков на отдельных островах в условиях изоляции зашла настолько далеко, что их жители в эпоху завоевания Канар уже не понимали друг друга.

По мнению И. М. Дьяконова и А. Ю. Милитарева, группа островных языков, на которых говорили автохтоны архипелага, «близка ливийско-берберским и составляет вместе с ними общую ливийско-гуанчскую ветвь афразийской семьи языков... Распад этой ветви на две группы, соответствующий этническому отделению предков гуанчей от предков берберо-ливийцев, следует датировать началом — серединой III тысячелетия до н. э. [Дьяконов, Милитарев, с. 202]. Ученые высказывают различные гипотезы относительно пути продвижения протогуанчей по территории Северной Африки. Локализуя прародину афразийских языков в Передней Азии, А. Ю. Милитарев прослеживает направление миграции праливио-гуанчей по территории Аравийского полуострова до юго-западной его оконечности, а затем после преодоления водной преграды — Баб-эль-Мандебского пролива — до нагорья Ахаггар в центре Сахары. Отсюда, согласно одной из гипотез, протогуанчи продвинулись к Канарским островам. «Именно путь через Сахару может объяснить ряд слов, заимствованных в гуанч-

ские языки (и отсутствующих в родственных ливийско-берберских) из языков народов, населяющих Центральную и Западную Африку, в частности из чадских языков. Чадские заимствования встречаются даже в ядре основной гуанчской лексики; например, *та-зайкате* — «сердце» в гуанчском языке острова Гран-Канария нельзя не сопоставить со словом *зуката* в языке хауса со значением «сердца́» (во множественном числе). Это указывает на значительную древность гуанчско-чадских контактов, препятствуя объяснению этих слов контактами поздними [Дьяконов, Милитарев, с. 203]. (Как видим, гуанчами исследователи называют всех аборигенов Канар.)

Лингвистические данные, в частности приводимые ниже фонетические и семантические параллели, могут, по-видимому, рассматриваться как дополнительный аргумент в пользу существования в эпоху неолита обширной средиземноморской историко-культурной области, сложившейся в результате активных миграционных процессов в этом регионе.

Д. Вельфель сделал попытку сопоставить канарские слова *эро* «источник» и *эра* «песок», к которым мы уже обращались при разыскании «дождливого» острова, упоминаемого в тексте Плиния Старшего, с близкими по звучанию словами в других языках [Wölfel, с. 511]:

Баскское	<i>erio, herio, erion</i>	бить ключом, брызнуть фильтровать, капать
Баскское	<i>are, arei</i>	песок
Латинское	<i>arena</i>	песок
Хаусанское	<i>rai, rayi</i>	песок

Правда, рассматривая эти параллели, не следует забывать, что обращение к изоглоссам для выявления этнической близости народов, разделенных значительными расстояниями, требует большой осторожности. Известно также, что сопоставления Д. Вельфеля часто весьма произвольны. Однако выявленные позднее известным лингвистом Г. Мукаровским параллели между баскским языком и рядом языков Северной Африки (фульбе, берберским, хауса) свидетельствуют о существовании в далеком прошлом контактов между этими народами [Mukarovsky, с. 185—187].

Особый интерес для этнографов и лингвистов представляет язык свиста, распространенный на Гомере, — так называемый *сильбо гомеро*. Подобные же языки

использовались, а кое-где используются и сейчас в различных районах мира, в том числе в Западной Африке и в Пиренеях. Возможно, что о сходном явлении говорил и Геродот, отмечая, что язык пещерных эфиопов «не имеет сходства ни с каким другим, ибо они пищат, подобно нетопырям». Однако нет особых оснований считать, что все эти языки свиста генетически связаны. Скорее всего, они возникли самостоятельно в условиях проживания в гористой местности.

Как можно видеть, лингвистические источники дополняют данные палеоантропологии и подтверждают выводы, сделанные на основании последних.

Археология. Носители выявленных на островах антропологических типов являлись, по-видимому, носителями различных археологических культур.

Культура первых насельников Канарских островов, носителей типа «Мешта-Афалу», — культура субстрата — представлена каменной индустрией из отщепов. Для нее характерны наконечники стрел астурийского типа, грубо изготовленные топоры, каменные шары, костяные лопаточки и шилья, бусы из обожженной глины, просверленные раковины. Одежда шилась древними жителями Канар из шкур животных, оружие изготовлялось из дерева. В качестве жилищ использовались естественные пещеры, а также слегка достроенные укрытия высоко в горах. Захоронения производились в труднодоступных пещерах. Население разводило коз, овец, свиней и собак. Из керамических изделий наиболее был распространен сосуд с коническим или округлым дном яйцевидной и полусферической формы и с гладкой поверхностью, иногда украшенной по краям.

Эта культура обнаруживает определенное сходство с неолитическими культурами Северо-Западной Африки. Среди них выделяют культуру пещер Магриба, распространенную от Туниса до юга Марокко (Уад-Дра). Носителями ее были люди антропологического типа «Мешта-Афалу». На относящихся к этой культуре стоянках в Дар-эс-Солтан (Марокко) и Гарет-эт-Талеб (на юге Орана в Алжире) орудия из камня и кости, а также керамические изделия обнаруживают некоторые параллели с культурой субстрата Канар. Все это дает определенные основания предположить, что именно посетители культуры пещер Магриба одними из первых, по-видимому еще в III тысячелетии до н. э., заселили архипелаг.

Особый интерес представляет находимая на Канар-

ских островах, и особенно на Тенерифе, керамика им-прессо (штампованная). Распространение с востока на запад культуры штампованной керамики шло, вероятно, как морским путем, так и по суше (в последнем случае как по европейской, так и по африканской стороне Средиземного моря). Ее возникновение относят к VI тысячелетию до н. э., и, распространяясь от азиатских берегов Средиземного моря, она постепенно к IV тысячелетию до н. э. достигла атлантического побережья, а затем уже попала на Канары.

Другой культурой, получившей на островах широкое распространение, является культура мегалитов. Это название условно, ибо за «мегалитами» скрывается широкое многообразие в чем-то родственных культур. Не исключено, что сходство мегалитических культур, простирающихся от Британских островов до Кавказа и встречающихся на территории приатлантической Европы, Средиземноморья и Северной Африки (включая Канары), объясняется наличием у них каких-то общих генетических корней.

Рассмотрим некоторые проблемы, связанные с распространением этих культур. Почти 40 лет назад Б. Б. Пиотровский писал: «Широкое распространение дольменов в Азии, Африке и Европе приводило археологов к мысли об единой культуре дольменов, причем на основании их распространения устанавливались пути движения „культуры дольменов“, которые у одних ученых шли с востока на запад, а у других обратно — с запада на восток.

Действительно, формы закавказских дольменов настолько, даже в деталях, совпадают со средиземноморскими и европейскими, что вопрос об их связях вполне естествен. Но у нас совершенно нет оснований предполагать миграцию „культуры дольменов“, так как предметы, найденные в кавказских дольменах, отражают хорошо известную аборигенную культуру медного века Кавказа. Вполне возможно, что дольмен, частная, территориально ограниченная форма могильного сооружения, является результатом влияния культуры соседних областей, отдельным заимствованным элементом, а отнюдь не показателем миграционной волны» [Пиотровский, с. 181—182].

За истекшие десятилетия решение проблемы мегалитов несколько продвинулось вперед. Однако, как и прежде, многие ученые защищают миграционные гипотезы,

причем разные варианты этих гипотез как бы взаимно исключают друг друга. Так, одни исследователи говорят о движении культуры мегалитов с востока Средиземноморья на запад, другие же утверждают, что распространение ее шло в противоположном направлении.

Мегалитические сооружения известны во многих странах мира на всех континентах. В то же время можно смело утверждать, что единой «мегалитической культуры» никогда не существовало. Это подтверждается, в частности, тем, что керамика у разных народов — строителей мегалитов — весьма неоднородная. Очевидно, причиной их бытования в столь обширном районе «является общая религиозная идея, зародившаяся в сходных социальных и географических условиях: попытка создать для умершего неразрушаемый вечный дом» [Монгайт. с. 263]. Распространению идеи подобных сооружений в некоторых районах, вероятно, способствовали «близкие» идеологические представления. Некоторые исследователи полагают, что идея такой постройки исходила из одного центра. Однако только спонтанным развитием или только диффузией идеи невозможно объяснить распространение мегалитов почти по всему земному шару.

Сосредоточение мегалитических построек преимущественно по морскому побережью и их малое число в глубинных районах свидетельствуют о том, что морские сношения играли значительную роль в распространении мегалитов. Наиболее ранние из них в Западной Европе выявлены на Пиренейском полуострове и датируются второй половиной IV тысячелетия до н. э.

Определенный свет на проблему мегалитов проливает изучение подобных сооружений в некоторых районах Западного Кавказа. Дольмены появляются здесь во второй половине III тысячелетия до н. э., когда в Европе, особенно в ее юго-западных областях, их строительство начинает угасать. В. И. Марковин, проведя сравнение дольменов Европы и Средиземноморья с западнокавказскими и выявив явные параллели в их архитектуре и в найденном в них инвентаре, выдвинул гипотезу о частичной миграции западносредиземноморских строителей мегалитов на территорию Западного Кавказа. Если сама эта гипотеза и может быть подвергнута известной критике, то разыскания автора весьма любопытны.

Наибольшее сходство с западнокавказскими дольменами, по мнению В. И. Марковина, имеют мегалитиче-

ские сооружения на острове Сардиния и на территории современной Португалии. Именно отсюда, предполагает он, произошла частичная миграция носителей этой культуры. Среди причин, послуживших толчком для такого движения, ученый называет «поиски новых земель в связи с возросшим населением, торговые операции, стремление познать мир...» [Марковин, с. 315].

Не исключая в целом возможности частичной миграции строителей мегалитов на восточное побережье Черного моря, подчеркнем, что масштабы и роль перемещений населения не следует преувеличивать, как и приписывать им порой функцию всеобъясняющего фактора. Миграционные процессы, безусловно, имели место, но генерализовать их не имеет смысла. Последние исторические разыскания свидетельствуют о том, что миграции имели более ограниченный масштаб, нежели это предполагалось прежде.

В отношении же названных В. И. Марковиным побудительных причин к столь дальним перемещениям, следует отметить, что все они весьма уязвимы. Отмечаемый исследователем демографический момент, который якобы стимулировал миграции, неоправданно преувеличен. В древнейшие времена истории рост населения еще не был столь критическим, чтобы привести к демографическому взрыву и «выбросу» больших контингентов населения на столь дальние расстояния.

Несколько преувеличена для второй половины III тысячелетия до н. э. и роль «торговых операций». Для этого периода говорить о развитых формах торговли не приходится. Речь может идти лишь о какой-то форме натурального обмена. Известно также, что потребности обмена удовлетворялись преимущественно средствами «эстафетной» торговли, не предполагавшей дальних перемещений. Трудно согласиться и с тем, что одним из стимулов миграций в то время могло быть «стремление познать мир». Вспомним в этой связи справедливые слова В. И. Ленина о том, что «первобытный человек был совершенно подавлен трудностью существования, трудностью борьбы с природой» [Ленин, Аграрный вопрос, с. 103].

Среди мегалитических сооружений Северной Африки имеются курганы, шушеты (тип захоронения, родственной дольменным — могила в форме цилиндрической башни), дольмены, менгиры, круги из камней и др. Сравнение их с европейскими мегалитами показывает,

что, несмотря на некоторое сходство, они имели и существенные различия. Среди ученых нет единства в датировке североафриканских мегалитов. А. Алиман придерживается мнения об относительной молодости этих сооружений и датирует их приблизительно рубежом нашей эры. А. Л. Монгайт полагал, что они возникли в результате влияний, идущих с Пиренейского полуострова. Исходя из общей картины развития культуры в Средиземноморье, можно предположить, что мегалитические сооружения на территории Магриба появились не позднее начала II тысячелетия до н. э., т. е. времени затухания мегалитических культур в Юго-Западной Европе. Приблизительно этим же временем датируется и начало развития мегалитических культур на Канарском архипелаге.

На его островах мегалиты получили довольно широкое распространение. Одной из местных особенностей культуры является то, что захоронения в дольменах на архипелаге отсутствуют. Наиболее распространены здесь пещерные захоронения. Г. Бидерманн объясняет отсутствие дольменов тем, что на Канарах, где преобладают мягкие вулканические породы, весьма легко было вырубить искусственную пещеру. К этому следует добавить, что в юго-западной Европе, откуда, по-видимому, исходила мегалитическая культура, получившая распространение на Канарских островах, захоронениям в дольменах предшествовали захоронения в пещерах и в искусственных гротах.

Другой тип захоронений, встречающийся на островах, — погребения в цистах, особого вида каменных ящиках. Над цистами часто насыпали курганы из камней. Форма кургана могла быть различной: овальной, цилиндрической, в виде усеченного конуса. Канарские курганы можно сравнить с курганами и шушетами Северной Африки. Захоронения в цистах встречаются также на Пиренейском полуострове. На Канарах выявлены надгробные сооружения из камней в форме прямоугольника. Вокруг захоронений выкладывались круги или квадраты из камней.

Наиболее крупные и сложные некрополи, обнаруженные до настоящего времени на архипелаге, — это «Эль-Агухеро» и «Ла-Гуанча» на Гран-Канарии. В последнем было выявлено 43 костяка. Его сравнивают с некрополем, открытым в Никозии на Кипре. В целом можно заключить, что погребальные сооружения на Ка-

нарских островах обнаруживают явные признаки сходства с аналогичными сооружениями в Восточном Средиземноморье и Северной Африке (от Египта до Западной Сахары). Нельзя также игнорировать сходство этих памятников с ранними погребальными сооружениями на Пиренейском полуострове.

Большой интерес представляют мегалитические культовые памятники. Однако к их рассмотрению мы обратимся при анализе религиозных представлений автохтонов.

Чтобы получить более или менее полное представление о мегалитической культуре, необходимо остановиться на петроглифах, открытых на архипелаге, так как они занимают весьма важное место среди дошедших до нас культурных памятников. Кроме того, сравнение их с петроглифами, выявленными в Средиземноморье и приатлантической Европе, позволяет в известной степени проверить гипотезы о заселении Канарских островов, а также о связях автохтонов архипелага с обитателями других регионов.

«Мегалитические петроглифы» Канар представлены меандрами, спиральями, двойными спиральями, concentрическими кругами и так называемыми «лабиринтами». Точка зрения Р. Верно, видевшего в этих спиральях, «арабесках» и извилистых линиях лишь декоративный орнамент, не кажется достаточно убедительной. Вместе с тем интересно его наблюдение о различном способе нанесения линий. Некоторые из них нанесены путем удара и имеют вид пунктира. Похоже, что другие линии были нанесены с помощью скребка или резца [Verneau, с. 275—277]. Это предположение сразу было поставлено под сомнение: время сильно изменило надписи и сейчас трудно судить о том, каким способом они были сделаны. Но в то же время никто не сомневался, что первая и вторая группы знаков принадлежат к различным эпохам и представляют разные этнические слои. Было высказано также мнение, что знаки, выделяемые во вторую группу, могли обозначать буквы.

Р. Верно обратил также внимание на то обстоятельство, что на островах, где кроманьонский антропологический тип сохранился в сравнительно чистом виде и носители его составляли основную массу населения, т. е. на Тенерифе и Гомере, петроглифы отсутствуют.

Высеченные рисунки Канарских островов, по мнению ученых, в чем-то напоминают петроглифы средиземно-

морских культур и культур северо-западной Африки, Сахары и атлантического побережья Европы. Сходные с канарской культурой элементы можно встретить во многих странах, порой территориально далеко отстоящих друг от друга, например в Марокко, Португалии, Ирландии. Это свидетельствует о глубинном родстве этих культур с общей субстратной культурой древнего Средиземноморья.

Нельзя также исключить возможность влияния на мотивы канарских петроглифов, исходившего из северо-западной Европы. Во второй половине III тысячелетия до н. э. народы приатлантической Европы, по-видимому, поддерживали между собой контакты, совершая каботажные плавания вдоль побережья, что способствовало распространению в этом районе сходных мотивов петроглифов. В эти связи могли быть втянуты и Канарские острова. Распространение «мегалитических петроглифов» по ту сторону Атлантики, например на некоторых островах Вест-Индии, косвенно может свидетельствовать об уровне развития мореходства в океане, хотя дальние путешествия, в том числе и к Канарским островам, носили, конечно, спорадический и в значительной мере случайный характер. Впрочем, вопрос о возможности плаваний через Атлантику в доколумбовый период, начиная со II тысячелетия до н. э., решается некоторыми исследователями положительно [Alcina Franch, с. 125; López Negreга, с. 75—80]. В. И. Гуляев датирует первые возможные культурные контакты между Старым Светом и Америкой рубежом н. э. [Гуляев, с. 112].

Здесь следует заметить, что само по себе распространение «мегалитических петроглифов» в Вест-Индии не может рассматриваться как веский аргумент в пользу «неолитических» плаваний в этот район мира. Многие из обнаруженных здесь знаков (концентрические окружности, кресты и другие) являются всеобщими, и вполне закономерно предположить их конвергентное происхождение. Не исключено, что в рассматриваемом случае имеет место параллелизм: закономерная для определенной стадии культуры форма развития графики. Основания для поиска родства следует искать в сходстве более сложных, не базовых петроглифических знаков, которые также присутствуют здесь, правда в незначительном количестве.

Существование параллелей между петроглифами архипелага и североатлантической Европы иногда связы-

вают с вопросом о происхождении распространенного среди современного населения северной части Гран-Канарии светлопигментированного «нордического» антропологического типа. Если предположение о миграции из Северной Европы на Канарские острова и имеет право оставаться в качестве одной из гипотез, то объяснение только миграцией с европейского севера наличия светлопигментированных типов среди населения Северной Африки маловероятно. Однако такие объяснения еще можно встретить в научной литературе [Rap, с. 311].

Значительное число петроглифов выявлено на острове Пальма. Они обнаруживают сходство с пиктографическими рисунками, открытыми в приатлантических районах Северо-Западной Африки и Пиренейского полуострова, и датируются 1800—1500 годами до н. э. [Diego Cuscoy, 1963, с. 46]. Важно отметить, что и керамика аборигенов этого острова по форме сходна с керамическими изделиями, выявленными на указанных материковых территориях.

Иногда просматриваются параллели между рисунками на камне и керамике. Например, мотивы рисунков петроглифов на Пальме сходны с мотивами орнамента на керамических изделиях, и в частности на *vasos de ofrenda* — маленьких сосудиках, игравших значительную роль в погребальном культе жителей Канарских островов. Кстати, маленькие сосудики встречаются также в дольменных сооружениях Средиземноморья и Кавказа.

Особый интерес среди петроглифов Бельмако на Пальме представляют два зооморфных изображения. Они обнаруживают явное сходство с галисийскими петроглифами, а также с изображениями, открытыми в Северо-Западной Африке. Анализ нескольких групп антропоморфных петроглифических изображений, открытых на Гран-Канарии, выявил их родство с подобными рисунками в Западном Средиземноморье. Одно из подобных изображений сопоставляется учеными с гитарообразными идолами, находимыми в Эгейском регионе и на юге Испании.

Заканчивая разговор о петроглифических изображениях на архипелаге, отметим, что план одного из крупных некрополей на Гран-Канарии — «Ла-Гуанча» сходен с распространенными на этом острове мотивами петроглифов: те же концентрические круги, пересекаемые радиусами (напоминает потрескавшийся срез дерева с

годи́чными кольцами). Вполне возможно, что этот тип плана отражает некие архаические космологические воззрения древних канарцев и их представления о членении пространства как конкретного, так и сакрального.

Рассмотрим, что дают для решения проблемы заселения Канарских островов и этногенеза их коренного населения такие элементы древней культуры аборигенов, как практика мумификации умерших, искусство плетения, некоторые виды керамики.

Распространенный на Канарах обычай мумифицировать умерших всегда привлекал внимание исследователей. Было выдвинуто несколько гипотез об истоках его появления на архипелаге.

Испанский ученый Луис Диего Куской выводит этот обычай из Египта. После того как Ф. Мори в Ливии, в Феццане, обнаружил мумию ребенка, появилась гипотеза, согласно которой прародиной первых канарцев были Феццан и Сахара. По данным углеродного анализа, феццанская мумия датируется 3455 ± 180 г. до н. э. Мумифицированный мальчик негроидного типа был завернут в шкуру антилопы.

Мумификация известна во многих районах Африки, особенно к югу от Сахары, однако этот обычай получил распространение сравнительно поздно. Пельицер Каталун, отмечая это обстоятельство, а также тот факт, что в районе Танжера были обнаружены относящиеся к VII—VI веку до н. э. мумифицированные останки, завернутые в шкуры, сшитые подобно канарским аналогичного назначения, утверждает, что обычай мумифицировать умерших проник на Канарские острова во второй половине I тысячелетия до н. э.

Любопытно, что в Западном Средиземноморье, откуда данный обычай мог проникнуть на Канары, существовали и другие центры мумификации. Так, в одной из неолитических пещер в Гранаде (Куэва де лос Мурсиеллагос) в 30-х годах прошлого века были обнаружены мумии. (Впрочем, в оценке этого открытия среди ученых нет единого мнения.) Одна из мумий была одета в рубашку из шкур. Значимость этой находки усиливается тем, что недалеко от этой пещеры найдена керамика (сосуды с носиками), сходная с канарской.

Искусство плетения на архипелаге достигло большого развития, особенно на Гран-Канарии. Возможно, что это ремесло проникло сюда из районов, где издавна существовали плетение и ткачество, в частности с Пиреней-

ского полуострова (Куэва де лос Мурсиеллагос) или из Сахары. На самих Канарах ткачества не было.

Канарская керамика имеет близкие аналоги во всем средиземноморском регионе, а также в Сахаре и Северо-Западной Африке. Остановимся здесь лишь на одном виде керамических изделий — на так называемых пинтадерах, во множестве найденных на Гран-Канарии и встречающихся также на острове Пальма, на Лансароте и Фуэртевентуре. Пинтадеры изготовлялись также и из камня.

Назначение их не совсем ясно. По-видимому, они служили штампами для нанесения рисунка на тело или были печатями. По форме пинтадеры делались плоскими (различными в плане), реже — цилиндрическими. Подобные предметы получили распространение во многих районах мира. В Средиземноморье их особенно часто находят на северо-западе Африки, где ими пользовались берберы, и в Северной Италии. Геометрический орнамент пинтадер этих районов во многом напоминает рисунки на канарских пинтадерах. Можно проводить параллели и с восточносредиземноморскими печатями.

Как правило, на них нанесены геометрические знаки: концентрические круги, кресты, треугольники и квадраты, изображавшиеся также и на керамике бытового назначения, где их иногда вырезали и заливали краской. Но можно также встретить изображения «Солнца с ножками», подобные южноамериканским, или символ Солнца с 16 лепестками. Заметим, что находки пинтадер в Америке, особенно в Карибском бассейне, используются учеными в качестве одного из доводов в пользу доколумбовых межконтинентальных контактов.

Любопытен результат анализа жадеита, из которого были сделаны четыре неолитических топора, хранящиеся в Муseo Канарио в Лас-Пальмасе. Он показал, что камень этот был добыт в Западных Альпах. Следует также отметить, что подобные топоры были обнаружены и на средиземноморском побережье Испании, от Жероны до Гранады.

Дискуссия о времени заселения Канарского архипелага длится уже не одно десятилетие. Источники позволяют предположить, что процесс заселения был длительным, многократным. Изоляция этой островной группы безусловно носила относительный характер. В те или иные периоды истории имели место спорадические контакты с атлантическим побережьем Африки и Среди-

зёмноморьем, причем исходили они от «большой земли» к архипелагу.

Относительно времени прибытия первых поселенцев высказываются противоречивые мнения. Точка зрения Р. Верно, предполагавшего появление здесь посетителей кроманьонского типа еще в конце плейстоцена, почти не находит сейчас сторонников. Последние антропологические исследования не подтвердили архаичность черт данного типа. Как пишет В. П. Алексеев, «канарцы при всей своей массивности отличаются от древнейших форм европеоидной расы значительно большей грацильностью» [Алексеев, 1974, с. 216]. Таким образом, антропологическое изучение аборигенов не дает каких-либо оснований для столь древней датировки первичного заселения. Современные жители островов, несмотря на то что во время завоевания архипелага большая часть аборигенов была уничтожена, а часть потеряла антропологическую чистоту вследствие браков с европейцами, все же сохраняют некоторые черты автохтонного населения. Важно отметить, что последние антропологические и палеоантропологические исследования с определенностью указывают на принадлежность древних канарцев к западсредиземноморскому расовому подтипу [Алексеев, 1974, с. 216].

Радиоуглеродный анализ образцов дерева и остатков кожи и костей аборигенов показал, что наиболее древние из них на Тенерифе относятся к I веку до н. э., на Гран-Канарии — к III веку н. э., на Гомере — к V веку н. э., а на Иерро и Пальме — к VIII веку н. э. [Hernández Pérez, с. 24—25].

Основываясь на сопоставлении различных элементов культуры коренного населения Канарских островов с элементами культур, распространенных на территории Сахары, Северо-Западной и Западной Африки, Пельицер Каталан датирует начало заселения архипелага серединой I тысячелетия до н. э. [Pellicer Catalán, с. 72]. Однако культура аборигенов на начальных этапах своего сложения в результате многократности заселения архипелага представляла собой сложную мозаику, причем ни один из заложенных в нее культурных компонентов вследствие внутренних законов развития собственно канарской культуры не может уже считаться точным фрагментом культуры того района, откуда происходило заселение. Поэтому датирование лишь на основании сопоставления местной культуры с культурами других регио-

нов не может, как нам кажется, верно отразить истинную картину заселения.

По мнению ряда ученых, в пользу позднего заселения свидетельствует также отсутствие на островах некоторых обычаев, бытовавших длительное время среди населения Северо-Западной Африки. Речь идет об искусственном удалении зубов (двух срединных или иногда боковых верхних либо нижних резцов) у носителей типа «Мешта-Афалу» и протосредиземноморского (капсийского) антропологического типа. Удаление осуществлялось в раннем возрасте, причем у кроманьонцев оно производилось у обоих полов, а капсийцы удаляли зубы лишь у девочек. Обычай этот практиковался вплоть до начала I тысячелетия до н. э.

Другой обычай — захоронение в скорченном виде на боку — имел место в указанном районе Африки вплоть до эпохи романизации его населения. На Канарах он засвидетельствован лишь однажды, на Гомере.

Однако отсутствие тех или иных обычаев еще не позволяет делать далеко идущие выводы. Поздние миграции могли привести к значительному изменению обычаев первых поселенцев, а о характере тех обычаев судить мы не можем, так как антропологических находок, датированных ранее рубежа нашей эры, на архипелаге еще не выявлено. К тому же мы мало еще что знаем о жизни населения близлежащих к Канарам материковых территорий в последние тысячелетия до н. э. Добавим также, что переселенцы могли прибыть и из районов, где эти обычаи были утрачены.

Около 20 лет назад на Тенерифе (в Барранко Агуас де Диос и в Барранко де ла Арена) были обнаружены единичные пещерные стоянки, на которых, в частности, были выявлены бескерамический слой и слои, не содержащие костных останков крупных животных, но изобилующие останками ящериц. Свидетельствуют ли эти слои о существовании раннего периода заселения, или их наличие является следствием деградации? На этот вопрос смогут дать ответ лишь новые археологические исследования.

Случаи, когда «при прорыве изолята он представлял архаичным и кажущаяся древность принималась за истинную» [Итс, 1973а, с. 13], достаточно часто встречались в истории человечества. Подобное, полагают некоторые исследователи, могло иметь место и на Канарах. Например, когда уже знакомые с выплавкой металлов

племена попадали на острова, они должны были утратить эти навыки, так как металлические руды здесь отсутствуют. На деградацию коренного населения в известной мере могли оказать влияние и благоприятные природные условия, в том числе наличие на островах таких горных пород, как фонолит и обсидиан, которые не требуют особой обработки при изготовлении из них режущих инструментов. Отрицательное влияние на развитие культуры Канарского архипелага мог оказать и демографический фактор.

Историю заселения Канарских островов можно разделить в самых общих чертах на три этапа, причем критериями при их выделении служат интенсивность и характер контактов с материком. Конечно, такая периодизация носит весьма условный характер.

Первый этап, установить начало которого не представляется возможным, заканчивается в середине III тысячелетия до н. э. Развитие плавательных средств в примыкавших материковых районах достигло к этому времени уровня, позволявшего преодолевать водные преграды, отделяющие острова от континента. Это период, когда на восточные острова эпизодически могли попадать небольшие группы людей, однако жизнеспособность этих коллективов в условиях изоляции была весьма ограниченной. Объем контактов между континентом и архипелагом был минимален.

Второй этап охватывает следующие два тысячелетия. Это период массовых переселений на острова, появления на них носителей кроманьонского и протосредиземноморского антропологических типов, чему в археологической терминологии соответствуют: первым — культура канарского субстрата, а вторым — культура строителей мегалитов.

Приблизительно в середине III тысячелетия до н. э. на Канарские острова мог попасть небольшой по численности коллектив людей типа «Мешта-Афалу», создавших так называемую культуру субстрата Канар. Причины, побудившие к этому перемещению, выявить сложно. Значительную роль здесь мог играть процесс высыхания Сахары, во многом уже определявший миграционные движения в Северной Африке.

В следующем тысячелетии были, по-видимому, заселены все острова архипелага. Уже в первой половине II тысячелетия до н. э. здесь появляются носители протосредиземноморского антропологического типа, строи-

тели мегалитических сооружений. На острова могли попадать и мигранты с Пиренейского полуострова.

Благодаря путешествиям мореплавателей Восточного Средиземноморья, и в первую очередь Эгеиды, а также мореходов атлантического побережья Европы (от Скандинавии до Тартесса) исследуемые острова могли быть освоены европейцами и включены в сферу атланти-средиземноморских контактов эпох энеолита и бронзы. По мере того как Сахара принимала современный облик, проникновение на Канары жителей этого региона Африки усиливалось.

Начало третьего этапа ознаменовано возможным появлением на Канарских островах финикийцев и карфагенян. По косвенным данным, уже в середине I тысячелетия до н. э. они могли основать здесь свои фактории. Приблизительно на рубеже нашей эры на архипелаг прибыли, как полагают ученые, переселенцы, принесшие сюда древнеливийскую письменность, подобную письму туарегов Сахары — тифинаг/тафинар. В течение этого этапа более или менее стабильные контакты с аборигенами Канар поддерживали как жители северо-западной Африки, так и обитатели Пиренейского полуострова. В конце I тысячелетия н. э. на архипелаге, видимо, появились арабы. Материальных следов их пребывания здесь пока не обнаружено. Новая — европейская колонизация архипелага оборвала относительно самостоятельное развитие его коренного населения.

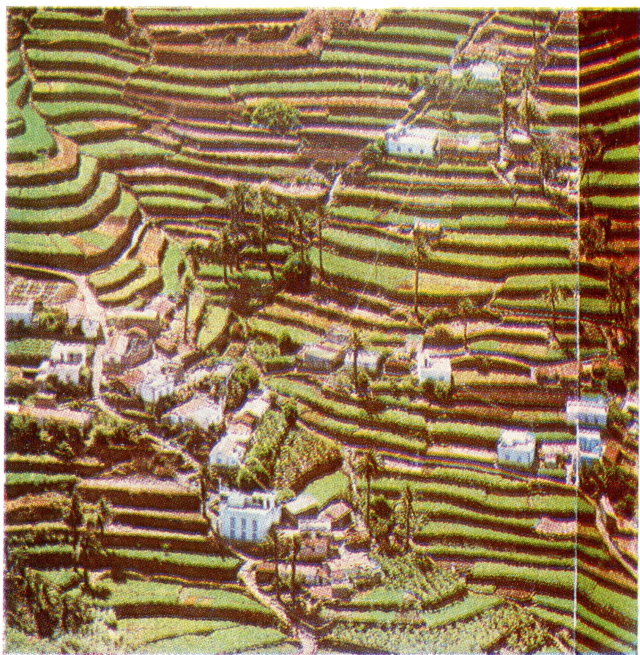
Многочисленные культурные параллели, приведенные в данном разделе, дают право связывать Канарские острова с различными районами Старого Света. Их перечень можно было бы продолжить, однако это не расширило бы очерченной выше зоны: Северная Африка, Средиземноморье, приатлантическая Европа. Огромные размеры этой зоны обуславливаются скорее не тем (или не только тем), что Канарского архипелага достигали многие миграционные волны, исходившие из различных районов, а единством всего этого ареала в культурно-антропологическом плане.

Одна из разновидностей
керамических
статуэток — предмет
почитания автохтонов

Фуэнтевентура.
Старинное здание
в городе, основанном
Жаном де Бетанкуром,
первым завоевателем
Канар

Гомера
 Лабиринты террас,
 грудодобиво возделанные
 островитянами
 на склонах Гран Реа

Генерифе
 Пуэрто де ла Круз

Предметы
 кустарного промысла
 пользуются
 популярностью
 у туристов

У сельского населения
 и теперь
 еще распространены
 традиционные
 способы прядения

Ежегодно в порты Канарских островов
заходит до тысячи советских судов

Карнавал в Пуэрто-де-ла-Крус

...Океан, сверкающий и бесконечный, каким он был в тот день, когда Алькора, древний канарский бог, извлек из его лазурной глубины семь счастливых островов. Вскипевшая вода скатывается с только что сотворенной тверди. Слепое сердце бешено бьется среди пенного морского тумана. И пляшут в первозданном хаосе духи Канарии.

Кармен Лафорет

Глава V

ДО ПРИХОДА ЕВРОПЕЙЦЕВ

Материальная культура аборигенов. Археологические изыскания и свидетельства первых хронистов позволяют реконструировать основные черты материальной культуры древних канарцев накануне средневекового «открытия» Канар европейцами и в последующие десятилетия до окончательного их завоевания.

Основными видами традиционной хозяйственной деятельности автохтонов Канарских островов были скотоводство и земледелие. В хозяйственной деятельности аборигены учитывали экологические особенности островов. Это определило дальнейшую специализацию и развитие наряду с названными таких форм хозяйствования, как рыболовство, огородничество и бортничество. Они разводили овец, коз (крупного рогатого скота у них не было), свиней и собак. Козы островитян типа *Mamba*, *Mamber* были сходны с североафриканскими, но в отличие от последних шерсть у них была короткой и не использовалась в хозяйстве. Овцы на островах — гладкошерстные, с покрытыми шерстью хвостами.

Собаки играли значительную роль в скотоводческом хозяйстве коренного населения, о чем свидетельствует, в частности, тот факт, что в пещерах для захоронений рядом с останками человека находят кости собак и даже их мумии. Собаки помогали пастухам стеречь скот, кроме того, мясо их употреблялось в пищу.

На островах выращивали ячмень, а по свидетельствам хронистов, также пшеницу и бобы. Некоторые ученые полагают, что пшеница была известна лишь на Гран-Канарии и появилась здесь незадолго до завоевания острова [Zeuner, с. 282]. Аборигены собирали также плоды фиговых, пальмовых и прочих деревьев, в изобии-

лии произраставших в диком виде на архипелаге. Так, европейцы, участники экспедиции 1341 года, обнаружили в домах жителей одного из островов сушеные фиги, хранящиеся в корзинах из пальмовых веток. Островитяне занимались бортничеством, а на Гран-Канарии, по видимому, было развито и пчеловодство.

Рыболовство занимало значительное место в хозяйстве канарцев. Рыбу били гарпуном, ловили сетями и с помощью крючковой снасти; иногда водоемы отравляли ядом. Предания сохранили сведения о том, какого искусства достигли аборигены в ловле рыбы. Самые ловкие пловцы и ныряльщики на слух определяли приближение косяков рыбы, после чего специальные наблюдатели следили с берега за ходом косяка. Как только выяснялось, что косяк пройдет вблизи от берега, пловцы и ныряльщики приближались к нему и хлопками и криками гнали рыбу к суше, где ждали ее люди, вооруженные сетями, сосудами, палками.

Кроме рыбы островитяне добывали в море креветок, моллюсков, съедобные водоросли. По всей видимости, аборигены охотились и на тюленей, водившихся здесь в большом количестве. Участники упомянутой экспедиции 1341 года привезли с островов Канарской группы тюленьи шкуры.

Охотой и рыбной ловлей занимались мужчины. Дары моря собирали женщины и дети. В земледелии принимали участие как мужчины, так и женщины. Землю обрабатывали заостренными палками, часто с наконечниками из козьих рогов, причем обработка полей велась обычно после дождя. На Тенерифе готовили поле к посеву и сеяли ячмень мужчины, всю же остальную работу вплоть до уборки зерна делали женщины. Зерно хранили в амбарах или пещерах.

Огонь канарцы добывали сверлением, вращая ладонями гладкую палочку из твердого дерева, вставленную в небольшое углубление в сухой и мягкой дощечке.

До появления на архипелаге европейцев коренное население не знало металлов. Большинство орудий делались из камня (обсидиана, базальта, фонолита). Техника их изготовления носила неолитический характер.

Как свидетельствуют сообщения хронистов и находки археологов, одним из наиболее распространенных орудий была *табона*, или черный камень. Она изготовлялась из обсидиана и представляла собой отщеп, отколотый от нуклеуса. Служила табона в основном в ка-

честве режущего инструмента или скребка (для сдирания шкур и т. п.). Чтобы показать многообразие форм этого орудия, мы приведем перечень, включив в него как различные варианты табон, так и нуклеусы для их изготовления. Все они были обнаружены в пещере для захоронений на Тенерифе среди другого инвентаря. Отметим, что эти находки представляют особую ценность для археологов, так как еще не употреблялись в хозяйстве и сохранили изначальную, не «сработанную» форму [Diego Cuscoy, 1965, с. 14—16].

Нуклеусы для изготовления табон .	3
Камни, близкие по форме к нуклеусам	14
Табоны	
прямоугольные	28
листовидные .	29
треугольные .	51
многоугольные .	27
лезвия .	14
микролиты .	64
Всего орудий	230

Среди других каменных орудий, обнаруженных в этой пещере, находились также ударные инструменты, применявшиеся как для изготовления табон, так и для обработки костей [Diego Cuscoy, 1964, с. 11].

На Гран-Канарии часто находят шлифованные топоры, служившие для обработки дерева. Весьма интересно универсальное орудие, найденное в пещерах Гальдара. Оно имело два заострения, выполнявших, судя по всему, разные функции [Serra-Ráfols, 1970, с. 462].

Из камня изготавливались также ручные мельницы, в центре верхнего жернова которых имелось отверстие, наполнявшееся зерном. Вращение жернова осуществлялось пальцами руки или одной-двумя палочками, вставлявшимися в специальные углубления в нем. Подобные мельницы были найдены также на территории Алжира и Марокко, а по свидетельству Эспиносы, они изготавливались и в Испании. Здесь следует подчеркнуть, что подобные мельницы на Канарах — средиземноморского, а не африканского происхождения, так как Африка колеса не знала; если же допустить, что они попали сюда из Африки, то лишь в позднее время.

Остановимся подробнее на вопросе о наличии плавательных средств у аборигенов Канар. Он широко дискутируется в научной литературе. Причем те, кто отказывает древним канарцам в существовании у них лодок,

поддерживают весьма увлекательные, но малодостоверные гипотезы о заселении архипелага.

Свидетельства же письменных источников весьма противоречивы. На существование лодок у островитян, возможно, указывает сообщение арабского географа и путешественника ал-Идриси (если верно отождествление Канар с островами, упоминаемыми в его сочинении). В источнике говорится, что, когда судно с арабскими «смельчаками» приблизилось к одному из островов (Канарских — ?), его тотчас же окружило множество лодок [Хенниг, т. II, с. 427]. Путешествие это датируется первой половиной XI века. Таким образом, вполне вероятно, перед нами письменное подтверждение того, что в XI веке жители архипелага располагали простейшим транспортом для преодоления водных преград между островами.

По-видимому, архаический тип лодки сохранился у канарцев во всяком случае вплоть до XVII века. Об этом свидетельствует хронист Леонардо Торриани, живший в XVI столетии. Он сообщает, что аборигены делали лодки из стволов драцены, утяжеляя их для устойчивости камнями. Лодки снабжались парусами, изготовленными из пальмовых листьев, пользовались канарцы и веслами. Морские перевозки, указывает хронист, осуществлялись между островами Гран-Канария, Тенерифе и Фуэртевентура [Torgiani, с. 123]. Но свидетельство Л. Торриани — единственное (не считая спорного сообщения ал-Идриси). Удивительно, что никто из других хронистов, начиная с Боккаччо, не говорит о наличии плавательных средств у островитян. Напротив, все они указывают на отсутствие лодок у канарцев.

Последнему обстоятельству некоторые ученые придают особое значение и делают из него далеко идущие выводы. В частности, И. В. Рябикова, отмечая, что, по свидетельству хронистов, коренные жители архипелага «не были знакомы даже с самыми примитивными способами мореплавания», поддерживает гипотезу о существовании между Канарами и материком сухопутного моста, по которому «древние кроманьонцы попали на острова» [Рябикова, с. 254]. Даже если бы гипотеза о существовании сухопутного моста была справедливой, вряд ли правомочно связывать проблему наличия у канарцев лодок в эпоху средневековья со столь отдаленными периодами человеческой истории. Однако, по-видимому, во времена раннего европейского средневековья

древним канарцам все же был известен водный транспорт, постепенно исчезнувший в период завоевания архипелага и в первое столетие после установления колониального господства.

Косвенно о знакомстве аборигенов с мореплавательной техникой может свидетельствовать высокий уровень развития уже в глубокой древности мореплавания у народов Средиземноморья и жителей восточного побережья Атлантики, с которыми, как было показано, существовали постоянные контакты.

Чем же можно объяснить слабое развитие плавательных средств у канарцев ко времени завоевания островов европейцами, а возможно, и полное исчезновение этих средств у обитателей некоторых островов Канарской группы уже в XIV—XV веках? Причин этого могло быть несколько.

Во-первых, природные богатства архипелага обеспечивали его население всем необходимым и пускаться в далекие плавания ему фактически было незачем. Во-вторых, на Канары могли попасть этнические группы, вытолкнутые из далеких от побережья районов материка и не знавшие морского промысла, а проживание этих групп у моря было, видимо, не столь продолжительным, чтобы оно успело занять важное место в их хозяйственной жизни. В-третьих, население островов могло утратить плавательные средства вследствие длительного проживания в условиях относительной изоляции, что нередко влечет за собой частичную деградацию в хозяйственной деятельности. Наконец, частичной утрате лодок у канарцев могли способствовать пиратские набеги, регулярно совершавшиеся во второй половине XIV века и в течение всего последующего столетия. Возможно, что исчезновение плавательных средств было вызвано совместным действием сразу нескольких из упомянутых факторов.

Весьма своеобразна точка зрения на этот вопрос Л. Диего Кускоя, который считает, что поселенцы не знали мореходства и их доставили на острова профессиональные мореплаватели [Diego Cuscoy, 1968, с. 26—27, 71]. Однако с подобным взглядом трудно согласиться. Какая-то группа поселенцев могла, конечно, воспользоваться услугами «перевозчиков», однако в ту историческую эпоху такой способ переселения мог носить лишь очень ограниченный характер. Другую гипотезу выдвигает А. Гаудино, предполагающий, что канарцы —

потомки жителей Сахары и Атласа, вывезенных карфагенянами, которым эти воинственные племена мешали осуществлять караванную торговлю [Гаудио, 1958б, с. 91]. Хотя такое насильственное переселение и могло иметь место, следует в то же время помнить, что заселение Канар, начавшееся, по-видимому, задолго до этих возможных событий, продолжалось и позднее.

Также не вызывает особого доверия легенда гуанчей, согласно которой они якобы являются потомками восставших против римлян жителей Африки. В наказание за убийство претора или судьи восставшим будто бы отрезали языки, посадили их в лодки без весел и отправили в океан. К какому источнику восходит эта легенда, зафиксированная в хронике А. де Эспиносы [Espínosa, с. 26—27], неизвестно, и требуются дополнительные изыскания. Однако последние подробности свидетельствуют в пользу средневекового ее происхождения, ибо в них можно усмотреть как попытку объяснить наличие на архипелаге языка свиста, так и отсутствие (по свидетельству А. де Эспиносы) плавательных средств у древних канарцев.

Лодки, изготовлявшиеся аборигенами из стволов драцены, использовались на архипелаге, по-видимому, вплоть до XVII столетия. Можно предположить, что островитяне делали также лодки из тростника.

Дерево широко использовалось как поделочный материал. Аборигены изготовляли из него стропила для крыш, гробы, носилки, на которых переносили мумии умерших. Из дерева делали также оружие, посохи, жезлы, посуду (она выдалбливалась из цельного куска древесины). Известна была на Канарах и посуда, сплетенная из растительных волокон.

Аборигенам было хорошо знакомо гончарное ремесло, однако гончарного круга они не знали. Отсутствие в культуре канарцев гончарного круга и в то же время наличие ручных мельниц, о которых речь шла выше, ставит важную для культурогенеза проблему. Связь канарской культуры одновременно с Африкой и Европой позволяет предположить, что традиции канарского гончарства восходят (или во всяком случае связаны) к североафриканским и сахарским культурам. А ручная мельница может вести свое происхождение от культур европейского побережья Средиземного моря. Однако не следует исключать и возможность попадания ручной мельницы на Канары из Африки, но в более поздний

период, о чем уже говорилось. Нельзя упускать из виду и то обстоятельство, что на определенном этапе развития технологии гончарный круг просто не существовал, по-видимому, канарцы еще не достигли стадии изобретения гончарного круга в недрах собственной культуры.

Интересно отметить, что между островами, а порой между различными районами одного и того же острова наблюдались большие различия в изготавливаемых керамических изделиях. Наиболее заметным это отличие было, например, между керамикой, изготовленной в прибрежных районах, где население в основном занималось земледелием, и керамикой, произведенной на центральных возвышенностях островов, где основное место в хозяйственной жизни занимало кочевое скотоводство. Если в первом случае среди изделий преобладала посуда, предназначенная для изготовления пищи на огне, то во втором — сосуды для хранения жидкостей. Наивысшего расцвета гончарное ремесло достигло на Гран-Канарии.

Керамическая посуда канарцев имела разнообразную форму. Сосуды изготавливались с коническим, плоским дном, с дном в виде сегмента шара. Гончарные изделия часто снабжались ручками прямоугольной, цилиндрической или конической формы. Иногда ручки служили одновременно и носиком. Соединение функций носика и ручки можно видеть на амфоре с Гран-Канарии.

Большое разнообразие наблюдалось также в украшении керамической посуды. Выше уже говорилось о распространении на Тенерифе керамики импрессо, т. е. штампованной керамики (штамп ставился до обжига). Порой гончарные изделия на архипелаге украшались насечками или имели волнистую поверхность, но чаще их делали гладкими. Нередко орнамент наносили лишь на край сосуда. Керамику раскрашивали в различные цвета, преимущественно в красный. На Гран-Канарии сосуды чаще всего украшали полихромным геометрическим орнаментом.

Если бы мы располагали полным, систематизированным и типологизированным изданием канарской керамики, то морфологическое (по форме) и функциональное сравнение ее с североафриканскими, сахарскими и средиземноморско-европейскими керамическими традициями позволило бы сделать важные выводы в области культурогенеза.

Жилищами островитянам служили каменные дома, деревянные хижины и пещеры. Наши источники, относящиеся к эпохе колонизации Канар, зафиксировали, как видим, сосуществование различных стадияльных уровней в строительной традиции. Однако недостаточность материалов (особенно археологических памятников) не позволяет дать научную типологию канарского жилища и выстроить стадияльно-типологический ряд из описанных хронистами видов жилых построек канарцев, к тому же наблюдается известная вариативность построек на разных островах, то есть имеются и какие-то локальные варианты. Таким образом, вопрос о жилище на Канарах представляет большую, еще не решенную проблему, требующую дальнейших кропотливых разысканий. Дальнейшим этапом в ее решении представляется сравнение канарских жилищ со средиземноморскими, прежде всего с африканскими. Многие детали описаний позволяют думать о значительном сходстве канарских построек именно с североафриканским и сахарским древним жилищем.

Наиболее искусные каменные постройки сооружались на Гран-Канарии. Дома здесь строили из хорошо отесанных квадратных плит, не скрепляя их раствором. Снаружи некоторые из этих жилищ были круглыми, внутренняя же их планировка носила крестообразный характер. Некоторые каменные дома и пещеры на этом острове обшивались изнутри деревом и раскрашивались геометрическим орнаментом красного, белого и черного цвета.

На Тенерифе также строили дома из камней, нередко тщательно обработанных. Для сооружения крыши использовались дерево, солома, глина. Каменное жилище на Фуэртевентуре представляло собой полуземлянку, крытую каменными плитами, которые сверху заваливались грудой камней. Вход в такое жилище сооружался из нескольких каменных глыб.

На всех островах архипелага в качестве жилья широко использовались пещеры. На Гомере и Тенерифе в них жила большая часть населения. На Гран-Канарии значительное число пещер имело искусственное происхождение, они были вырублены аборигенами в туфовых породах. Форма их чаще всего была прямоугольной. Иногда в пещерах делались двери и окна, а стены обмазывались глиной. В стенах вырубались ниши для утвари. Известны случаи соединения нескольких пещер

туннелями. Далеко не все пещеры были легкодоступны. Для того чтобы добраться до некоторых из них, требовались большое умение и сноровка. Попадали в такие пещеры с помощью лестниц и канатов. Однако в наиболее недоступных из пещер люди не жили, они служили местом захоронения умерших.

Согласно свидетельствам хронистов, по склонам скал лепились хижины, однако об их устройстве ничего не известно.

Своеобразным сооружением островитян был *тагорор* — пространство, ограниченное каменными стенами и не имевшее крыши. Тагорор в Тауро-Альто (Гран-Канария) выглядел следующим образом. В плане он представлял овал, большая ось которого равнялась 9 м, а малая — 6 м. Стены имели толщину 75 см. Сохранившаяся стена в самой высокой своей части достигала 1,5 м. Вход (шириною 1 м) располагался по большой оси сооружения и был ориентирован на юг. В центральной части восточной стены на уровне пола имелась небольшая, почти квадратная ниша, назначение которой не вполне ясно. Можно предположить, что она служила для хранения какого-то предмета, имевшего большое религиозно-магическое значение. Тагорор строился в каждой деревушке и играл роль религиозно-общественного центра. В нем заседал совет старейшин, вершилось правосудие. На площадке около этого сооружения исполнялись обрядовые танцы и игры [Jiménez Sánchez, 1962, с. 24—26; Atienza, с. 44].

Свидетельства хронистов и данные археологии позволяют более или менее хорошо представить внутреннее убранство жилищ аборигенов. Стены пещер, принадлежавших вождю или „знати“, обшивались деревом или обмазывались глиной, а затем расписывались красками. Для хранения утвари в стенах делались ниши, но часто для этой цели использовались естественные углубления, находившиеся обычно у входа в пещеру. Столом и стульями служили плоские камни, причем стул вождя покрывался шкурой. Ложе для сна располагалось у стены и также складывалось из камней. На ложе клали сухую траву, ветки, а поверх растительной подстилки — шкуры. При отсутствии шкур на ложе стелили циновки из соломы. Укрывались канарцы шкурами. Вожди и «высокая знать», по-видимому, отделяли место для сна пологом из тростниковой циновки, а ложе застилали покрывалом из хорошо выделанных кож. О наличии

деревянной мебели у аборигенов не имеется никаких сведений.

Ткацкий станок коренным жителям архипелага не был известен. Однако для плетения жители Гран-Канарии применяли ткацкую раму (предтечу ткацкого станка, его примитивную модификацию). Из тростника, соломы и волокон островитяне плели циновки и одежду.

Мужчины на Канарских островах в большинстве случаев носили сплетенные из волокон набедренные повязки, женщины — юбки, сплетенные из соломы или сшитые из окрашенных в разные цвета пальмовых листьев. Эти юбки держали на бедрах полоски кожи или веревки, сплетенные из растительных волокон.

На Тенерифе и Гран-Канарии многие ходили в одежде, сшитой из шкур животных. Жители этих островов достигли большого искусства в выделке кож, их сшивании и нанесении на них орнамента. Для придания коже прочности и эластичности ее, по мнению Ф. Цойнера, по-видимому, обрабатывали мозгами, яйцами, животным жиром, костным веществом, причем жиры затем удалялись. Дубящие вещества растительного происхождения не применялись.

О высокой технике шитья говорит найденный фрагмент одежды, где на каждый сантиметр шва приходится по 16 стежков. Шили аборигены с помощью костяных или деревянных игл. Интересно отметить, что некоторые из костяных игл имели не ушко, а углубление, в которое, по мнению ученых, вклеивалась нить. Нитями для сшивания кож обычно служили сухожилия.

На Тенерифе носили *тамарко* — рубашку из хорошо выделанной кожи ягнят или овец. Она шилась без воротника, рукавов, складок и застежек. Подпоясывалась рубашка кожаным ремешком. У мужчин рубашка доходила до колен, у женщин — до пят. „Знатные“ островитяне носили тамарко с рукавами. Обувь „знати“ напоминала лапти, однако плелась она не из лыка, а из кожаных полосок. Использование аборигенами в качестве материала для одежды выделанных шкур и кожи заставляет думать о тесной связи канарской культуры с культурой древних ливийцев.

Часть аборигенов ходили нагими. Природные условия этому благоприятствовали, особенно в летнее время. В более прохладное время жители Тенерифе для защиты от холода натирали тело мазью, приготовленной из козьего жира и сока различных трав. Особо це-

нилась мазь зеленого, красного и желтого цветов, которая одновременно служила украшением, и островитяне раскрашивали ею свое тело.

Подобно берберам и древним иберийцам, аборигены архипелага украшали головы перьями. Головной убор вождя на острове Лансароте представлял собой шапочку из козьего меха, украшенную ракушками.

В качестве украшений канарцы носили ожерелья из ракушек, костей, позвонков рыб, кабаньих клыков, камешков. Деревянные украшения делали довольно редко.

Из обожженной глины изготовлялись колечки, трубочки, полые цилиндрики, просверленные шарики и другие фигурки, из которых делались ожерелья. Встречались также цилиндрические бусы из обожженной глины, на поверхности которых были нанесены борозды, как бы делящие цилиндр на несколько колец (от двух до четырех). В эпоху бронзы такие бусы получили широкое распространение от Египта до Британских островов. Интересно, что Тенерифе — единственный остров архипелага, где пока найдено подобное украшение, идентичное изготовлявшемуся в додинастическом Египте. Тело свое островитяне украшали орнаментом. Для нанесения орнамента и для других целей канарцы применяли краски как минерального, так и растительного происхождения. В частности, для приготовления красок использовались лишайник орсель и смола драконова дерева.

Пища у канарцев была преимущественно растительная. Основным блюдом было *гофио*, приготовлявшееся из зерен и корней. На Тенерифе зерна предварительно прожаривали, а затем мололи на ручных мельницах. Жители Пальмы и Гомеры приготовляли гофио несколько иначе: корень папоротника-орляка растирали в порошок и добавляли к нему немного ячменной муки; затем эту смесь поджаривали. Гофио ели, разводя его в воде, молоке или топленом овечьем жире. Иногда добавляли мед.

В рационе канарцев было и мясо, которое перед употреблением в пищу немного обжаривали. Мясо также коптили и сушили. Из козьего и овечьего молока готовили масло и сыр. Лас Касас сообщает, что жители острова Гомера употребляли в пищу молоко, травы, корни тростника, а также змей, мышей и ящериц.

Как уже отмечалось, островитяне ели плоды дикорастущих деревьев (финиковой пальмы, земляничного

дерева), ягоды (ежевику и др.). На Тенерифе росли ягоды со сладким соком, называвшиеся аборигенами *мокан*. Из созревших мокан приготавливали патоку. Сначала ягоды три-четыре дня вялили на солнце, а затем разминали и варили в небольшом количестве воды, пока не получался сироп. Патока была очень сладкой и обладала целебными свойствами. Ею лечили многие болезни.

В случае, если у кормящей матери не доставало молока, детей поили козьим. Для этого поступали следующим образом: молоком пропитывали растрепанный конец корня папоротника, а затем, смазав его маслом, давали сосать детям. Детей кормили также разжеванной пищей прямо изо рта матери, что приводило, по свидетельствам хронистов, к вытягиванию у женщин нижней губы [Berthelot, 1978, с. 71, 80].

Среди оружия канарцев следует прежде всего отметить закругленные камни, которые метали чаще всего без пращи. Из дерева аборигены делали копья, пики и дротики. На дротики надевали роговые наконечники. Концы копий и пик для прочности обжигали. Пика (*банот*) использовалась в ближнем бою. Она имела утолщение, которое ограничивало проникновение ее в глубь тела противника. Вонзив пику во врага, ее изгибали или поворачивали, чтобы конец до утолщения обломился. На Гран-Канарии воины пользовались в бою также палицами. Оборонительным оружием островитянам служили щиты, изготавливавшиеся из драконова дерева или из кожи. На Тенерифе воины предохраняли от ударов руку, намотав на нее рубашку тамарко.

Характер источников заставил поневоле дать суммирующую, обобщенную характеристику описанных аспектов материальной культуры, без учета локальных особенностей. Между тем они, конечно, существовали, причем каждый локальный вариант характеризовался и различными стадияльными особенностями.

Краткий обзор материальной культуры канарцев показывает, что культурный уровень населения различных островов к моменту прихода европейцев заметно варьировался. Наиболее развитую культуру имели жители островов, ныне входящих в состав провинции Лас-Пальмас. Вероятно, это было в первую очередь обусловлено близостью восточных островов к африканскому материку, что облегчало внешние контакты. Особенно продвинулось вперед в своем культурном развитии население

Гран-Канарии, что можно объяснить достаточно благоприятными природными условиями (высоким плодородием почв, богатыми растительными и минеральными ресурсами), а также сложившейся демографической ситуацией. Что же касается зафиксированного хронистами некоторого отставания от жителей Гран-Канарии аборигенов островов Лансароте и Фуэртевентура, то оно было, в частности, обусловлено опустошающими пиратскими набегами во второй половине XIV — начале XV века.

Наиболее низкий уровень материальной культуры был выявлен на самых западных островах архипелага — Пальма и Гомера. В хозяйстве аборигенов этих островов весьма значительную роль играло собирательство, земледелие же было развито крайне слабо.

Несмотря на имевшиеся некоторые, а в отдельных случаях и весьма значительные различия в материальной культуре аборигенов отдельных островов, она в целом представляла определенный комплекс. По своей хозяйственной специализации островитяне были скотоводами и мотыжными земледельцами. Следует также отметить, что все канарцы находились на стадии производящего неолита.

Отсутствие у канарцев выплавки металлов, ткацкого станка, гончарного круга и ряда других элементов культуры, знакомых в Средиземноморье, является, очевидно, следствием длительного проживания островитян в условиях изоляции. Правда, на архипелаг время от времени прибывали различные иноэтничные группы мигрантов, в том числе и знавшие металлургию на своей африканской прародине. Однако после переселения на острова, где не было металлических руд, они быстро утрачивали свои навыки в изготовлении металлов. Могли попадать на острова и представители народов, знавших гончарный круг и ткацкий станок. Но длительное их проживание среди аборигенов, у которых навыки гончарства и ткачества отсутствовали, приводило к постепенной утрате пришельцами этих знаний.

Таким образом, неолитический уровень материальной культуры аборигенов Канарского архипелага вовсе не свидетельствует о том, что заселение островов могло происходить лишь в период, когда в прилегающих районах Африки и Европы господствовал неолит. Неолитическая культура островитян, сохранившаяся вплоть до эпохи великих географических открытий, является не только результатом сбережения на архипелаге истинно

неолитических культур III—II тысячелетий до н. э., но и плодом угнетенного развития в условиях, характерных для изолята.

Социальная организация канарцев. В эпоху завоевания Канарских островов европейцами их коренное население находилось на стадии разложения первобытнообщинного строя. Однако уровень общественного развития аборигенов, как и уровень их материальной культуры, существенно варьировал от острова к острову. Свидетельства об этом, в частности, дают западноевропейские средневековые хроники, посвященные архипелагу. Наиболее высокого уровня социального (как и экономического) развития достигли жители островов, входящих в настоящее время в состав провинции Лас-Пальмас. Наиболее отсталыми являлись аборигены островов Пальмы и Гомера.

Сведения хронистов не позволяют с достаточной уверенностью охарактеризовать особенности социальной организации на отдельных островах Канарской группы. Их терминология, в которой описываются социальные институты, этносоциальные группирования разного уровня, титулы социальной иерархии, весьма условна, повторяет терминологию феодального государства и допускает множественность толкований. В хрониках сообщается, например, о том, что на Гран-Канарии и Фуэрте-вентуре было по два «королевства», а на Лансароте — одно. Можно предположить, что речь здесь идет о племенных союзах. Но веских аргументов в пользу такого предположения не имеется. Хронисты пишут также о наличии на каждом из западных островов архипелага нескольких «банд». В этом случае речь, по-видимому, идет о родах или племенах. Но сказать что-то более определенное трудно. Учитывая, что хозяйство и культура жителей Тенерифе были относительно развиты, можно предположить, что на этом острове существовала достаточно прочная племенная организация и, по данным хроник, насчитывалось 9 племен. На Пальме имелись 12 племен или родов, а на Гомере — не менее четырех.

Большой интерес представляет вопрос о численности населения архипелага до его завоевания. Лас Касас считает, что на Канарских островах жили 100 тыс. человек [Las Casas, с. 16]. Вероятно, это соответствовало действительности, ибо количество воинов на архипелаге, по данным хроник, достигало 20 тыс. Наиболее населенным был самый плодородный и хозяйственно освоенный

остров — Гран-Канария, где жили приблизительно 40 тыс. человек. Заметим также, что вследствие относительной перенаселенности на острове практиковалось детоубийство. Таким путем регулировалась не только численность населения, но, возможно, и его половой состав. По свидетельству хрониста, детоубийство с целью сохранения возможной предельной численности островитян имело место и на Пальме. Так же поступали здесь и с пришельцами-христианами, если они оказывались «лишними» [Diego Gomes, с. 99].

К определению хронистами числа жителей отдельных островов следует относиться с осторожностью. Например, данные Диего Гомеса о том, что на Тенерифе одних только мужчин-воинов насчитывалось 23 тыс., кажутся нам преувеличенными. Более близкой к истинной представляется нам другая оценка, согласно которой общая численность населения острова не превышала 30 тыс. человек [Diego Gomes, с. 97]. По-разному оценивается хронистами и относительная численность населения Гран-Канарии и Тенерифе. В сообщении об экспедиции 1341 года, например, говорится, что более густонаселенным из этих двух островов была Гран-Канария. Португальцы, посетившие архипелаг в середине XV века, наоборот, называют более населенным Тенерифе. Расхождение отчасти может быть объяснено тем, что за столетие, разделяющее две указанные экспедиции, Гран-Канария особенно сильно пострадала от пиратских набегов и в результате стала уступать Тенерифе по численности населения. Хронисты отмечают, что и уровень жизни на Гран-Канарии существенно снизился.

Наиболее подробно источники освещают общественные порядки на Гран-Канарии и Тенерифе. Средневековые хроники донесли до нас местные предания, в которых нашли отражение различные стороны общественной жизни островитян в последнее столетие, предшествовавшее окончательному завоеванию архипелага. Социальная организация аборигенов дается в динамике. Содержатся сведения о существовавших на островах институтах власти, о борьбе за власть, о взаимоотношениях между племенами, об имущественной и возрастной стратификации коренного населения.

Но приводимый хронистами материал отрывочен. Ко многим из свидетельств нужно относиться с большой осторожностью. В частности, ряд фактов, сообщаемых хронистами XVI—XVII веков, представляются явной

модернизацией. Кроме того, некоторые приводимые хронистами сведения допускают различную интерпретацию. Следует также иметь в виду, что все хроники относятся к периоду колониального освоения Канар, когда относительно самостоятельное развитие аборигенов было уже нарушено.

На острове Гран-Канария в течение длительного времени жили десять племен: гальдар, тельде, агуимес, техеда, агехата, тамарасейте, артебирго, артиакар и арукас. Эти названия и теперь можно встретить среди топонимов острова.

Согласно преданию, прорицательница Андамана, пользовавшаяся среди соотечественников большим влиянием, решила во второй половине XIV столетия захватить власть на острове. Для осуществления своего намерения она вышла замуж за Гумидафе, храброго воина из племени гальдар. Создав из числа своих сторонников боевую дружину, они после непродолжительной борьбы подчинили себе все племена Гран-Канарии. Вслед за этим Гумидафе и Андамана были провозглашены верховными вождями (*гуанартемес*). Центром всей Гран-Канарии стал Гальдар, расположенный на северо-западе острова, где и обосновались верховные вожди. Продолжительность их правления точно неизвестна.

В первой половине XV века на острове правил сын Гумидафе и Андаманы. После смерти этого правителя, последовавшей в середине XV века, власть перешла к двум его сыновьям, разделившим между собой остров. Однако на первых порах такой раздел не означал полного обособления двух частей острова. Некоторое время между обоими племенными объединениями поддерживались довольно тесные контакты. Сохранялись и некоторые общие институты. По-прежнему ежегодно на собрании военной верхушки и „знати“ избирался совет старейшин — *табор* (или *сабор*), заседавший в Гальдаре. Члены его назывались *гуайрес*. Табор, на котором решались важнейшие общественные дела, играл большую роль в управлении островом.

Предание гласит, что один из двух верховных вождей, позарившись на богатства своего брата, собрал десятитысячное войско и объявил ему войну. Хотя противник смог выставить лишь 4 тыс. воинов, обстоятельства сложились так, что это малочисленное войско одержало победу. Однако мира за этим не последовало, и борьба на острове продолжалась вплоть до его коло-

низации. После начала междоусобия общие органы власти прекратили существование. При вожде-победителе начал действовать совет гуайрес, представлявший подчиненные этому вождю племена. Кстати, этот совет действовал некоторое время и после начала европейской колонизации Гран-Канарии в 1478 г. В другой части острова власть скоро узурпировал один из воинов по имени Дорамас.

Значительное влияние на общественные дела Гран-Канарии оказывал верховный жрец — *файкан*.

Совет старейшин состоял из 190—200 человек. Если кто-либо из членов совета умирал, то на его место избирался другой представитель знати. Довыборы производились, как правило, лишь когда число умерших членов совета составляло 5—6 человек, причем его новыми членами становились сыновья умерших за это время гуайрес.

Верхнюю ступень социальной лестницы занимали верховный вождь, в руках которого была сосредоточена и военная власть, и верховный жрец. За ними следовали военачальники, „знать“ и жрецы. Ниже стояли рядовые общинники (*ачиказна*), обязанные носить короткие волосы. (Среди них более высокое положение занимали воины.) Наконец, как бы вне общества находились обращенные в рабство военнопленные.

О шедшем на острове процессе социального расслоения говорит, в частности, отношение населения к некоторым видам занятий. Так, забивать скот и разделять туши считалось делом постыдным и унижительным, и этим на острове обычно занимались рабы. Лишь когда их не хватало, на эту работу направляли специально отобранных соплеменников из числа общинников самого низкого происхождения. Остальные общинники относились к ним с презрением и никогда не садились с ними за общий стол. Источники не позволяют более точно выявить социальное положение описанной «касты» отверженных «мясников», определить характер существовавшего на Гран-Канарии рабства, например, установить, было ли это рабство коллективным или индивидуальным. Впрочем, вопрос о существовании рабства на этом острове дискусионен. Во всех источниках, где речь идет о рабах, имеются в виду военнопленные; сведения о рабах из числа соплеменников отсутствуют. Эти факты являются достаточными аргументами, не позволяющими определять это общество как рабовладель-

ческое. Другие особенности социальной специфики позволяют характеризовать его как находящееся на последнем этапе первобытности.

В источниках встречается термин «знатные», «знать», требующий некоторого пояснения. По-видимому, он использовался для обозначения некой категории полноправных членов общества, составлявших его привилегированную группу. Причем эта группа была, вероятно, зародышем последующей социальной дифференциации. О том, что жители Гран-Канарии стояли как бы на пороге этого процесса, свидетельствуют, на наш взгляд, следующие рассуждения хрониста.

По мнению Торриани, чтобы стать «знатным», надлежало лишь с самого детства следовать определенным правилам. Было совершенно неважно, принадлежишь ли ты к древнему роду или нет, носишь или нет почетные звания, неважны были, по его словам, и размеры богатства. С оговоркой доверяя хронисту и полагая, что «древность рода», «почетные звания» и «размеры богатства» он называет, исходя прежде всего из понятий более знакомого ему средневекового европейского общества, следует предположить определенную верность его замечания и сделать вывод об относительной неразвитости имущественного расслоения общества на этом, одном из передовых в социальном отношении острове Канарской группы.

Обряд посвящения в „знатные“, который давал посвященному право владеть землей и скотом, а также носить оружие, выглядел следующим образом. Все присутствующие во время совершения обряда должны были подтвердить, что посвящаемый никогда не входил в загон для скота, чтобы подоить или убить козу, что он никогда не готовил сам себе пищи, не совершал грабежа в мирное время, не проявлял дерзости, особенно по отношению к женщине. Если все подтверждали, что ни в чем перечисленном юноша не был замечен, фэйкан, совершавший обряд, приближался к нему, обрезал прядь волос и вручал дубинку. После этого юный воин мог находиться среди знатных. Подобный обряд, по-видимому, совершался как над сыновьями „знати“, так и в некоторых случаях над сыновьями рядовых общинников. Его существование свидетельствует об очень сложной социальной (а может быть, и возрастной) стратификации на Гран-Канарии, о том, что даже перечисленные выше социальные группы были неоднородны. На по-

следнее указывал и Зурара, писавший о наличии на острове „знати“ «более чистой» и «менее чистой». В то же время нельзя сбрасывать со счета и то, что хронисты «осовременили» существовавшие на Канарах социальные порядки, «подтянув» их к европейской средневековой исторической реальности.

Антропологические и археологические исследования, проведенные И. Швидецки, позволили яснее представить социальный строй древнего населения Канарских островов. Анализ характера захоронений и погребального инвентаря, найденных в пещерах, подтвердил наличие зачатков социальной стратификации среди аборигенов. Об этом, в частности, свидетельствуют разные способы мумификации покойников, зашивание их в неодинаковое число козьих шкур (от одной до шести). В пользу того же свидетельствует тот факт, что некоторые умершие погребались без предварительной бальзамической обработки и без защитного кожаного мешка. Исследования показали, что отмеченные выше варианты погребений связаны с антропологическими различиями. Индивиды с сохранившимися остатками мягких тканей (автор предполагает, что это было результатом мумификации) тяготеют более к средиземноморскому антропологическому типу, а те, от которых сохранились только костные останки («немумифицированные»), ближе к кроманьонскому типу [Schwidetzky, 1966, с. 238—239].

Таким образом, можно предположить, что архипелаг был заселен по крайней мере двумя этническими группами, одна из которых (кроманьонидная) была, возможно, частично подчинена другой (протосредиземноморской). Однако длительное совместное проживание привело к стиранию четкой антропологической грани между двумя группами. Есть и другая точка зрения. В. П. Алексеев на основании приводимых И. Швидецки палеоантропологических данных высказал предположение, «что это просто два варианта средиземноморской ветви европеоидной расы... Может быть,— пишет он ниже,— речь идет о двух социальных группах в составе единого по происхождению народа» [Алексеев, 1965, с. 179].

Особый интерес представляет проведенный И. Швидецки анализ материала о погребениях в каменных ящиках (цистах) под курганами (большинство захоронений производились в пещерах). Способ захоронения в цистах вообще весьма характерный тип погребения для

всех известных неолитических культур Средиземноморья. Как уже отмечалось выше, курганные погребения содержат от одного до 43 костяков. Антропологическое исследование скелетов в этих захоронениях показало, что все они имеют черты, характерные для социального слоя «мумифицированных». И. Швидецки допускает, что на Гран-Канарии имелась узкая прослойка родовой „знати“, практиковавшая эндогамию и не смешивавшаяся с рядовыми общинниками, которые, в свою очередь, были в социальном отношении неоднородны [Schwidetzky, 1966, с. 242—243; см. также Гомес-Табанера, с. 70].

Перейдем к рассмотрению социальной организации гуанчей. На Тенерифе, по-видимому, жили девять племен: таоро, гуимар, абона, адехе, дауте, икод, такоронте, тегесте и анага. Их названия сохранились до сих пор в топонимике острова. Кроме того, эти имена в некоторых письменных памятниках начала XVI века (например, в записях нотариальной конторы) употребляются как фамилии коренных жителей.

Согласно преданию, записанному хронистами, за 150 лет до завоевания острова испанцами им управлял один вождь. Затем девять сыновей этого вождя, захватив власть, разделили остров между собой. В конце XV века, накануне европейской колонизации Тенерифе, потомки этих сыновей управляли различными районами острова, названия которых совпадали с названиями проживавших в них племен.

Когда племенной вождь умирал, власть переходила по наследству к его братьям (в порядке старшинства), а если таковых не было, то наследовал старший сын. Ритуал возведения вождя в сан протекал следующим образом. У тагорора, стены которого были украшены зелеными ветками, а пол усыпан цветами, собирались все члены племени. Затем приносили хранившуюся в кожаном чехле кость вождя-предка. Один из старейшин подносил эту кость к сидевшему на покрытом шкурой камне новому вождю, который был обязан поцеловать ее. Затем эту кость клали вождю на голову, и он произносил клятву, заверял, что будет править так же мудро, как его великий предок. Старейшины и знатные воины по очереди касались своим плечом этой кости и клялись в верности вождю племени. По завершении церемонии начинались народные празднества и устраивавшееся вождем общее пиршество. В организации пиршества вождю помогали его родственники, поставлявшие

скот, ячмень и фрукты. Интересно отметить, что ритуал, сопровождавший вступление вождя в должность, практически идентичен аналогичной церемонии в традиционных африканских обществах, что зафиксировано в специальной этнографической литературе.

В летнее время вождь жил в горах, а зимой — поблизости от берега моря. При переселении вождя из одной резиденции в другую его сопровождала „знать“, и один из ее представителей нес впереди процессии символ власти *анепу* — длинную заостренную палку с набалдашником, оповещая население о приближении месяца. Жители, выходявшие встречать вождя, вставали перед ним на колени и, отерев ему ноги краем тамарко, целовали их в знак признания его власти над собой. Иногда вождю преподносились подарки: шкуры, фрукты, цветы.

Некоторые аспекты власти вождя племени ограничивались советом старейшин. Вождю номинально принадлежала вся земля. Он делил ее и раздавал членам своего племени в соответствии с их знатностью и личными заслугами. Племена нередко воевали между собой, но, когда возникала необходимость отпора внешнему врагу, все воины острова объединялись под началом вождя племени таоро, населявшего центральную часть острова, что свидетельствует о стратификации племен, их иерархизации. Когда-то во главе племени таоро стоял старший из братьев. Вслед за ним здесь правили сильные вожди.

Сабин Бертло выдвинул достаточно основательное предположение, что наименование этого племени связано с названием *тагорор*. Кстати, последнее имя выступало и в качестве топонимов. На Тенерифе тагорор — участок на юге острова у местечка Гия. Аборигенам этот участок, по-видимому, служил местом для собрания и празднеств. На Гран-Канарии подобное же название имел участок в Гальдаре, где в исследуемый период жили вожди острова [Berthelot, 1978, с. 82].

Эспиноса делит всех жителей острова на «знатных» (ачименсей), «рыцарей» (сичисикитсо) и «крестьян» [Espinosa, с. 37—38], что, по-видимому, соответствует высшей родо-племенной знати — прямым потомкам вождя племени, менее родовитым соплеменникам и рядовым общинникам. И. В. Рябикова полагает, что речь здесь идет о племенных вождях, старейшинах и рядовых общинниках [Рябикова, с 256]. Но ее интерпретации

«знатных» Эспиносы противоречит то, что племенные вожди на Тенерифе носили титул «менсей». Присутствующий же в названии их титула корень «ачи» означает сын, наследник. Старейшин на этом острове называли сигонами — совсем иначе, чем «рыцарей» хрониста.

В хронике Эспиноса приводит бытовавшую среди гуанчей легенду о том, что бог, создав людей, некоторым из них не дал скота, а велел служить имущим. Хотя эта легенда представляет собой христианскую интерпретацию взглядов островитян, однако, на наш взгляд, в ней все же могло найти определенное отражение и существовавшее на острове имущественное расслоение. Один из законов гуанчей гласил, что ачименсей, униживший себя доением козы, терял свою знатность. Этот «закон», по-видимому, сохранил черты более раннего, в сравнении с описываемым Эспиносой, этапа развития общества, когда имущественного неравенства еще не было, и свидетельство это можно интерпретировать, как одно из правил табуации разного вида деятельности для различных социальных страт общества, что вообще характерно для архаических этапов развития.

Х. Нуньес де ла Пенья сообщает нам про некоторые обычаи, «строго соблюдавшиеся» на Тенерифе. Так, сына за непослушание родителям побивали камнями. Весьма распространенным наказанием была смерть — ею карали убийство, прелюбодеяние, причем в первом случае провинившегося вешали, а во втором — хоронили заживо. Смертью карали и кражу.

В результате недостатка пастбищ на Тенерифе, а также из-за краж скота между племенами часто вспыхивали войны. Количество воинов на острове доходило до 6 тыс. Состояние войны объявлялось дымовыми сигналами и свистом. Перед сближением, будучи еще на расстоянии, воины метали друг в друга камни. Затем они раздевались и наматывали тамарку на руку с целью защиты ее от ударов. Смысл этого обычая состоял, видимо, еще и в том, что, намотав рубашку на руку, островитяне получали возможность использовать еще одно оружие. Устроено оно было следующим образом. Хорошо выделанный из камня шар обшивался кожей и закреплялся на кожаном ремне той или иной длины. Таким образом получалось оружие, напоминающее булаву или палицу, но в отличие от последних длину ремня (а тем самым и расстояние использования) можно было регулировать. В мирное время этот шар закреплялся на

одежде для утяжеления ее края [Diego Cuscoy, 1968, с. 228—229].

Женщины сопровождали на войну своих мужей, обеспечивали их пищей. В случае гибели воинов жены хоронили их в пещерах. Когда одна из сторон одолевала другую, то женщин, детей и стариков из вражеского племени победители отпускали домой. На время всеобщего праздника, устраивавшегося на Тенерифе после сбора урожая, все войны прекращались. Описание войны на острове — яркое подтверждение весьма архаического характера общества.

О социальной организации на других островах нет почти никаких сведений. Хроники упоминают лишь о некоторых племенных союзах, племенах и родах (все эти термины из-за недостатка сведений используются условно) и об именах вождей, стоявших во главе их. Известно, например, что на Гомере вождь одного из племен вплоть до конца XIV века сохранял верховную власть над всеми племенами на острове. Но после его смерти племенное объединение распалось. На Фуэртевентуре, согласно хроникам, существовали, по-видимому, два племенных союза, территории которых были разделены каменной стеной. Стена эта проходила с запада на восток. Территория племенного союза, расположенного к югу от стены, занимала полуостров Хайдия и была в несколько раз меньше территории «северного» объединения. Эти объединения находились долгое время в состоянии войны.

Число воинов на двух центральных больших островах архипелага было намного большим, чем на других островах. Зурара сообщает, что на Лансароте было 60 воинов, а на Фуэртевентуре — 80, на Гомере — 700, Пальме — 500, а на Иерро — всего 12 [Zurara, с. 194—195]. 12 воинов на последнем острове, по-видимому, составляли «личную дружину» племенного вождя. Подобные «малые дружины» при племенном вожде хорошо известны по африканским этнографическим материалам.

Степень изоляции от остального мира, удаленности от материка сказалась на темпах социального развития населения различных островов. На общественное развитие аборигенов оказала известное влияние и обеспеченность некоторых островов пастбищами и пригодными для земледелия участками земли.

Рассмотренный материал в целом дает картину общества, стоящего либо целиком на ступени первобытно-

сти, либо находящегося на первых этапах перехода от первичной ко вторичной формации. Ввиду недостаточности источников, представляется возможным сделать вывод о существовании к моменту прихода на острова европейцев зачатков социальной стратификации. Здесь сохранилось большое количество обычаев и обрядов, типичных для первобытнообщинного строя.

Обычаи, обряды и идеологические представления автохтонов. Изоляция, в которой в разные исторические периоды оказывалось коренное население архипелага, оказала немалое влияние как на обычаи и обряды аборигенов, так и на их идеологические представления. В частности, это привело к тому, что здесь вплоть до эпохи великих географических открытий сохранились многие ритуалы и верования, почти полностью исчезнувшие в средиземноморском мире, неотъемлемой частью которого всегда являлись Канарские острова.

Вот что Эспиноса сообщает в своей хронике о семейно-брачных отношениях на Тенерифе. Мужчина вступал в брак с женщиной, которая могла быть и вдовой, и отвергнутой другим. Брак заключался по обоюдному согласию, но с обязательным согласованием между женихом и родителями будущей жены. Заключение брака не сопровождалось никакими церемониями. Его расторжение было столь же легким, как и заключение. В брак нередко вступали родственники. Брачные связи были запрещены лишь между родителями и детьми, братьями и сестрами. Однако представители „знати“ могли не соблюдать последнее ограничение: поскольку они не вступали в родственные связи с выходцами из низших сословий, то при отсутствии достойной пары брат мог жениться на сестре. Это сообщение хрониста дополняет рассмотренные выше данные палеоантропологии, свидетельствующие о социальной стратификации на некоторых островах.

Женщины на острове пользовались большим уважением. Встретив женщину на дороге или в другом уединенном месте, мужчина не смел первым заговорить или даже посмотреть на нее.

Выше уже говорилось, что на Тенерифе прелюбодеяние каралось смертной казнью. Девушку, лишившуюся невинности (считалось, что в нее, по терминологии хрониста, «вселился бес» — по представлениям аборигенов, «злой дух»), изолировали от общества, но если обольститель соглашался жениться на ней, то ее отпускали

на свободу. Хотя не исключено, что в сообщении хрониста взгляды канарцев на интимные отношения претерпели известную модернизацию, в описанных суровых обычаях могла найти отражение борьба островитян с пережитками, возможно, ранее имевшей место свободы половых отношений. Нельзя не помнить при этом о своеобразии отношений между полами в архаических обществах, которые обставляют их целую сеть табуирующих правил, и некоторые непривычные (экзотичные) формы которых зачастую интерпретируются исследователями как неконтролируемая свобода половых отношений.

На Гран-Канарии невесту в течение месяца, предшествовавшего выходу ее замуж, усиленно кормили гофио, мясом и другими питательными блюдами, поили молоком. Первую брачную ночь она должна была провести с фэйканом, вождем или одним из членов совета старейшин. Как видим, это сообщение, относящееся, правда, к иному острову, нежели вышеприведенные свидетельства Эспиносы, противоречит его утверждению об отсутствии обрядовости при совершении брака. С описанным обычаем связаны архаические представления о сакральной дефлорации девушки, что, в свою очередь, свидетельствует об архаичности общества древних канарцев.

Далее хроники сообщают, что если от связи невесты с фэйканом или представителем высшей „знати“ рождался ребенок, то его автоматически причисляли к „знатному“ сословию. В дополнение к этому нет никаких данных, которые бы прояснили, как в случае совершения подобного обряда аборигены фиксировали зачатие в первую брачную ночь. Вероятно, здесь проявляется своя система, по которой только определенные супружеские пары могли претендовать на то, чтобы их первенец оказался в высшей социальной страте.

По всей видимости, на наиболее крупных островах архипелага преобладал парный брак. Однако вследствие того что между островами, а иногда и между некоторыми районами одного и того же острова контакты почти отсутствовали, на архипелаге сложились различные формы брачно-родственных отношений. На некоторых островах богатые мужчины практиковали многоженство. На Лансароте, наоборот, была распространена полиандрия, причем, по мнению некоторых хронистов, она даже была преобладающей формой брака. «Женщина

имела несколько мужей, по очереди пользовавшихся правами главы семьи. Муж считался таковым в течение одного оборота луны, а в то время как его права осуществлялись другими, он переходил на положение домашнего слуги». Возможно, что полиандрия имела место и на Гран-Канарии.

На Гомере существовал обычай гостеприимного гетеризма. Если же гость отказывался от предложенной ему женщины, то он становился смертельным врагом. По-видимому, все же не все жители острова соблюдали этот обычай, о чем свидетельствует сообщение Зуары, в котором говорится об осуждении аборигенами хозяев, не предлагавших гостю женщину. В этом обычае можно усмотреть элементы каких-то древних сакральных обрядов.

Наследование на большинстве островов шло по материнской линии. На наличие у аборигенов матрилинейности указывают многие авторы. Интересно сообщение Диего Гомеша о существовании на островах обычая платить «отступное» в случае ухода от жены. За невесту полагался выкуп скотом. Когда же мужчина возвращался к покинутой им жене, он вновь должен был платить выкуп.

Самым крупным праздником на островах было торжество по случаю окончания сбора урожая. Праздник этот отмечался, по-видимому, в августе. Непременными элементами всех празднеств были песни, танцы и «спортивные» состязания.

Канарцы отличались музыкальностью. В своей рукописи Боккаччо отмечал, что мотивы канарских песен сладостны и мелодичны, а танцы островитян напоминают французские. По мнению музыковедов, музыкальным произведениям аборигенов был присущ особый ритм, который обычно именуют темпо канарио (см., например, [Estudios; Lefranc]). Островитяне пели и танцевали под аккомпанемент маленьких барабанов и тростниковых флейт.

Из сакральных игр канарцев следует отметить состязания в беге, прыжках, метании камней, дротиков и копий. Видимо, ранее все состязания с оружием входили в цикл подготовки воинов. Одним из наиболее популярных состязаний на Фуэртевентуре были прыжки в высоту через копьё, которое поддерживали с двух сторон два человека. Островитяне достигли такой ловкости в этом виде упражнений, что могли выполнять тройной

прыжок через три расположенных параллельно копья. Нельзя также не отметить, что большинство канарцев были отличными пловцами.

Болезни на архипелаге лечили травами и ягодами. Делали также прижигания, а образовавшиеся ожоги обрабатывали козьим жиром. Широко применялась такая лечебная процедура, как кровопускание, практиковали канарцы и хирургическое лечение (знахари вырезали каменным ножом пораженные участки кожи и даже ампутировали конечности). Палеоантропологические материалы свидетельствуют о том, что им была известна трепанация черепа.

Покойников подвергали мумификации. Мужские трупы бальзамировали мужчины, женские — женщины. Х. Нуñес де ла Пенья писал, что бальзамировщики были «нечистыми» людьми и к ним относились с брезгливостью. В контакт с этой группой, жившей отдельно, основная масса общинников вступала лишь по необходимости.

Операция бальзамирования состояла в следующем. Покойников приносили в пещеру. Из их брюшной полости извлекали внутренности. Впрочем, эта операция производилась не всегда: известны случаи мумификации без изъятия внутренностей. Затем труп обмывали водой, настоенной на листьях гранатового дерева, различных травах и цветах. Такие части тела, как подмышечная впадина, пах, перепонки между пальцами, уши, нос, шея, запястья промывали дважды в день. После этого тело патирали составом, приготовленным из животного жира, истертой в порошок коры сосны и вереска, а также туфа, пропитанного соком трав. Этот же состав вливали в рот для заполнения брюшной полости.

Обработав труп таким образом, его выставляли на солнце и сушили в течение 15 дней. Для высушивания трупов использовали также и огонь. Близкие родственники приносили покойнику пищу, а специальные люди следили, чтобы тело его не разодрали животные [Nuñez de la Peña, с. 34].

Набальзамированный и высушенный труп заворачивали в мешок, сшитый из хорошо выделанных шкур. Мешок этот туго перетягивали ремнями и завязывали над головой. Одевали или, точнее, заворачивали мумию люди, принадлежавшие к «касте» бальзамировщиков.

Воинов клали в гроб, выделанный из ствола особо прочной древесины, а мумии рядовых общинников поме-

щали в пещерах прямо на шкурах. Известны случаи, когда мумии заворачивали в циновки или одевали в тамарко. Иногда мумии клали на особые деревянные подставки, служившие также и носилками, или на подстилку из травы, листьев и ветвей. В пещерах мумифицированных покойников в одних случаях укладывали в горизонтальном положении, в других — ставили на ноги, прислонив к стене. Таким образом, форм захоронений было очень много. Как осуществлялось захоронение, в частности, зависело от того, насколько „знатен“ был умерший, какое вознаграждение дали члены его семьи бальзамировщикам.

Обряды мумификации и захоронения и способ бальзамирования на Канарских островах обнаруживают некоторое сходство с описанными Геродотом приемами мумифицирования и сопутствующими ему обрядами погребения умерших в Египте. Сходство это обусловлено, по-видимому, связями или общностью происхождения этих ритуалов и приемов.

Дни гуанчи считали по Солнцу, а месяцы и годы — по Луне. Год подразделяли на четыре периода. Месяцы называли по порядковым номерам. Новый год начинался с 21 апреля. К сожалению, этим исчерпываются доступные сведения о традиционном календаре гуанчей, которые между тем очень важны для определения стадияльного уровня общества и проблемы происхождения культуры Канар. Но и приведенных свидетельств достаточно для предварительного заключения о том, что у гуанчей одновременно существовали две стадияльно различные системы календаря. В сравнительно-типологическом плане лунный календарь предшествует солнечному. Можно также предположить, что солнечный использовался в «гражданской» жизни, а лунный «обслуживал» сакральные нужды общества.

Возникновение разработанной календарной системы связано с развитием системы счета, которая отражает уровень развития абстрактных категорий и мышления в идеологической сфере. Системы счета и календарь являются важным, хотя и трудным для анализа историческим источником. На основе анализа числительных гуанчей Дж. Аберкромби высказал предположение, что первоначально у древних канарцев существовала пятиричная система счисления [Abercromby, с. 128]. Эта система счисления, как правило, присуща обществу с неолитической культурой.

Большинство хронистов отмечало монотеистический характер религии коренного населения. По словам Лас Касаса, на всех островах было распространено представление о боге — создателе всех вещей, вознаграждающем за добро и карающем за зло. На Гран-Канарии это божество называли Алькорак или Акоран (что значит хранитель мира) и поклонялись ему в специальных «храмах» (альмогаренес) или на вершинах холмов. На Tenerife бог представлялся как создатель и хранитель мира, поддерживающий небо и землю; никаких ритуалов и церемоний в честь него, как писал Эспиноса, у жителей этого острова не было. Бога своего гуанчи именovali Хранитель, Большой, Высочайший, Всемогуший и даже Вождь.

Однако предположение о монотеизме островитян опровергается характеристикой местных религиозных верований, которую дал португальский мореплаватель Кадамосто, посетивший архипелаг в 1455 году. Он называет островитян идолопоклонниками и сообщает, что они поклонялись солнцу, луне и звездам [Бизли, с. 198; Diego Gomes, с. 97]. Правда, Х. Нуньес де ла Пенья, как бы споря с Кадамосто, писал в своей хронике, что у канарцев не было идолов и что они не поклонялись ни солнцу, ни луне, ни звездам, ни камням. Однако, судя по всему, свидетельство это имело целью защитить земляков от суда инквизиции и ему в полной мере доверять нельзя, к тому же Х. Нуньес де ла Пенья жил двумя столетиями позднее путешествия Кадамосто. Археологические находки подтверждают свидетельство португальца.

Испанский археолог С. Хименес Санчес в одной из своих работ приводит длинный перечень мегалитических культовых памятников, встречающихся на архипелаге [Jiménez Sánchez, 1966]. Приведем эти находки, несколько дополнив перечень С. Хименес Санчеса другими имевшимися в нашем распоряжении материалами и группируя эти культовые памятники по их характеру.

Первую группу могут составить искусственные сооружения, естественные монолиты и другие архитектурно-образные объекты. Это святилища (*almogarenes*), устроенные в пещерах и на открытом воздухе, монолиты и созданные самой природой менгиры, небольшие башни в форме усеченного конуса. Последние, вероятно, были связаны с астральным культом и имели обычно ориентацию по странам света. На Иерро сооружения, подоб-

ные этим, но поставленные на более широкие и невысокие цилиндрические основания, служили, очевидно, алтарями для жертвоприношений. Кости, обнаруженные внутри и вблизи этих алтарей, свидетельствуют о том, что в жертву здесь приносили коз. К этой же группе культовых сооружений следует отнести стелы. Эти памятники, как и ритуальные башни, располагались среди круга из камней средней величины.

Другую группу составляют знаки на различных предметах материальной культуры и природных объектах. Это астральные знаки на стенах скалистых укрытий и на керамических изделиях и другие элементы, которыми украшали керамику: треугольный декоративный орнамент, очевидно символизирующий языки пламени, и так называемые глаза бога — символы в виде изображения двух глаз, часто сопутствующие мегалитическим сооружениям.

Сюда же, без сомнения, отнесем и вырезанные в туфе чашечные углубления, желобки, дисковидные выемки, а также изображения молодого месяца, связанные между собой желобками. Эти выемки и желобки предназначались для приношений и возлияний. Возможно, впрочем, что чашечные углубления предназначались не только для жертвенных целей. Высказывались, например, предположения, что композиции подобных углублений, обнаруженные на Кавказе и в Галисии, использовались в качестве «карт» звездного неба.

Скульптура различных типов, как монументальная, так и миниатюрная, составляет третью группу культовых памятников, выявленных на архипелаге. Монументальная скульптура представлена, по-видимому, лишь каменными фаллосами; изготовленные из обожженной глины и других мягких материалов, они могли быть и миниатюрными.

Большой интерес представляют каменные идолы. Любопытна находка, сделанная в 1944 году в местечке Лос-Касаронес (Гран-Канария). Найденный здесь идол вытесан из камня вулканического происхождения. Высота его 54 см, а ширина в основании — 39 см. С. Х. Санчес проводит параллель между этой находкой и неолитическими идолами из камня или обожженной глины, встречающимися в Восточном Средиземноморье (преимущественно в Фессалии, на Крите и других островах Эгейского бассейна, а также на Мальте и близ Альмерии (юго-восток Испании). Он высказывает так-

же предположение, что этот идол может являться изображением особо почитаемого героя или вождя.

В хронике Дж. Боккаччо, не доверяя которой у нас нет оснований, сообщается, что участники экспедиции 1341 года видели на Канарских островах храм, где отсутствовали какая-либо роспись или украшения, но находилась каменная статуя нагого, точнее, прикрытого передником человека, держащего в руке шар. Статуя эта, как сказано в рукописи, была вывезена в Лиссабон, однако о дальнейшей судьбе ее ничего не известно.

Следует упомянуть также о деревянной скульптурной группе, обнаруженной в святилище на Гран-Канарии. Она изображала обнаженную женщину, а также стоящих перед нею жертвенных животных, козла и козу. Специфическая поза этих животных позволяет с уверенностью предположить, что скульптурная группа служила культу плодородия.

Этим же целям служили различные женские статуэтки, во множестве выявленные на островах Канарской группы. Среди них можно отметить женские фигурки с разведенными ляжками; фигурки с вытянутой шеей, маленьким круглым лицом, полной грудью и большим животом; идолы-пластинки из глины с женской грудью, типологически близкие средиземноморским гитаровидным женским изображениям, распространенным от Эгейского региона до испанского Леванта; статуэтки без признаков пола с длинной шеей, толстыми руками и ногами.

К этой же группе культовых предметов относится мелкая пластика, изображающая животных и птиц, так называемые *tibisenas*. По свидетельству хронистов, эти фигурки олицетворяли силы зла, злых духов, демонов ночи. Они могли иметь вид собаки, борова, бычка, индюшки, курицы и других животных и птиц. Однако с интерпретацией хронистов трудно согласиться. Среди перечисленных изображений упоминаются и особи, явно отсутствовавшие на островах до начала их колонизации, а следовательно, речь идет об идеологических представлениях автохтонов в период европейского завоевания. Такой интерпретации противоречит и присутствие в перечне собаки и борова, игравших значительную роль в священных обрядах древних канарцев. По-видимому, все же эти фигурки были персонажами культа плодородия, широко, надо полагать, распространенного на Канарах до прихода европейцев. Сам перечень животных,

образы которых воплощались в мелкой пластике, имевшей безусловно сакральное употребление, в свете уже известных нам факторов канарской культуры, без сомнения, репрезентирует не негативный, а позитивный сегмент идеологических представлений аборигенов. Действительно, и сфера плодородия и репродукции, и идея противопоставления освоенного, домашнего пространства дикому составляют область положительной заинтересованности людей. Становится понятным, что христианские, миссионерские установки хронистов явились причиной, по которой местные культовые святыни (в нашем случае сакрализованные животные) были перемещены в негативную сферу идеологических представлений и интерпретированы как духи зла и ночи.

Среди мелкой пластики немногочисленны находки фигурок животных или птиц, которым придавались некоторые человеческие черты (например, ворон с получеловечьей головой). Начало антропоморфизации животного сакрального образа свидетельствует о наступлении следующего этапа в системе мировоззрения канарцев.

Перечисленные культовые сооружения и предметы позволяют полнее представить идеологические воззрения островитян.

Среди мегалитических памятников были названы каменные и глиняные фаллосы. Практически повсеместное распространение фаллической символики, а в некоторых случаях и специализированного фаллического культа отражает важность для архаического общества представлений, связанных с репродукцией и плодородием в целом. Если в специализированном культе акцент делается преимущественно на мир людей (плодородие человека), то в представлениях более абстрактного уровня речь идет об изобилии и плодородии всего живого. В символическом смысле фаллические памятники особенно тесно связаны с идеей вертикали, имеющей всеобщее (часто космологическое) значение в культурной символике. Мировое дерево — наиболее полное выражение всех смыслов вертикали. По этому признаку фаллические сооружения и мировое дерево имеют общую зону в семантическом поле культурной символики. Приведем некоторые факты, касающиеся в основном символики мирового дерева, в частности одного из его вариантов, древа жизни, и свидетельствующие, на наш взгляд, об общности идеологических представлений и обычаев

древних канарцев и других народов, проживающих в Средиземноморье.

Хронистами описан обряд вызывания дождя на Тенерифе. Он заключался в следующем: к воткнутому в землю шесту, олицетворяющему, очевидно, древо жизни, сгонялся разъяренный тем или иным способом скот, который своим бляением должен был вымолить дождь. Аналогичное значение палки, воткнутой в землю, не менее ярко выступает и в эпизоде из жизни североафриканского народа насамонов, описанном Геродотом в «Ливийском логосе»: «Народ сей ловит также саранчу, которую высушивает на солнце, мелет и потом, насыпавши в молоко, вместе с ним пьет ее. Жен обычно каждый имеет многих, и с ними может жить всякий, подобно массагетам, они втыкают перед входом палку, а затем совокупаются». Интересно отметить, что у аборигенов Канар имелись и другие частично сходные с насамонами обычаи. Так, канарцы приготавливали одно из своих блюд — гофио, размалывая поджаренные зерна и смешивая их затем с молоком. Известное сходство прослеживается и в отношениях между полами.

Сходная символика воткнутого в землю шеста, связывающая идею вертикали с идеей репродукции и плодородия, характерна и для ряда других близлежащих регионов и в более позднее время. Так, у народов Пиренейского полуострова неизменным элементом весенних праздников было «майское дерево», представлявшее собой шест. Во время его водружения «девушки поют песни, эротическое содержание которых достаточно прозрачно и входит в общий смысл празднества, — усиление природных сил плодородия» [Серов, с. 65]. Мировое дерево занимало значительное место в культах и символике древних. Этот символ широко использовался и позднее — в Иванов день и на рождество, т. е. в особо почитаемые дни солнцеворотов, — в праздники уже вполне христианские, но языческие по происхождению.

Важно подчеркнуть, что в культах дерева, камня и фаллическом культе присутствует общее семантическое начало, связанное с идеей плодородия. Этнографическими материалами хорошо подтверждается связь фаллических представлений с солнцем, луной и водной стихией.

Имеющиеся данные не позволяют выявить связи между распространенными на Канарском архипелаге фаллическими символами и источниками воды, но ти-

пологически эта связь вполне закономерна. Связь же источников воды с культовыми камнями, испещренными мегалитическими петроглифами, прослеживается довольно четко.

О назначении и символике петроглифов можно строить лишь более или менее вероятные предположения. Некоторый свет на возникающие в этой области вопросы проливают сведения, донесенные до нас хронистами, а также археологические исследования.

Так, Л. Диего Куской, изучивший петроглифы на острове Пальма, высказывает вслед за Мартинес Санта-Олалья мнение, что канарские петроглифы были тесно связаны с культом плодородия и посвящены богине источников и воды. В одном из изображений, где сочетаются меандры, «лабиринты» и большие спирали, он предлагает видеть план дорожек, ведущих к источнику воды [Diego Cuscoy, 1955, с. 90, 92, 96—97]. Однако более правдоподобным представляется, что это не план, а комплекс символов, связанных с водой, где спираль означает источник воды. Волнистые линии и меандры чаще всего символизировали воду. «Лабиринт», возможно, означал водопой. При такой трактовке весь комплекс символов складывается в логическую цепочку: источник, водопой, растекающиеся ручейки.

Впрочем, это лишь одна из возможных интерпретаций. На широком типологически однородном материале для спирали, например, выявляется ведущее значение, связанное с соляными представлениями. Мотив лабиринта — еще более «отдален» от воды: он повсеместно связан как с соляной стороной представлений, так и с комплексом идей о пути в иные, «нечеловеческие» миры — в нижний и верхний.

Следует отметить, что знаки, напоминающие лабиринт, широко распространены и за пределами Атлантики — в Средиземноморье, Африке, они встречаются в Месопотамии и среди петроглифов Британских островов, на скалах Карелии и в Забайкалье, что подчеркивает значение подобных символов в идеологических представлениях древних народов.

Концентрические круги, найденные, в частности, на Пальме около Фуэнте-де-ла-Сарса (Гарафия), связаны с соляными представлениями. Одного из богов, которым поклонялись аборигены этого острова, звали Абора, что в буквальном переводе означает «свет». Обитал он где-то в небесах и приводил в движение звезды. Аб-

реу Галиндо и Марин-и-Кубас, историки XVII века, в своих свидетельствах отмечали, что в каждом из двенадцати районов острова в определенные дни (Марин-и-Кубас считал, что эти дни были посвящены культу Луны) жители собирались вокруг пирамид, сложенных из камней, испещренных мегалитическими петроглифами, и исполняли здесь ритуальные танцы, пели религиозные гимны, проводили «спортивные» игры, а также съедали принесенных в жертву животных [Hernández, 103]. В некоторых атлантических (включая галисийские и канарские) петроглифах можно видеть символическое изображение восходящего солнца, представлены и другие сюжеты, связанные с астральными представлениями. Вышесказанное повышает вероятность засвидетельствованного письменными источниками распространения среди аборигенов Канар обрядов, посвященных источникам света и воды.

Определенное распространение на архипелаге получил культ скал. По свидетельству хронистов, почти на каждом острове существовали скалы, которым поклонялись, и холмы, на которых совершали обряды в честь богов.

Для некоторых островов засвидетельствовано существование разнополых божеств. На Иерро, например, почитали Эраоранхана, покровителя мужчин, и Морейбу, заботившуюся о женщинах. Эти божества, по представлениям островитян, жили на вершинах двух скал, расположенных в районе Бентайга. Жители острова собирались около этих скал для совершения обрядов в честь Эраоранхана и Морейбы, предварительно разделившись по половому признаку. С. Бертло высказал предположение, что мужское божество олицетворяло дневной свет (Солнце), а женское — Луну [Berthelot, 1978, с. 115].

Интересно, что двум разнополым божествам поклонялись, по мнению Л. Диего Кускоя, также и на Тенерифе. Мужское божество Солнца жители острова называли Махек (название божества Луны в хрониках не приводится). Ученый предлагает все названия бога (или богов), существовавшие у гуанчей, разделить по их значению на две группы. К первой относятся названия мужского божества, ко второй — женского [Diego Cuscoy, 1968, с. 115—116].

На островах практиковались жертвоприношения. В жертву богам приносили скот (прежде всего внутрен-

ности животных). На Пальме сердце, печень и легкие козы возлагали к подножию скалы Идафе, представляющей отвесно возвышающийся каменный столб. На других островах жертвенник обливался молоком или топленным жиром. Молоко для этих целей брали от особых священных коз.

Известны также случаи человеческих жертвоприношений, которые состояли в том, что юноши-воины бросались вниз с отвесной скалы. Правда, хронисты расходятся во мнении о том, в каких случаях совершались эти самоубийства: при коронации вождя, в случае его смерти или в качестве умиловляющей жертвы при стихийном бедствии. Возможно, что все перечисленные случаи были поводом для человеческих жертвоприношений. Весьма своеобразный характер носило жертвоприношение, совершавшееся в случае смерти вождя. Внутренности умершего извлекали и помещали в коробку, сплетенную из пальмовых веток. С этой коробкой юноша вскарабкивался на отвесную скалу и, принося себя в жертву, бросался в воду вместе с коробкой, криками прославляя вождя.

На Гран-Канарии религиозными церемониями руководил *файкан*. Активное участие в них принимали жрицы — *аримагуады*. Они обитали в специальных пещерах в священных горах, существуя на подавания жителей острова. Одной из их ежедневных обязанностей было осуществление возлияний в храмах в честь богов. Существовали жрицы и на Фуэртевентуре. Они пользовались большим влиянием среди населения, предсказывали островитянам их будущее, улаживали разногласия.

На Тенерифе существовал обряд, напоминающий обряд крещения у христиан. Исполняли его жрицы-девушечки. Они обливали младенца водой и давали ему имя. Жрица, выполнившая этот обряд, как бы становилась родственницей отцу ребенка. «Крещение» на Канарах имеет, по-видимому, сравнительно позднее происхождение и возникло под влиянием деятельности христианских миссионеров. Возможно, и хронисты, описывая этот обряд, усилили в нем то, что было характерно и для христианской обрядности.

Следует напомнить, что со времени «открытия» островов до их завоевания прошло почти два столетия. Однако число обращенных в христианство среди канарцев к моменту полного захвата архипелага, по данным хронистов, видимо, сильно преувеличено. Так, Диего Гомеш

утверждал, что около половины жителей Гран-Канарий и Гомеры к середине XV века было уже христианизовано, что вряд ли соответствовало истине.

Археологические работы на Гран-Канарии выявили наличие на острове архитектурных комплексов, сакральный характер которых более всего вероятен. Площадь, занимаемая этими ритуальными ансамблями, значительна и достигает 2—3 тысяч кв. м. Один из комплексов, расположенный на плато Ломо-де-лос-Ритос, состоит из стены своеобразной конфигурации (в плане напоминающей русскую букву «З»), нескольких каменных плит и трех башенок в некотором отдалении от основного сооружения. Высота этих башенок не превышает одного метра, они ориентированы на восток и имеют форму усеченного конуса. К одной из них ведет дорожка, выложенная из крупных и средних камней. Можно предположить, что комплекс на Ломо-де-лос-Ритос имел астральный характер. Впрочем, это могла быть лишь одна из функций всего комплекса.

Одним из проявлений идеологических представлений канарцев была магия. В случае стихийных бедствий, и прежде всего засухи, островитяне стремились умиливать богов, которые, как они считали, управляли силами природы. Хроники донесли до нас описание магического обряда вызывания дождя на некоторых островах Канарской группы. Выше уже говорилось о том, как его отправляли на Тенерифе. Чтобы усилить блеяние животных, которые должны были тем самым «выпросить» дождь у божества, гуанчи отделяли молодняк от самок и не давали овцам корма.

На Иерро в засуху организовывалось шествие к двум скалам в районе Бентайга, причем колонна мужчин шла отдельно от женщин. Несколько островитян предварительно доводили себя голоданием до экстаза, а во время шествия выкрикивали исступленные мольбы богам. Если же небо оставалось глухим к просьбам людей, то старейшина направлялся к пещере, в которой содержалось ритуальное животное (мелкопородный боров), специально предназначенное для этих церемоний. Старейшина брал борова на руки и возвращался в селение, где его ждала восторженная встреча. Затем борова выпускали на волю и он гулял на свободе до того момента, когда начинал идти дождь. После этого животное вновь отлавливали и прятали в священной пещере до наступления засухи.

На Гран-Канарии в случае длительного отсутствия дождя аборигены по приказу фэйкана направлялись к холмам Тирма (в Гальдаре) или Умайя (в Тельде), неся в руках ветви деревьев или пальмовые листья. Процессию возглавляли аримагуады. На вершине холмов островитяне после определенных церемоний разбивали сосуды с молоком и животным жиром. Затем жители исполняли ритуальные танцы и песни. В заключение процессия направлялась к океану. На берегу часть островитян начинали стегать воду ветками, а остальные сопровождали эту манипуляцию криками и стенаниями.

Из сказанного видно, что обряды, практиковавшиеся на островах, различны, но по своей сути отражают единую систему представлений. Думается, что сходные черты обусловлены «общим» средиземноморским происхождением жителей отдельных островов Канарского архипелага. Различия же свидетельствуют о длительной изоляции разных групп аборигенов друг от друга.

По свидетельству Эспиносы, жители Тенерифе имели представление об аде. Они располагали его внутри вулкана Тейде и называли Эчейде. В аду, по их мнению, обитал дьявол Гуайота, раздувавший огонь, извергавшийся вследствие этого через жерло вулкана. Однако такие представления, безусловно, являлись христианской интерпретацией мифа об огне, о природных разрушающих силах, наводивших ужас на аборигенов. Не следует забывать о том, что Эспиноса посетил Тенерифе лишь сто лет спустя после завоевания острова.

О вере аборигенов в загробный мир свидетельствует погребальный инвентарь, сопровождавший умерших. В него входили разнообразные орудия труда и даже материал для их изготовления, а также пища, утварь, украшения.

Еще одной из форм идеологических представлений и верований был культ предков. В ритуале введения вождя в должность гуанчи использовали кость умершего его предшественника. Культ предков был тесно связан с культом скал, которые, по-видимому, были как-то символически связаны с основателями родов. Канарцы стремились войти в контакт со своими умершими предками, истолковывая сны, приснившиеся на их могилах. Подобный же обычай существовал у некоторых народов Средиземноморья.

Итак, можно заключить, что в религиозных представлениях канарцев в XV веке присутствовал моноте-

истический элемент, хотя его и не следует преувеличивать. Миссионеры могли привнести его на острова еще задолго до того момента, когда он был описан тем или иным хронистом. Некоторые религиозные верования и обряды были неверно истолкованы хронистами, интерпретированы ими в свете своих религиозных представлений. Главную роль в верованиях островитян играли мегалитические культы. Канарцы поклонялись небесным телам и созданным самой природой мегалитам, а также высеченным из камня идолам и петроглифическим знакам, символика которых была тесно связана с астральными культурами и культом плодородия.

Разве я ненароком иду покорять Испанию? Есть ли у меня птицы [корабли], которые меня туда доставят? Я ли алчу женщин той земли, богатств, которые там имеются?.. Чего же хотят от меня, почему меня преследуют? Какие сокровища у меня находят, какое серебро, какое золото?

Лопе де Вега

Глава VI

ЗАХВАТ КАНАРСКИХ ОСТРОВОВ И КОЛОНИАЛЬНОЕ ПОРАБОЩЕНИЕ ИХ АБОРИГЕНОВ

Средневековые открытия архипелага. В дошедших до нас письменных источниках последнего этапа древнейшей истории и начала средневековья нет никаких сведений о Канарских островах. Были ли они забыты в этот период, или мореходы Северо-Западной Африки и Юго-Западной Европы знали об их существовании — сказать трудно. По-видимому, все-таки знали.

В начале VIII века, когда арабы завоевывают территорию Марокко и Пиренейского полуострова, или несколько позднее Канарский архипелаг был им уже известен.

Одним из первых арабов, упомянувших в своем литературном труде об островах, относительно которых можно предположить, что это Канары, был ал-Хорезми, живший в первой половине IX века. Его перу принадлежит труд «Китаб сурат ал-ард» — первый оригинальный трактат по математической географии, включающий сведения обо всем известном тогда арабам мире. Помещенная в этой работе таблица «Острова, которые находятся в Западном Внешнем море» содержит данные (площадь, географические координаты) о 13 островах. Для шести из этих островов указываются и названия: Финтуварийа, Канарийа, Хара, Касафарийа, Фалувитала, Рафаситус. Координаты первого острова 3° д. и 7°30' с. ш., последнего — 8°20' д. и 16°20' с. ш. Все остальные острова почти не выходят за пределы очерченного выше ареала [Арабские источники, 1960, с. 287—288]*.

* См. также с. 308, где в таблице «Острова во Внешнем Западном море...», составленной Сухрабом (Ибн Серапионом), жившим в первой половине X века, повторены названия островов из текста ал-Хорезми.

Это сочинение ал-Хорезми в значительной степени является переработкой «Руководства по географии» Клавдия Птолемея. Отмечаемые в «Руководстве» острова Блаженных лежат в близком к указанному интервале широт: от $10^{\circ}30'$ до 16° .

Сказанное выше, конечно, не дает основания утверждать, что Канарские острова не были известны арабам ранее.

В работах некоторых арабских географов конца IX—первой половины XII века (ал-Баттани, ал-Бируни, ал-Идриси) говорится об островах Счастливых (Джазā'иру ас-Су'адā') или о Вечных островах — «Джазā'иру-л-Хāлидāt». Под ними, вне всякого сомнения, подразумеваются Канарские острова, хотя неизвестно, из какого источника они почерпнули свои познания об архипелаге. По мнению некоторых советских ученых, «сведения арабских географов об этих островах были заимствованы из греческой географической науки и едва ли основываются на реальном знакомстве» [Арабские источники, 1965, с. 390].

Любопытно свидетельство ал-Баттани (852 или 858—929 гг.). Он сообщает, что в Западном океане расположены шесть обитаемых Вечных островов. Если сведения о Канарах были заимствованы ал-Баттани из античных источников, то тогда должен быть сделан вывод о том, что уже на рубеже нашей эры они были заселены. Если же отвергнуть предположение о заимствовании, то нужно будет допустить, что арабские мореходы в IX веке доплывали до Канарских островов.

Сообщение ал-Идриси (1100—1165) дает еще больше оснований говорить о том, что архипелаг был известен арабам. В своем главном труде «Развлечение истомленного в странствии по областям» он дважды упоминает о Вечных островах. В «Первой части первого климата» он указывает, что имеются два острова и «что на каждом из этих двух островов есть истукан, сделанный из камня. Длина каждого истукана составляет сто локтей*. На каждом истукане стоит медная статуя, указывающая рукой назад» [Арабские источники, 1965, с. 282]. В «Первой части второго климата» ал-Идриси сообщает: «...остров Масфахан и Лагус. Они принадлежат к тем шести островам, о которых рассказ был ра-

* Локоть — наиболее распространенная в халифате мера длины, различные варианты которой имели разную величину — от 39,8 см до 145,63 см.

нее и которые называются Вечными. Птолемей помещает там первый меридиан и от этих островов начинает отсчет долгот и широт стран. Этих двух островов достиг Зу-л-Карнейн, то есть Александр, и оттуда возвратился. Что касается острова Масфахан, то автор „Китāб ал-'аджā'иб“ рассказывает, что в центре его есть круглая гора, а на ней красный идол... Абу Кариб ал-Химийари воздвиг там этого идола, чтобы он указывал направляющимся в эту страну мореплавателям, извещая их о том, что [далее] за ним нет ни пути, по которому можно было бы отправиться, ни места, на котором можно было бы высадиться. [Автор „Китāб ал-'аджā'иб“ рассказывает] также, что на острове Лагус, о котором уже была речь, есть надежно построенный идол, к вершине которого подняться невозможно. Говорят, что построивший его Тубба' Зū-л-Марāсид умер на этом острове...» [Арабские источники, 1965, с. 309].

По мнению ученых, подготовивших процитированный выше отрывок к публикации, Масфахāн и Лагūs, скорее всего, соответствуют островам Тенерифе и Гран-Канария [Арабские источники, 1965, с. 408, 413].

Есть среди арабской географической литературы и другие источники, позволяющие предполагать, что арабские мореходы доплывали до Канарских островов. Согласно арабской традиции, в 999 году острова посетил арабский мореплаватель Бен-Фарук. На Гран-Канарии, в Гандо, поблизости от которого бросили якорь арабские путешественники, их встретили «соотечественники, жившие в добром согласии с населением Канарских островов» [Гаудио, 1958а, с. 94]. Сообщение об этом содержится в манускрипте арабского историка из Кордовы Ибн ал-Кутийя. Оно предоставляет доказательства присутствия арабов на некоторых островах архипелага.

Другое письменное свидетельство об архипелаге содержится в сообщении ал-Идриси о плавании арабских «смельчаков» из Лиссабона с целью исследования океана и установления его пределов. Путешественники были взяты в плен аборигенами острова, на котором они высадились. Путешествие может быть приблизительно датировано первой половиной XII века, во всяком случае, оно было предпринято не позднее этого времени. Факт прибытия мореходов после 35-дневного плавания на один из Канарских островов подтверждают ряд указываемых в сообщении деталей: маршрут и продолжительность путешествия, а также нахождение обнаруженного остро-

ва в трех днях пути от марокканского порта Сафи. Не представляется удивительным и то, что среди островитян был человек, умевший говорить по-арабски и выполнявший функции переводчика. Сабин Бертло высказал предположение, что арабы попали в плен к жителям одного из восточных островов архипелага — Лансароте или Фуэртевентура [Berthelot, 1978, с. 20]. Вопрос о пребывании арабов на островах еще недостаточно изучен. Имеющиеся свидетельства арабских географов и путешественников пока не подтверждены археологическими материалами. Сами же источники достаточно противоречивы.

Некоторые ученые оспаривают факт открытия арабскими мореходами Канарского архипелага. Так, английский географ Ч. Р. Бизли пишет, что «Канарские острова... были вновь открыты не арабами, а итальянцем Малочелло в 1270 г.» [Бизли, с. 28—29]. Хотя имеющиеся материалы и не дают оснований с уверенностью говорить о присутствии арабов на островах, но уже то, что в их письменных источниках фигурируют Канары, а также высокий уровень развития арабского мореплавания позволяет предположить, что на рубеже I—II тысячелетий н. э. Канарский архипелаг был им известен. Не исключено, что уже в VIII веке, когда арабы проникли в глубь марокканской территории, а затем переправились через Гибралтарский пролив, они могли узнать от местного населения о Канарских островах, маршрут к которым был ему, по-видимому, издавна известен. Жители юга Пиренейского полуострова, как и североатлантического побережья Африки, нередко рыбачили в прилегающей к Канарам акватории.

Мореплаватели средневековой Европы впервые познакомились с Канарским архипелагом, по-видимому, в конце XIII века. В 1291 году эти острова могли увидеть братья Вивальди из Генуи. В поисках пути в Индию они проплыли несколько южнее Канарских островов. Некоторые исследователи полагают, что название одного из кораблей Вивальди сохранено в названии островка Алегранса.

Одна из первых экспедиций на Канарские острова была организована генуэзским торговцем Лансеротом из дома Марочелли. Ученые датируют эту экспедицию по-разному — от 1270 до 1339 года. Большинство исследователей полагают, что плавание Лансерота имело место не ранее 1310 года. Р. Хенниг высказал предположе-

ние, что эта экспедиция (она относится к 1312 году) посетила лишь два восточных острова Канарской группы — Фуэртевентуру и Лансароте.

Первым документом, свидетельствующим об открытии европейцами почти всех островов архипелага, является рукопись Боккаччо. В ней повествуется об экспедиции на Канарские острова, совершенной в 1341 году. Материал рукописи основывается на рассказе ее участника Никколозо де Рекко, записанном флорентийскими купцами в Севилье. Запись эта была отправлена во Флоренцию 14 ноября 1341 года. Экспедиция была снаряжена по приказу португальского короля Альфонса IV Смелого, хотя среди ее участников португальцев, возможно, и не было. Как свидетельствует источник, на трех кораблях, входивших в состав экспедиции, плыли флорентийцы и генуэзцы, а также кастильцы и другие испанцы. В. М. Годинхо полагает, что под прочими испанцами подразумевались каталонцы. Р. Хенниг, характеризуя состав экспедиции, пишет, что «матросами, а главные офицерами были преимущественно итальянцы, к которым присоединились несколько испанцев; как это ни странно, среди моряков не было ни одного португальца» [Хенниг, т. 3, с. 244]. Правда, в работе Ч. Р. Бизли говорится, что «команды... были набраны из португальцев и „других испанцев“, а также немногих итальянцев» [Бизли, с. 88]. Не исключено, что столь большой разницей в сообщениях о составе экспедиции обусловлен соображениями, весьма далекими от науки, и отражает претензии ряда стран на приоритет в открытии Канар. Напомним, что командовал экспедицией флорентиец Ангелино де Теггиа де Корбицци, а главным кормчим был упомянутый Никколозо де Рекко из Генуи.

Экспедиция 1341 года привезла на Пиренейский полуостров многочисленные товары: козьи шкуры, сало, рыбий жир, тюленьи шкуры, различные красящие вещества и т. д. Целью экспедиции были не только торговые операции с островитянами, но и подчинение островов и создание на них опорных пунктов. Для этого корабли везли лошадей, оружие и различные военные машины. Несколько аборигенов были захвачены в плен и доставлены в Испанию. Экспедиция посетила тринадцать островов, лишь пять из которых были обитаемы.

Открытие, совершенное мореплавателями в 1341 году, сразу же привлекло большое внимание. Уже весной следующего года с острова Мальорка были организова-

ны две экспедиции к Канарским островам. Вскоре архипелаг становится объектом колониальных захватов.

В 1344 году папа Клементий VI буллой от 15 ноября пожаловал Канарские острова графу Кларамонскому дону Луису де ла Серда (именуемому часто Луисом Испанским), правнуку испанского короля Альфонса X (Мудрого). Через две недели в Авиньоне Луис Испанский дал папе письменное обязательство уплачивать ежегодно за пожалованные ему острова Фортунии 400 монет флорентийского веса из чистого золота. В обязательстве были перечислены следующие острова: Канария, Нингария, Плювиария, Капрария, Юнония, Эмброней, Атлантия, Геспериды, Цернент, Горгониды и Галета [Raynaldus, с. 211]. Как видно из этого перечня, в основном были использованы названия, данные островам различными античными авторами, что свидетельствует, на наш взгляд, о крайне слабой изученности архипелага в это время. Но дон Луис де ла Серда погиб в августе 1346 года в одном из крупнейших сражений Столетней войны — битве при Креси, так и не вступив во владение своим леном.

Упомянутая папская булла вызвала отрицательную реакцию португальского двора. В письме папе от 12 февраля 1345 г. король Альфонс IV выразил свой протест против этого решения, хотя и заверил папу, что будет считаться с его волей. Свой протест он обосновал тремя аргументами, первый из них носил географический характер, а второй и третий — исторический. В географическом аргументе подчеркивалось, что Португалия расположена к Канарским островам ближе, чем любая другая христианская страна. В одном из исторических аргументов отмечался приоритет Португалии в открытии Канар, в другом — приоритет в их завоевании. На деле же достаточно обоснованным был лишь первый аргумент, второй же и третий были надуманными. В письме кроме прочего говорилось, что подданные Португальского королевства вывезли однажды с островов людей, животных и различные ценности. Речь, по-видимому, шла об экспедиции 1341 года.

Во второй половине XIV века на архипелаг организуются многочисленные экспедиции из различных районов юго-западной Европы с целью грабежа и колонизации его островов. Во время пиратских набегов было захвачено большое число аборигенов. Плавали сюда и охотиться, прежде всего на тюленей, и торговать. Особо

следует выделить экспедиции, организованные каталонцами, жителями Мальорки. Д. Вельфель документально доказал, что между Мальоркой и Канарскими островами с 1344 года вплоть до середины XV века поддерживалась постоянная связь [Хенниг, т. 3, с. 253]).

В этот период колонизации главное внимание уделялось вывозу невольников, что было весьма характерно для первых столетий колониальной экспансии в Африке. В XV веке колониальная политика по отношению к Канарам стала изменяться, и акцент ее сместился в сторону земельных захватов и ограбления населения. Напомним, что эта форма колониализма получила особенно широкое распространение в Новом Свете и странах Азии.

Захваченных и увезенных в Испанию аборигенов Канарских островов, в частности, предполагалось использовать в дальнейшем в качестве переводчиков при общении с их соотечественниками. Так испанцы намеревались поступить с теми коренными жителями Гран-Канарии, которые находились в 1351 году на острове Мальорка. Канарцы должны были оказать помощь миссионерам в их прозелитической деятельности на архипелаге. В конце 80-х годов XIV века король Кастилии по поручению папы Урбана VI направил на архипелаг в качестве миссионеров 13 монахов. Этим было положено начало насаждения здесь христианства.

«Тринадцать братьев-христиан» были аборигенами казнены. Доподлинно причины этого факта неизвестны. Ч. Р. Бизли писал, что туземцы будто бы обнаружили, что монахи пишут домой послания, в которых умоляют о спасении, а казнены они были только затем, «чтобы положить конец этим проискаам» [Бизли, с. 90—91]. Далее английский ученый-географ тесно связывает описанные события с выходом 1 мая 1402 года из французского порта Ла-Рошель, куда будто бы дошли то ли просьбы христиан о помощи, то ли сведения об их казни, а также известия о других путешествиях на Канары, судна, которым командовал Жан де Бетанкур, будущий завоеватель части Канарских островов. Нет сомнений, что истинные мотивы этого предприятия — не отомстить за «безвинно погибших» миссионеров или прийти им на помощь, но стремление к грабежу, порабощению островитян и захвату новых земель.

История завоевания. Сложившаяся к началу XV века социально-экономическая обстановка в государствах

юго-западной Европы создала благоприятные условия для захвата колоний, в том числе Канарских островов. Тем не менее колонизация этого архипелага растянулась еще почти на столетие — она продолжалась с 1402 вплоть до 1496 года. Колониальная экспансия государств Пиренейского полуострова была на ранней своей стадии тесно связана с реконкистой. К середине XIII века в ходе реконкисты арабы были изгнаны с большей части территории Пиренейского полуострова, однако основная масса крестьянства (к тому времени уже лично свободного) и многочисленное мелкое и среднее дворянство (идальго) оставались без земли. Крупные феодалы обогащались в течение многовековой борьбы с маврами за счет завоевания новых земель. Все это создало предпосылки для «колониационного выхода» реконкисты за пределы Пиренейского полуострова. Экономика Испании и Португалии не отличалась высоким развитием, однако отмеченные выше обстоятельства, а также выгодное географическое положение этих стран обусловили их ведущую роль в эпоху великих географических открытий.

Испанская колониальная экспансия началась с завоевания Канарских островов, причем первыми в 1403—1405 годы были захвачены острова Лансароте, Фуэртевентура и Иерро, наиболее ослабленные и опустошенные пиратскими набегами конца XIV века.

К. Маркс, характеризуя испанскую колониальную экспансию в Америке, отмечал, что «разбой и грабеж — единственная цель испанских искателей приключений...» [Маркс, Хронологические выписки, с. 100]. Эти слова могут быть полностью отнесены и к испанскому завоеванию Канарских островов. Отсутствие на этом архипелаге драгоценных металлов компенсировалось наличием здесь других природных богатств. Королева Изабелла в своем распоряжении от 13 мая 1478 года о снаряжении экспедиции с целью завоевания «неверных» островов Канарской группы, и прежде всего Гран-Канарии, указывает на необходимость поскорее собрать растущий на островах в диком виде лишайник орсель, чтобы никто другой не сделал этого ранее [Navarrete, с. 450—451].

Анализ испанской колониальной политики, первым актом которой явился захват Канарского архипелага, показывает полную несостоятельность выдвигаемых некоторыми буржуазными историками аргументов в оп-

равдание осуществленных завоеваний. Рей Бетанкур Эстрелья, исследовавший проблему генезиса испанского колониализма, отмечает, что «чрезвычайно ясно видны истинные намерения испанского колониализма, в которых никогда не было „альтруистического“ рвения принести „веру“ и „культуру“ аборигенам или задачи поставить страну на „пути развития“ того времени. Поэтому следует говорить не о „транскультурации“, а о геноциде» [Бетанкур Эстрелья, с. 3].

Идею о том, что аборигены Канар не стали жертвою геноцида, а быстро ассимилировали с пришлым населением, высказал, в частности, Д. Вельфель. Его последователей, выступающих против утверждений, будто бесправие и жестокость при колониальных захватах были в порядке вещей, можно встретить и сегодня. Однако сколько бы ни находили в архивах доказательств мирного сосуществования конкистадоров с колонизируемыми народами, в том числе применительно и к Канарам, правдивая история завоеваний свидетельствует о противном.

Краткая история покорения Канарских островов такова.

На первом этапе завоеванием архипелага руководили французские рыцари Жан де Бетанкур и Гадифер де ла Саль, состоявшие на службе у короля Кастилии. В июле 1402 года они, воспользовавшись призывом миссионеров о помощи, высадились с командой из 53 моряков, набранных в Нормандии, Гаскони, Пуату и Анжу, на Лансароте. Их сопровождали три привезенных из Франции канарца, которые выполняли функции переводчиков. Через некоторое время Бетанкур заключил с правителем острова договор о мире и дружбе. Прибывшие соорудили на острове крепость, получившую название Рубикон. Поняв, что без дополнительного подкрепления завоевать острова не удастся, Бетанкур, оставив в крепости часть команды, возвратился в Испанию, где принес феодальную присягу королю Кастилии и Леона Энрике III. Король отдал ему «Канарские острова в лен, пожаловав одновременно $\frac{1}{5}$ доходов с островов, а также право чеканки на Канарах собственной монеты. Кроме того, Бетанкур получил деньги (20 тыс. мараведи*) и корабль с 80 воинами и припасами» [Рябикова, с. 250].

* Мараведи — испанская монета, бывшая в обращении с XII по XIX век. Вначале она чеканилась из золота, с XV века — из

В отсутствие Бетанкура оставшиеся в крепости солдаты захватили в плен более 20 аборигенов, которые затем были проданы в рабство. В ответ на это островитяне убили нескольких конкистадоров. Благодаря предательству одного из коренных жителей европейцам удалось захватить правителя острова. Между конкистадорами и аборигенами начались военные действия, в результате которых почти все мужчины острова были убиты. 80 женщин и детей, а также правитель острова были крещены.

Та же участь постигла и аборигенов Фуэртевентуры. Островитяне оказали упорное сопротивление захватчикам, однако к 1405 году оно было сломлено, а в январе этого года были насильно обращены в христианство оба правивших на острове вождя.

При завоевании Иерро конкистадорам удалось хитростью заманить на корабли вождя острова и его приближенных. Все они были проданы в рабство. Значительная часть остального населения, оказавшего стойкое сопротивление захватчикам, была перебита.

Попытки Бетанкура захватить другие острова архипелага окончились неудачей. В 1406 году на Канарах было учреждено епископство, названное Рубиконским.

Перед отъездом в Нормандию Жан де Бетанкур назначил своего племянника Масиота губернатором покоренных островов. Но в 1418 году Масиот де Бетанкур продал свое право на управление островами другому сеньору. С этого времени управление архипелагом неоднократно переходило из рук в руки. В 1448 году право на управление приобрел дон Энрике де Португаль, а в 1455 году — Диего де Эррера, также португалец. По существу, вместе с этим правом приобреталось также право на грабеж аборигенов и захват еще не колонизированных островов. В 1477 году право на контроль над архипелагом перешло от Диего де Эрреры непосредственно к королеве Изабелле, после чего королевская власть приступила к завоеванию оставшихся непокоренными островов.

На протяжении всего периода колонизации Канарского архипелага его острова периодически подвергались пиратским набегам, основной целью которых был

низкопробного серебра, а с XVI века — только из меди. Начиная с последней четверти XV века один испанский реал содержал 34 мараведи.

захват коренных жителей, доставляемых на невольничьи рынки Европы наряду с гвинейскими рабами. Как отмечал в одной из своих работ Александр Гумбольдт, «в XV веке почти все народы, занимавшиеся торговлей, в особенности испанцы и португальцы, отправлялись на Канарские острова за рабами...». По свидетельству Кадамосто, в середине XV века христианизированные жители уже покоренных островов также включились в охоту за рабами. В ночное время они подплывали к островам, население которых еще не было обращено в христианство, и захватывали в плен аборигенов с целью продажи их испанцам в рабство. Коренное население оказывало работоторговцам и конкистадорам отчаянное сопротивление, причем наиболее успешно отражали морские набеги жители Тенерифе и Гран-Канарии.

Завоевание Гран-Канарии, самого обжитого из островов архипелага, длилось с 1478 по 1483 год. Оно осуществлялось по распоряжению королевской власти, причем расходы по военным операциям оплачивал епископ Рубиконский. Высадившись в 1478 году на северо-востоке острова, испанцы построили там укрепленный лагерь. Однако активные военные действия против островитян были начаты через два года. В первой же битве испанцев с канарцами был убит Дорамас, вождь одного из районов острова. Это обстоятельство, а также приближение времени сева (он производился в ноябре) способствовали тому, что значительная часть воинов сложили оружие.

Но весной борьба вспыхнула с новой силой. С целью ослабить сопротивление аборигенов испанцы захватывали в плен коренных жителей (особенно взрослых мужчин) и высылали их в Кастилию или на уже завоеванные острова Канарского архипелага. Часть высланных превращали в рабов, остальные формально оставались лично свободными. Однако волнения аборигенов и после этого продолжались еще длительное время, затихая лишь на периоды полевых работ. В мае 1481 года испанцам удалось заключить мирное соглашение с некоторыми из племенных вождей Гран-Канарии. Среди них был вождь местности Гальдар (он получил после крещения имя Фернандо), оказавший завоевателям помощь в подчинении других островитян. Только в апреле 1483 года покорение было полностью завершено. После этого Педро де Вера, руководивший военными операциями, провел на острове так называемое репартимьенто,

распределив между конкистадорами земли и источники воды.

Обосновавшиеся на захваченных островах католические миссионеры пытались распространить свое влияние и на еще сохранившие независимость острова, однако попытки эти не имели успеха. Лишь на Гомере христианизация коренных жителей в основном предшествовала окончательному политическому подчинению острова. В 1447 году здесь обосновался первый отряд испанских завоевателей. На первых порах аборигены не оказали сколько-нибудь существенного сопротивления испанцам. Они приняли новую веру и на протяжении 30 лет исправно платили церковные налоги испанским властям. Лишь после того как колонизаторы обманным путем заманили на корабли около сотни жителей острова с целью их похищения, местное население взбунтовалось и в течение десятилетия (до 1488 года) вело борьбу с захватчиками. Большинство аборигенов Гомеры были истреблены, оставшиеся же в живых были захвачены в плен и проданы в рабство в портовых городах Испании. Только немногие из них были впоследствии освобождены и возвращены на родину.

В завоевании и заселении некоторых островов архипелага, соперничая с выходцами из Испании, принимали участие и португальцы. Как и их соседей по полуострову, португальцев привлекали на Канарах земли, пригодные для выращивания злаков и разведения скота, ценные товары, такие, например, как краситель «кровь дракона», древесина, рабы. Но не менее было важно для них, что острова служили как бы аванпостом для дальнейших завоеваний в Африке.

Генрих Мореплаватель, организатор морских экспедиций к северо-западным берегам Африки, положивших начало португальской экспансии на этот материк, в 1424 году предпринял попытки завладеть еще не колонизованной частью Канарских островов. После этой попытки, оказавшейся неудачной, принц Генрих «обратился к папе римскому за разрешением на их завоевание. Свою просьбу он мотивировал желанием спасти души канарских жителей, коснеющих в язычестве по вине кастильцев, которые якобы пренебрегли долгом христиан» [Томановская, с. 79].

Соперничество с испанцами особенно возросло после 1448 года, когда право на управление островами приобрел дон Энрике де Португал. Кризисная ситуация сло-

жила в 1478 году. Испанским конкистадорам, высадившимся на Гран-Канарии, в течение нескольких месяцев пришлось отражать атаки португальских конкурентов. Только в 1479 году по договору, подписанному в Трухильо, Португалия отказалась от своих претензий на Канарские острова.

Позднее испанцы завоевали острова Пальма (1492—1493) и Тенерифе (1494—1496).

В 1492 году с Гран-Канарии на Пальму была послана с особой миссией Франциска де Гасмира, обращенная в рабство аборигенка Пальмы. Она успешно выполнила порученную ей миссию, вернувшись на Гран-Канарию в сопровождении пяти вождей острова. Вожди были крещены, одарены, одеты и возвращены на родину: испанцы намеревались использовать их как своих помощников при подчинении островитян.

Захват Пальмы осуществил Алонсо Фернандес де Луго, которого не без оснований называют первым испанским колонизатором. Получив у королевского правительства разрешение на завоевание острова и средства на ведение боевых операций, Луго набрал в Севилье 900 конкистадоров, среди которых было значительное число канарцев, высланных на полуостров с Гран-Канарии. Этот отряд в сентябре 1492 года был переправлен на Пальму. Канарскую часть отряда возглавлял дон Фернандо Гуанартеме, вождь Гальдара. Уже к маю следующего года не без помощи некоторых вождей самой Пальмы, продавшихся испанцам, население острова было покорено. Как и при завоевании других островов, испанцы прибегли при захвате Пальмы к хитрости и обману. Многие островитяне в ходе военных действий погибли, большинство оставшихся в живых аборигенов были порабощены.

Аборигены Тенерифе — гуанчи почти целое столетие отражали всякие попытки вторжения на родной остров. Хроника Эспиносы сообщает об одной из попыток испанцев мирным путем проникнуть на Тенерифе. В 1464 году конкистадор Диего де Эррера заключил с аборигенами острова договор о мире и дружбе. Через несколько лет его сын Санчо построил на острове небольшую крепость. Однажды жившие в крепости испанцы украли у гуанчей коз. Эррера распорядился выдать воров аборигенам, но последние отпустили их. Когда же гуанчи в чем-то провинились перед европейцами, то тут же были повешены. В ответ на это коренные жители на-

пали на крепость и убили нескольких колонизаторов, после чего оставшиеся в живых бежали с острова.

Покорителем гуанчей стал тот же Алонсо де Луго. 1 мая 1494 года он высадился на Тенерифе во главе 1200 воинов, испанцев и канарцев. Однако 31 мая в сражении при Асентехо (именно это местечко носит теперь название Матанса) этот отряд был почти полностью перебит. Алонсо де Луго, бежавший с острова с группой спасшихся испанцев, стал тщательно готовиться к реваншу. Когда через год он вновь высадился на Тенерифе, гуанчи не оказали значительного сопротивления. Отрицательную роль сыграло отсутствие единства населявших остров племен. Так, племена, жившие по южному и юго-восточному побережью (анага, гуимар, абона, адехе), довольно быстро прекратили сопротивление и вступили в мирные переговоры с завоевателями. Ослабили островитян и болезни, занесенные конкистадорами. Хроники свидетельствуют, что в 1494 году много жизней унесла распространившаяся на Тенерифе эпидемия чумы. Весной 1496 года А. де Луго уже смог продемонстрировать испанскому королевскому двору взятых им в плен вождей острова. Один из них был подарен венецианскому послу, остальным же разрешили вернуться на архипелаг, запретив, однако, проживание на родном острове.

Санта-Крус-де-Тенерифе... «На площади города стоит очень хорошо сделанный мраморный столп, воздвигнутый в честь богоматери Канделярской. Он украшен эмблематическими фигурами искусной работы. Предание гласит, что Канделярская богоматерь с крестом в руке найдена гуанчами в пещере, каковых в здешних горах много находится. Чудо сие, которое, может быть, для завоевателей казалось необходимо нужным, чтобы гуанчей побудить к обращению в христианство, ознаменовано воздвигнутым для изъявления оного мраморным столпом» — так писал И. Ф. Крузенштерн, посетивший порт Тенерифе в 1803 г. о памятнике, и теперь украшающем площадь Санта-Круса.

Этот мраморный столп, на наш взгляд, символизирует колонизацию острова. Действительно, существовала легенда, согласно которой за 100 лет до завоевания Тенерифе, т. е. в конце XIV века, на побережье острова было найдено священное изображение девы Марии с младенцем. Трудно сказать, в какой мере использовалась эта легенда в процессе христианизации островитян,

однако, несомненно, она служила обоснованием колониального захвата.

Двуличие колонизаторов ярко выражено в уже цитированной драме Лопе де Веги «Тенерифские гуанчи и завоевание Канарских островов». Конкистадор Алонсо де Луго так разъясняет аборигенам мотивы завоевания: «Мы движимы не человеческими интересами, но христианским благочестием». Испанцам же он говорит иное: «Как завоеватели вы разделите между собой землю...» (Цит. по [Балашов, с. 125]).

После присоединения всех островов архипелага к Испании три из них (Гран-Канария, Тенерифе, Пальма) были подчинены непосредственно королевским властям, остальными же управляли захватившие их сеньоры. Сеньориальное управление этими островами длилось вплоть до 1837 года.

Длившиеся полтора века боевые действия, пиратские набеги и жестокое обращение завоевателей с аборигенами привели к тому, что численность коренного населения архипелага сократилась к началу XVI века в четыре-пять раз и не превышала, по-видимому, 20—25 тысяч.

После установления колониального господства большая часть уцелевших аборигенов была обращена в рабство. Утверждение испанского историка Р. Альтамира-и-Кревеа о том, что «случаи порабощения гуанчей имели место почти исключительно на островах, являвшихся сеньориями, до присоединения их к короне и до окончательного завоевания» [Альтамира-и-Кревеа, т. 2, с. 160] архипелага, является, судя по всему, ошибочным. Об этом, в частности, свидетельствует положение гуанчей в XVI столетии.

После завоевания Канарских островов туда начали переселяться значительные группы европейцев. Среди них были выходцы из Испании, португальцы, французы, генуэзцы. Например, Жан де Бетанкур сразу же после завоевания Иерро расселил на этом острове несколько десятков семей, привезенных из Нормандии. Вполне естественно, что вместе с эмиграцией из Европы на островах постепенно распространялись европейские обычаи и нравы. Были завезены также новые для архипелага животные и растения. Подробнее об этом будет рассказано в следующем разделе.

В заключение хочется сказать несколько слов о той роли, которую сыграли Канарские острова в колонизации Африки и Америки. Канары были как бы ступенью

на пути колониального проникновения европейцев в обе части света.

Францисканские монахи, сопровождавшие Жана де Бетанкура, в своей хронике сообщали, что еще до их появления на Канарах с одного из островов по названию Эрбания (Фуэртевентура) отплыла шлюпка с пятнадцатью компаньонами в направлении мыса Бужедер, который находился в королевстве Гинойа. Этот хроникальный материал является, по-видимому, одним из первых свидетельств о плавании европейцев с Канарских островов к африканскому материку.

Вслед за покорением первых островов архипелага Жан де Бетанкур обследует африканское побережье Марокко вплоть до широты Канар. В конце XV века использовал Канарские острова как плацдарм для проникновения в Африку и Алонсо де Луго. На пути в Америку на архипелаге останавливался ее первооткрыватель Христофор Колумб, кстати, и ранее неоднократно бывавший здесь. (Согласно легенде, Колумб был влюблен в Беатрис де Бобадилью с острова Гомера.) Океанические течения благоприятствовали заходу на Канарские острова судов, шедших с Пиренейского полуострова на запад, и они широко использовались, как, впрочем, используются и теперь, для заправки кораблей водой и продовольствием перед многомесячным плаванием.

...Утопия расположена за пределами известного нам мира. Несомненно, это — остров Блаженства; возможно, он находится близ Елисейских полей.

Эразм Роттердамский

Глава VII

НАЧАЛО ИСПАНСКОГО ВЛАДЫЧЕСТВА.

XVI ВЕК

Письменные источники, и прежде всего записи нотариальной конторы и жалованные грамоты Городского совета (кабильдо) на Тенерифе, позволяют представить себе некоторые стороны жизни коренного населения архипелага в XVI столетии, т. е. вскоре после окончания его завоевания.

С установлением первых контактов с Европой на Канары стали поступать оттуда изделия из железа. Однако далеко не всегда эти вещи использовались по прямому их назначению. Так, Зурара сообщает, что из железных изделий, на которые европейцы выменивали товары у островитян, канарцы изготовляли крючки для ловли рыбы. Использование европейских железных изделий и лома для изготовления крючков, наконечников для стрел, ножей и т. п. было характерно и для африканских народов в колониальный период.

Уже экспедиция 1341 года везла с собой на архипелаг лошадей. Однако у нас нет сведений о том, удалось ли тогда доставить на острова этих животных. Следует напомнить, что в те времена много скота при перевозке погибало. Характерно, что в XV веке часть Атлантического океана между Испанией и Канарскими островами получила название Залива кобыл в память о том, что большое число околелвших в пути животных было сброшено в море.

Позднее европейцы завезли на острова и крупный рогатый скот. Известно, что, отправляясь в свое второе путешествие, Колумб смог приобрести на Гомере не только коз, овец и свиней, но и телят. Напомним, что среди глиняных фигурок — *тибисенас*, найденных на Гран-Канарии, встречаются изображения бычка, животного, завезенного на этот остров, как и на Гомеру, в XV веке. Завоевателями были завезены также верблюды и ослы. Кадамосто сообщает, что в середине XV ве-

ка на Лансароте и Фуэртевентуре уже пекли, на европейский манер, из ячменной муки хлеб, хотя пшеницы еще не знали. Однако основные продукты питания оставались пока прежними — козлятина и молоко. Он также пишет, что с завоеванных островов вывозили кожи и шкуры, козий жир, сыр из козьего молока, а также лишайник орсель. Что касается последнего, то после открытия Нового Света серьезную конкуренцию этому красителю составила кошениль, привозимая из-за океана.

Со времен Колумба почти все суда, отправлявшиеся из Европы во вновь открытые земли за океаном, заходили на архипелаг, чтобы пополнить запасы воды и продовольствия. Вскоре между Канарскими островами и заокеанскими колониями Испании установились и торговые связи. Основными статьями экспорта с архипелага стали мука, сыр, вино.

С установлением колониального господства власти стали указывать аборигенам (так же как и колонистам), какие культуры они должны выращивать на своих участках. На Канарах появился сахарный тростник. По-видимому, он был завезен португальцами с острова Мадейра. На плантациях сахарного тростника в основном работали рабы негритянского происхождения, но иногда выращиванием его занимались аборигены. Так, например, Констанция Феррандес, дочь коренного жителя Гран-Канарии, принимавшего участие в завоевании Тенерифе и погибшего в Северной Африке во время сражения с маврами на стороне испанцев, получила от последних в награду за службу отца участок земли под виноградники и под плантации сахарного тростника. О выращивании аборигенами сахарного тростника говорит и то, что некоторые из них, покупая товары, расплачивались не деньгами, а сахаром.

К 30 годам XVI века производство сахара на Канарских островах достигло значительных размеров. Всего на архипелаге было в то время около 30 плантаций, размещенных в основном на островах, находившихся под непосредственным управлением королевских властей. Некоторые из этих хозяйств были огромны. На Тенерифе плантации сахарного тростника находились главным образом в районах Таоро и Дауте (западная оконечность острова). В частности, в последнем районе в начале XVI века их насчитывалось четыре. Однако в дальнейшем производство сахара на Канарах не выдержало конкуренции Нового Света и в начале второй по-

ловины XVI века было постепенно вытеснено виноделием.

А. де Эспиноса в своей хронике сообщал, что вино с островов вывозилось в Испанию, Францию, Англию, Гвинею и Новый Свет. Вывозилось оно и в Голландию. Х. Нуньес де ла Пенья, писавший почти столетие спустя после Эспиносы, называл виноград основной культурой, делавшей людей богатыми и могущественными. В обмен на вино (прежде всего высоко ценившиеся ликеры) жители Канарских островов получали из других стран продукты питания, одежду, монеты, использовавшиеся как украшения.

После захвата архипелага на нем начинают выращивать рожь, просо, многие овощи. Чуть позднее распространяются завезенные из Америки картофель и кукуруза. Как и прежде, важную статью экспорта с островов составляет дикорастущий лишайник орсель.

Безусловно, переориентация сельского хозяйства Канарских островов на тот или иной вид производимого продукта в той или иной мере затрагивала и коренных жителей. В XVI веке на архипелаге повышается роль земледелия по сравнению со скотоводством. Это отчасти коснулось и аборигенов, хотя на некоторых островах скотоводство по-прежнему составляло основу их жизни. Приводящийся в документах перечень товаров, которыми расплачивались в своих торговых сделках канарцы, позволяет составить представление о занятиях коренного населения. Они платили сыром, кожами, мясом, скотом, сахаром, рыбой, зерном. В записях нотариальной конторы на Тенерифе засвидетельствован случай продажи аборигеном воска и изготовления им ульев, что говорит о развитии на этом острове пчеловодства.

С установлением колониального режима усилились миграционные движения аборигенов. На Гран-Канарии появилось немало гуанчей и выходцев с Гомеры, на Тенерифе образовались значительные группы уроженцев Гран-Канарии, Пальмы, Гомеры. Подобная картина была прежде всего следствием принудительных переселений, проводившихся конкистадорами в целях умиротворения. Выше уже говорилось о высылке с родного острова части жителей Гран-Канарии, практиковались и другие переселения с одного острова на другой. Однако между соплеменниками, живущими на различных островах, продолжали сохраняться довольно тесные связи. Эти связи порой, в свою очередь, порождали новые пе-

ремещения. Так, по свидетельству документов, уроженец Пальмы Камачо, проживавший на Tenerife, переезжает на Гран-Канарию, так как получил там наследство от своего соплеменника; к жителю Гомеры Хуану Гарсия переезжает нанятая им на Tenerife в работницы соплеменница и т. д. Многие из высланных с родных островов аборигенов со временем тайно или легально возвращались назад.

Источники свидетельствуют о том, что переселенные с родных островов аборигены обычно живут в новых местах сплоченными группами. Одна из улиц на Tenerife упоминается в источниках под названием улицы «Гомеров». В таких тесно сплоченных коллективах долго еще сохранялись многие обычаи и традиции аборигенов. Так, в показании одного из жителей Гран-Канарии, данном им в 1505 году суду инквизиции, сообщалось, что в местности Аганагин рядом с ним живут группы гуанчей и гомеров, «которые не творят христианских дел...». Свидетель отмечал, что эти группы не справляют христианских праздников и не соблюдают постов [Serra-Ráfols, 1959, с. 21—22]*.

Как уже отмечалось, бо́льшая часть уцелевших островитян была обращена в рабство. Из-за жестокого обращения смертность среди рабов, особенно на первых порах, была значительной.

Некоторые испанские историки пытаются представить положение на Канарских островах после их завоевания как относительно сносное. Так, Р. Альтамира-и-Кревеа пишет, что «после того, как военное превосходство испанцев привело к победе и наступило замирение, на островах применялась тактика мягкого управления, что способствовало установлению дружеских отношений между испанцами и туземцами. Жители Канарских островов были признаны подданными короля Испании на равных правах с кастильцами, и скоро смешанные браки положили начало слиянию рас» [Альтамира-и-Кревеа, т. 2, с. 159].

Действительная же ситуация была весьма далека от нарисованной выше картины. Хотя положение канарцев и отличалось в лучшую сторону от положения индейцев в испанских колониях, оно все же отнюдь не было удовлетворительным. Правда, источники не позволяют нам в полной мере реконструировать положение аборигенов архипелага.

* Подробный перевод этого источника см. [Большаков, с. 54].

С начала XVI века стало практиковаться освобождение за выкуп рабов из числа коренных жителей. Размер выкупа колебался от 5 до 25 тыс. мараведи. Абориген мог также откупиться, предоставив рабовладельцу черного раба. Из семи упомянутых в нотариальных записях Х. Р. де Берланги поработанных канарцев четверо были отпущены за выкуп на свободу. Коренные жители острова Пальма — рабы Камачо и Диего, согласно нотариальной книге, обязывались после освобождения работать на своего бывшего хозяина в течение одного года и заплатить ему 20 тыс. мараведи или предоставить в его распоряжение черного раба. В книге уточнялось, что в качестве денежной платы Камачо отдал доставшееся ему по наследству имущество. На Teneriffe отпуск на свободу раба гуанча иногда фиксировался в завещании, где указывалось число лет, по прошествии которых после смерти составителя должно произойти освобождение.

Особый интерес представляет сделанная в 1507 году запись, в которой сообщается, что уроженец Teneriffe меняет черную рабыню, оцененную в 20 тыс. мараведи, с доплатой 5 тыс. на белую рабыню, коренную жительницу того же острова, и обязуется жениться на ней. По неизвестной причине не состоялась сделка, в результате которой свободный гуанч за 20 тыс. мараведи должен был выкупить раба гуанча.

В книге Эрнана Герры, где собраны записи нотариальной конторы в Ла-Лагуне, сделанные в 1508—1510 годы, также приводится несколько случаев, когда свободные аборигены выкупают поработанных соотечественников. Так, в записях от 7 августа 1509 года зафиксированы обязательство испанца выпустить на свободу рабыню Каталину ла Гуанча и встречное обязательство ее соотечественников предоставить за нее через год выкуп в размере 6 тыс. мараведи деньгами или сыром. В другой записи сообщается, что гуанч Алонсо выкупает своего семилетнего племянника. В подавляющем большинстве за этим следовало освобождение. Так, Педро Гуанче отпускает на свободу своего брата Родриго, до этого выкупленного им у испанца.

Все это подтверждает мысль о том, что между коренными жителями островов в рассматриваемый период сохранялись тесные связи. Как мы уже видели, свободные помогали выкупиться рабам. Известны такие случаи, когда свободные помогали беглым рабам скрыться,

а затем их выкупали. Подавляющее большинство рабов на Тенерифе получили свободу благодаря помощи своих соотечественников.

После того как в 1495—1499 годах на Гаити Колумб впервые поделил между конкистадорами земли и поработанных индейцев, в американских колониях Испании получила широкое распространение система эксплуатации коренного населения — *repartimiento de indios*. (Подробнее об этом см. [Альперович].) На Канарских островах эта система не сложилась. Хотя на Гран-Канарии, Пальме и Тенерифе захваченные земли были распределены между конкистадорами (*repartimiento de tierras*), люди и скот распределению не подлежали, завоеватели добывали их во время военных операций и облав.

Отсутствие на островах указанной системы эксплуатации аборигенов объясняется несколькими причинами.

Во-первых, упорное сопротивление, оказанное завоевателям туземными жителями, привело к истреблению большей части местного взрослого мужского населения и проблема рабочих рук решалась путем ввоза рабов из Африки.

Во-вторых, в период, предшествовавший покорению последних островов архипелага, в Испании еще не был завершен процесс реконквисты, что ограничивало возможности интенсивного освоения Канар. Так, после репартименты 1483 года на Гран-Канарии большая часть воинов, участвовавших в завоевании этого острова, вернулась на полуостров для участия в последних битвах против мавров в Гранаде. В последующий период интерес к Канарским островам еще более понизился, так как завоевателей больше привлекали драгоценные металлы и дешевая рабочая сила Нового Света.

Несмотря на отсутствие на Канарских островах системы, подобной *repartimiento de indios*, эксплуатация жителей этого архипелага на рубеже XV—XVI веков была не менее жестокой, чем эксплуатация населения испанских колоний в Америке. Но переход к феодальным формам эксплуатации, происшедший за океаном во второй половине XVI века, на Канарах осуществился на несколько десятилетий, а возможно, и на столетия раньше.

Основным богатством Канарских островов были скот и земля. Большая часть непорабощенного населения была лишена плодородной земли и скота и вследствие

этого была вынуждена идти в батраки к колонистам или зажиточным соотечественникам. Разорившиеся гуанчи на Тенерифе продавали свои земельные участки. Чаще всего они нанимались пастухами. Контракт заключался обычно на один год, причем пастуху платили 4500—5000 мараведи и предоставляли пропитание.

С приходом колонизаторов наблюдавшееся и ранее расслоение среди коренного населения Канар еще более усилилось. Среди свободных аборигенов постепенно выделяется прослойка зажиточных лиц. Чаще всего это были те, кто помогал завоевателям покорять своих соплеменников, в том числе некоторые из бывших племенных вождей. Так, согласно одной из записей нотариальной конторы, коренной житель Тенерифе Д. Диего сдавал в аренду двух волов, получая за сезон 28 фанег * пшеницы. Аборигены Тенерифе отдавали на выпас молодняк мелкого рогатого скота и свиней. Расплата в таких случаях производилась приплодом. Нередки были случаи, когда гуанч брал скот на выпас или арендовал землю у гуанча, а уроженец Гомеры — у своего земляка. О значительной социальной дифференциации говорит, например, запись № 1364 в нотариальной книге, которую вел Эрнан Герра. В ней фиксируется, что Каталина де Алькасар, дочь коренного жителя Гомеры, нанимается на пять лет к своему соотечественнику, который обязуется кормить и одевать ее, а по истечении указанного срока дать приданое.

В XVI веке хозяйственная и общественная жизнь коренного населения островов постепенно смыкается с жизнью колонистов. Возникает новое испано-канарское общество, хотя подавляющее большинство туземного населения находилось в неравноправном положении по сравнению с завоевателями. Сохранились свидетельства о жалобах, которые направлялись королевскому правительству канарцами, в них говорится о насилии и произволе, чинимых колонизаторами.

На трех островах, находившихся под непосредственным управлением королевских властей, землей, годной для возделывания сельскохозяйственных культур или для пастбищ, помимо колонистов была наделена и некоторая, правда очень незначительная часть коренного населения, особенно его знатная верхушка. Кроме зем-

---

* Фанега — мера сыпучих тел, равная 55,6 л, а также мера земли.

ли были распределены источники воды, использовавшиеся для жилья пещеры, а также загоны и пещеры для содержания скота.

На Гран-Канарии землю получили Фернандо Гуанартеме, вождь одного из племен на севере острова, оказавший большую помощь испанцам в покорении коренных жителей архипелага, а также сорок его соплеменников.

На Тенерифе землей был наделен Д. Диего, вождь племени адехе на юге острова. Грамотой от 5 октября 1503 года за ним закреплялся большой участок: глубокий овраг со всей его землей (3 фанеги) и водой и 100 фанег сухой земли — всего более 2,5 тыс. гектаров. Огромный участок земли площадью 400 фанег получила от Алонсо де Луго в октябре 1505 года в качестве приданого Эльвира Эрнандес, уроженка Тенерифе, вероятно наложница завоевателя.

На том же острове получили земли и были освобождены от налогов уроженцы Гран-Канарии, набранные для завоевания двух последних островов архипелага. Эти лица пользовались особыми привилегиями, и положение, в котором они находились, было лучше положения некоторых колонистов из Европы. Власти острова охраняли их собственность. Например, значительный штраф взимался за проход через виноградник, принадлежащий тому или иному землевладельцу. Налagался штраф и за потраву виноградника скотом, причем проводилось различие, когда (днем или ночью) и каким скотом (крупным или мелким рогатым) была совершена погрешность.

Как отмечалось выше, вода являлась на островах большой ценностью. В дарственных грамотах, например, строго регламентировалось использование воды. Так, в грамоте, даровавшей в 1508 году канарию Родриго эль Кохо землю, пещеру и воду, указывалось, что этой водой нельзя пользоваться для полива сахарного тростника. Лишь в особых случаях землевладелец мог использовать воду по собственному усмотрению. Например, такое право получил упомянутый выше Ф. Гуанартеме как «почетный завоеватель». В другой грамоте говорилось о предоставлении ему также права взимать плату за пользование водой из принадлежавшего ему источника.

Р. Альтамира-и-Кревеа утверждает, что «знатные туземцы сохранили свои права и иерархию, существовав-

шие до завоевания, и все они получили свою долю при распределении земель и вод» [Альтамира-и-Кревеа, т. 2, с. 159]. Однако в действительности, как мы видели, дело обстояло не совсем так. Привилегии имели лишь те аборигены, которые оказали испанцам помощь при завоевании или способствовали ему своей пассивностью. В частности, привилегиями пользовались даже внуки конкистадоров из числа аборигенов. Так, потомки уже упоминавшегося выше канарио, погибшего в борьбе с маврами на стороне испанцев, получили в 1514 году значительный участок земли (3 каиса *) за заслуги деда.

На разных островах архипелага и даже в различных частях одного и того же острова характер расселения коренных жителей и пришельцев был неодинаковым. Так, Гаспар Фрутуосо, португалец, живший в конце XVI века, сообщает, что на Пальме в одних поселениях жили аборигены, а в других португальцы и кастильцы. На северо-востоке Тенерифе, по данным записей нотариальной конторы, участки местных жителей были расположены чересполосно с участками переселенцев с материка. На юге же этого острова значительная часть населения не была порабощена, не подверглась переселениям и была расселена компактно.

В рассматриваемом столетии, как правило, на местах прежних поселений закладываются города, начинается строительство соборов и церквей.

В жизнь аборигенов интенсивно внедряется европейская культура, особенно право. В частности, довольно быстро распространился среди коренного населения, прежде всего среди его зажиточной части, характерный для Испании обычай — составление завещаний. Однако традиционные верования и обряды еще долго сохранялись в пережиточной форме среди аборигенов. Так, довольно долго бытовал на островах обычай мумификации умерших и захоронения мумий, завернутых в тонкие сшитые мешки или циновки, в труднодоступных пещерах. Об этом свидетельствует показание, данное в декабре 1505 года одним из жителей Гран-Канарии суду инквизиции. В показании говорится, что за три года до суда «свидетель этот видел... в пещере, где обычно хоронили канарцев, много черепов и костей канарцев; видел он также в одной пещере мертвого, как ему показалось.

---

* Каис — мера сыпучих тел, равная 666 л, или участок земли, который можно засеять одним каисом зерна.

канарца, который был положен туда, притом умершего недавно; и показалось ему, что под ним и сверху него были циновки, и был одет он в тамарко... и что он позвал одного своего товарища, чтобы тот посмотрел, и тому показалось подозрительным это, так как за 20 лет до этого остров был завоеван и все канарцы являются христианами; он сообщил об этом некоему Мартину Банесу, португальцу, и тот сказал ему, что не следует удивляться, так как он то же самое видел в пещере, а ранее полагал, что канарцы — истинные христиане» [Serga-Ráfols, 1959, с. 15].

Характерно также, что спустя 20 с лишним лет после завоевания Тенерифе испано-канарское население этого острова продолжало с уважением относиться к бывшим племенным вождям. В относящихся к этому времени записях приводятся подробные сведения о еще здравствующем вожде Диего де Адехе, его родственниках, его жилище, овраге, где находится принадлежащий ему источник воды, а также сведения о жилищах, где когда-то обитали вожди других племен, земле, которую они засеивали, и т. д.

Сказанное в данной главе относится главным образом к коренному населению островов, покоренных во второй половине XV века. Автохтонное население Лансароте, Фуэртевентуры и Иерро, завоеванных еще Жаном де Бетанкуром, в XVI веке почти исчезло: аборигены вымерли, смешались с пришельцами или выехали с родного острова.

Как уже говорилось выше, подавляющее большинство мужчин из числа коренных жителей архипелага были истреблены при его завоевании, вывезены в Европу или погибли из-за невыносимых условий рабского труда. Таким образом, культура автохтонного населения как бы переливалась в культуру нового общества благодаря местным женщинам. Аборигенки вступали в брачные связи с конкистадорами и колонистами. Кроме того, многие из них становились наложницами европейцев.

Проведенные исследования выявили широкое распространение на архипелаге в настоящее время фамилии Бетанкур. Особенно высока доля лиц, носящих эту фамилию, на Лансароте, где долгое время жил Масиот де Бетанкур. Известно также, что этот сеньор женился на знатной уроженке острова, а его внук Масиот II в начале XVI века вступил в брак с племянницей вождя Гальдара.

В XVI—XVII веках, как и прежде, периодический совершались пиратские набеги на архипелаг. Пираты различных европейских государств отправлялись на Канарские острова с целью грабежа и захвата в рабство местных жителей. Французы, а с конца XVI века и англичане делали это нередко «попутно», направляясь с подобными же намерениями в Новый Свет или ожидая суда, возвращавшиеся оттуда с награбленным имуществом.

С середины XVI столетия активизируют свою деятельность и корсары государств, существовавших в то время в Северной Африке. Их «пиратские корабли... были священным флотом ислама» [Маркс, Объявление войны, с. 167]. Борьба этих государств с мальтийскими рыцарями породила «ту систему пиратства, благодаря которой алжирские корсары стали внушать столь большой ужас на Средиземном море и которой в продолжение столь длительного времени должны были подчиняться христианские государства» [Энгельс, Алжир, с. 102]. Выходя в океан, алжирские корсары неоднократно совершали пиратские набеги и на Канарский архипелаг. Например, во время набега, совершенного в мае 1618 года, с островов Лансароте и Гомера было вывезено более 900 их жителей.

Иные пираты, корсары и флибустьеры обосновались на Канарских островах, используя их как базу для нападений на проплывающие мимо суда.

Колониальная экспансия и пиратские набеги еще более сократили численность аборигенов. В XVI веке с исчезновением основной массы коренного населения, по-видимому, был утрачен и их язык. Однако отдельные слова автохтонного происхождения сохранялись в быту канарцев еще длительное время.

Интересную трансформацию претерпел так называемый *силбо гомеро*, язык свиста, выявленный на острове Гомера. В основе этого сохранившегося вплоть до настоящего времени «языка» лежит теперь испанская фонетика. Дело в том, что специфика языка свиста состоит в высвистывании языковой мелодики, в использовании просодических законов естественного языка. Это определяет абсолютную индивидуальность каждого из известных языков этого типа. Стал, таким образом, совсем иным и *силбо гомеро*.

Манит нас всех Океан,
омывающий землю блаженных.
Найдем же землю,
острова богатые...

Гораций

Глава VIII

НА ПЕРЕСЕЧЕНИИ ДОРОГ

Судьба аборигенов в последующие столетия складывалась не более удачно. Немало канарцев выехало с архипелага в тогдашние испанские колонии в Америке и на Филиппины. Среди районов, куда направлялись выходцы с Канар, следует выделить Венесуэлу и Вест-Индию (Санто-Доминго, Пуэрто-Рико, Куба), а также Аргентину, Уругвай и Флориду. Как правило, лишённые плодородной земли аборигены отправлялись за океан вместе с испанцами.

Островитяне приняли участие уже во втором путешествии Христофора Колумба. До 1508 года торговые связи между Америкой и Канарами были запрещены испанскими властями. После снятия запрета торговля стала быстро расти, а вместе с нею росла и эмиграция, носившая в основном нелегальный характер. Чаще всего с островов выезжали юноши. Если по каким-либо причинам торговые связи между Канарами и Америкой сокращались, то это сразу же сказывалось на миграционных процессах.

Имело место и принудительное переселение жителей Канарских островов (в том числе их аборигенов) в Америку, которое было вызвано переходом Испании во второй половине XVII века к политике насильственного заселения Нового Света. Претворение в жизнь этой политики вступило в противоречие с препятствиями, которые прежде чинили островитянам, желавшим выехать за пределы архипелага. С целью ликвидации этих помех 25 апреля 1678 года был обнародован королевский указ, повелевавший на каждые 100 т вывозимых с Канар грузов высылать попутно пять семей. Ежегодно в Америку отправлялось около 50 семей, в среднем по 5 человек в каждой. Протесты местных канарских властей действия не возымели. Невыполнение же Канарами этого распоряжения привело бы к утрате ими права торговать с заокеанскими портовыми городами, в чем экономика

этого владения очень нуждалась. Королевские власти еще неоднократно издавали указы о высылке островитян в различные районы Нового Света, например на Эспаньолу (Гаити), в Луизиану и другие. По-видимому, именно эти действия Испании сыграли решающую роль в исчезновении аборигенного населения на архипелаге.

Приведем в качестве примера хронику прибытия эмигрантов с Канар в Санто-Доминго с 1684 по 1764 год. В источниках указывается количество прибывших семей, причем, как правило, оговаривается, что в каждой семье — около пяти человек.

В 1684 году приехали 208 семей, в том числе группа из 108 семей, составившая 543 человека; в 1687 году — 97 семей; 1691—18 (94 канарца); 1720 году — 50; 1720—1725 годах — 28; 1737 году—40; 1745—1764 годах—225 семей [Moysa Pons, с. 108—109, 144—146]. Таким образом, всего за это время на Гаити прибыло приблизительно 666 семей, т. е. около 3300 выходцев с Канар. Иммигранты основали на острове не одно поселение.

Следы древней канарской культуры явственно прослеживаются в ряде районов Америки. Здесь можно встретить присущие коренным жителям архипелага способы обработки земли, навыки изготовления тех или иных продуктов, одежды и т. д. Испаноканарцы привезли с собой за океан элементы фольклора, языка, народного искусства, религиозных верований, некоторые обычаи и традиции, восходящие к аборигенной культуре. Иммиграция с Канар оказала также определенное влияние на топонимию и антропонию в ряде стран Латинской Америки.

На Кубе колдовские сюжеты в фольклоре обнаруживают явное сходство с аналогичными канарскими сюжетами. Среди кубинцев встречается немало лиц с фамилией Гуанча. Выходцев с Канар здесь называют *isleños*, что значит островитяне. С 1906 года на Кубе существует Канарская ассоциация.

Сейчас очень трудно установить более или менее точную дату исчезновения коренного населения Канар. Вероятно, это произошло в XVIII веке. А. Гумбольдт говорит об «угасании народа гуанчи» к началу XVII века, но, описывая свой подъем на вершину Тенерифе — пик Тейде, упоминает стоянку продавцов льда — «коренных жителей, которые поднимаются сюда за льдом и снегом и продают его в близлежащих городах».

Давно уже исчезли с этнической карты мира древние

канарцы. Однако их кровь течет в жилах многих современных жителей островов, а некоторые элементы аборигенной культуры нетрудно увидеть на архипелаге и по сей день.

Уклад жизни пастухов на Тенерифе еще совсем недавно мало чем отличался от уклада гуанчей. После колонизации Канар скотоводство на этом острове долгое время почти полностью оставалось в руках коренных жителей. Последующие поколения восприняли и сберегли богатейший опыт ведения пастушеского хозяйства, накопленный аборигенами, еще в первой половине нашего столетия его продолжали использовать. Речь идет о выборе пастбищ, сезонных откочевках, изготовлении различных продуктов из козьего и овечьего молока и о многом другом. Сооруженные гуанчами укрытия в горах и теперь иногда используются жителями. Некоторые предметы быта сельских жителей восходят к аборигенной культуре.

Вследствие своеобразия этнической истории и некоторой специфики современной культуры население Канарских островов рассматривается сейчас как особая этнографическая группа испанского народа — канарио. Канарио выделяются среди других испанцев и в антропологическом отношении: их кожа более смуглая. М. Фустэ, проводивший антропологическое обследование современного населения Гран-Канарии, пришел к выводу, что у жителей острова, особенно сельских, сохранились многие черты, характерные для древних канарцев. Как утверждает этот ученый, среди канарио до сих пор встречаются носители кроманьонских и протосредиземноморских (евро-африканских) черт. Устойчивость древних антропологических признаков М. Фустэ объясняет территориальной изолированностью населения и эндогамией. В некоторых селениях Гран-Канарии до 80% браков заключаются между близкими родственниками [Fuste, 1959, с. 296—297]. Вывод ученого о живучести древних признаков согласуется с наблюдениями, полученными ранее другими исследователями: Верно, Фишером, И. Швидецки,— и его с уверенностью можно распространить на все острова архипелага.

Канарцы бережно относятся к своей истории. В Музео Канарио в Лас-Пальмасе, в археологическом музее в Санта-Круссе и в других музеях сохраняются и изучаются памятники материальной и духовной культур, относящиеся как к доиспанскому периоду истории Канар,

так и к истории последующих столетий. Большую научную работу в этом направлении ведет Институт по изучению Канар при Университете в Ла-Лагуне на Тенерифе.

Один из музеев посвящен первооткрывателю Америки. Губернаторский дом, где в августе 1492 года остановился Кристобаль Колон, называется Домом Колумба. Расположен он в старинном квартале Лас-Пальмаса Вегеты. Трехэтажное здание с длинными балконами под навесом. Известно, что потайной туннель соединяет дом с собором. Он был прорыт по приказу губернатора на случай возможных возмущений горожан. В музее — документы, относящиеся к плаваниям Колумба, старинное оружие, картины известных живописцев XVI века Веронезе и Моралеса, а в соседней комнате — средневековое орудие варварской пытки и казни — испанская гаррота (обруч, стягиваемый винтом). Здесь же можно увидеть окованный медью сундук с награбленными сокровищами, принадлежавший когда-то разбойникам и пиратам, обосновавшимся на Канарах. А в патио, как и в позднем средневековье, на специальных подставках сидят большие яркие попугаи.

История архипелага и в памятниках, сооруженных на площадях и скверах, — легендарным канарским собакам, Святой Канделарии, Павшим в борьбе с завоевателями.

Тенерифе, Санта-Крус. Среди средневековых фонарей и неоновых реклам на площади Испании на обелиске светится гигантский крест — памятник Павшим. Он воздвигнут в честь защитников крепости, погибших летом 1797 года в бою с английским десантом, во главе которого сражался контр-адмирал Нельсон.

15 июля этого года от английской эскадры, блокировавшей испанский флот в порту Кадис у атлантического побережья Испании, отделился отряд из трех линейных кораблей, трех фрегатов и нескольких мелких судов. Командующему уходящей эскадры было предписано неожиданной и решительной атакой захватить Санта-Крус, в порту которого укрылся нагруженный золотом галеон, посланный вице-королем Мексики в Испанию, и завладеть обнаруженными ценностями. Однако внезапного нападения не получилось.

Завидев английские корабли, губернатор острова приготовился к обороне. Но Нельсон все же решил атаковать. На берег был высажен десант морской пехоты.

Испанский гарнизон в цитадели оказал упорное сопротивление, и командир десанта капитан Т. Трубридж вскоре выбросил белый флаг. «Губернатор принял условия перемирия, на которых десант был готов капитулировать и „прислал людям Трубриджа вина и хлеба“» [Трухановский, с. 74].

Нельсон не знал о случившемся и организовал высадку другой группы моряков на молу в гавани Санта-Крус — в бурную погоду, под ружейным и артиллерийским огнем испанцев. В авангарде десанта действовал он сам. Едва Нельсон выпрыгнул на мол, как тут же был опрокинут обратно в лодку. Его зацепило зарядом картечи и перебило правую руку. Под сильным огнем испанцев гибли английские матросы, тонули их лодки. Бурное море помогало обороняющимся. Атаку испанцы отбили [Трухановский, с. 74]. Англичане понесли в этом сражении большие потери.

1852 год — знаменательная дата в жизни архипелага. Событие, происшедшее в этом году, имело огромное значение для дальнейшего экономического развития острова. Королева Испании Изабелла II провозгласила канарские гавани «портос франкос» — свободными портами, где разрешается беспошлинная торговля. С этого времени Канары — одно из немногих мест в мире, свободных от налогообложения импортируемых товаров.

В настоящее время Канарские острова являются своего рода туристическим и аграрным придатком континентальной Испании. Здесь выращивают и вывозят на материк бананы и апельсины, помидоры, картофель и другие ранние овощи. Как и прежде, возделывают сахарный тростник и табак, хлопчатник и виноградную лозу, собирают кошениль и лакмусовый лишайник. По-прежнему широко развито рыболовство и животноводство. На Лансароте гордятся арбузами, а на Иерро — фигами, славится на архипелаге и козий сыр местного производства.

Природные условия благоприятствуют сельскохозяйственной деятельности, но и требуют от земледельцев немалого труда. За год здесь можно снять три урожая картофеля, собирают до 300 тысяч тонн бананов. Но сколько усилий прилагают канарцы, чтобы собрать драгоценную влагу в период редкого, но обильного дождя!

На архипелаге пытаются решить проблему использования геотермической энергии, таящейся в недрах ост-

ровов. Дело в том, что на глубине две—две с половиной тысячи метров под землей на островах Гран-Канария, Тенерифе, Пальма и — в особенно крупных масштабах — на острове Лансароте имеются созданные природой резервуары горячей воды и пара. Речь идет о морской воде, которая попала по подземным каналам в пещеры, образовавшиеся вследствие интенсивной вулканической деятельности. Температура там колеблется от 90 до 300 градусов и выше. Решение этой проблемы позволит получить не только дешевую электроэнергию, но и опресненную воду, которая при соответствующей обработке будет пригодна для питья [Красиков, с. 260].

Большая часть населения Канар занята в индустрии туризма, являющегося одной из основных статей валютных поступлений в местный и национальный бюджет. Доход государству особенно велик оттого, что архипелаг — беспошлинная зона торговли. Однако в связи со вступлением Испании в «Общий рынок» дальнейшая судьба свободных портов неясна. ЕЭС требует отмены на островах давно установленного статуса, и на архипелаг может быть распространен режим Сообщества. Но это подорвет экономику Канар. Введение налогов затруднит импорт товаров из США, Японии, Гонконга и других стран, отрицательно скажется на развитии торговли и индустриализации островов. Отмена действующей системы увеличила бы безработицу на архипелаге и разорение мелких производителей сельскохозяйственной продукции.

Отразится на судьбе Канар и вступление Испании в НАТО. Острову Иерро отводится в планах Пентагона и НАТО роль опорного пункта для размещения до половины личного состава корпуса быстрого развертывания США [Современная Испания, с. 276].

Канары — один из уголков капиталистического мира. Концентрация значительной доли богатств в руках малочисленной привилегированной прослойки, подверженность кризисам, безработица характерны для этого райского уголка. Трущобы, соседствующие с первоклассными отелями и необыкновенными парками, — таково истинное лицо архипелага: число пуждающихся в жилой площади намного превышает количество квартир в дешевых домах, сооружаемых для трудящихся. Отсталость архипелага, позволяющая называть его придатком материковой Испании, выражается и в том, что оплата труда здесь гораздо ниже заработной платы, существу-

ющей в континентальной части страны, а уровень безработицы, инфляции и неграмотности намного выше. Вспомним здесь слова Унамуно, открывшие нашу книгу.

Жители Канар не удовлетворены своим экономическим и политическим положением, что ведет к появлению на островах автономистских тенденций. 11 марта 1978 года испанское правительство предоставило Канарским островам автономию.

Канарии обладают ярко выраженным самосознанием и говорят о собственных традициях, укладе жизни, стремлениях и надеждах. Для жителей материковой Испании у них даже имеется специальное название «годос» (готы), по-видимому, заимствованное у америнцев, которые презрительно называют так испанцев. Современное население архипелага гордится своим происхождением от древних обитателей островов. Будущее Канар тесно связано с судьбой других провинций Испании.

Национальный вопрос — одна из наиболее острых проблем этой страны. Ее население разнообразно по этническому составу — народы существенно отличаются друг от друга по языку, культуре, правам и обычаям. Да и собственно испанцы в различных исторических областях заметно отличаются друг от друга в культурном отношении.

Такие отличия обусловлены географическими и историческими причинами. Многие из областей отделены высокими горами, что способствовало их культурному обособлению. Следует напомнить и то, что испанское государство на протяжении веков «собиралось» буквально по кусочкам. Дискриминационная политика, которую проводили центральные власти по отношению к некоторым из областей, задерживала процесс национальной консолидации и привела к возникновению трений между разными народами страны.

Начавшийся вскоре после смерти Франко процесс демократизации общественно-политической жизни Испании активизировал движения за предоставление автономии. Наибольший размах эти движения получили в Каталонии, Стране Басков (Эускади) и Галисии, население которых представляет собой самостоятельные этнические общности. В 1977—1978 годах почти все области страны получили статус временной автономии. Позднее начали действовать Статусы об автономии Каталонии, Страны Басков, Галисии и Андалусии. Тем не

менее национальный вопрос в Испании все еще далек от разрешения.

Движение за автономию Канарских островов возникло еще задолго до ликвидации франкистского режима. В начале 60-х годов во главе его стоял Антонио Кубильо, адвокат с Тенерифе. Вскоре он вынужден был выехать за пределы архипелага. В 1964 году, поселившись в Алжире, он создал организацию Народного движения за самоопределение и независимость Канарского архипелага (МПАИАК), возглавившую борьбу против испанского колониализма. Однако сепаратистские тенденции не нашли широкой поддержки на островах. Подавляющее большинство жителей Канар не думают об отделении от Испании, но выступают за предоставление архипелагу большей автономии.

Существование МПАИАК — организации, возникшей прежде всего вследствие отсталости архипелага, налагает значительный отпечаток на взаимоотношения Испании с африканскими странами. Дело в том, что в 1968 году МПАИАК было принято в Организацию африканского единства, а через десять лет Совет министров ОАЕ в своей резолюции назвал Канарский архипелаг «неосвобожденной африканской территорией» и проголосовал за оказание «материально-технической, экономической и моральной помощи сепаратистскому движению этих островов» [Современная Испания, с. 300].

Левые силы страны, и в частности испанские коммунисты, поддержали позицию правительства, отстаивающего принадлежность Канарского архипелага Испании.

Население Канар насчитывает в настоящее время около полутора миллионов жителей, причем на островах, входящих в провинцию Лас-Пальмас, проживает приблизительно на один миллион человек больше, чем в провинции Санта-Крус-де-Тенерифе. (Разделение на две провинции существует с 1912 года. С тех пор два города соперничают за право быть столицей архипелага.) Кроме канарцев здесь проживают небольшие группы выходцев из материковой Испании и других европейских стран, а также африканцы, индийцы и другие. Есть на Канарах и незначительное число русских.

Русские на Канарах. Вот уже более 15 лет нашу страну тесно связывает с Канарскими островами акционерное общество «Совиспан», представительства которого размещены как в столицах сотрудничающих государств, так и в столицах канарских провинций.

Наметившийся еще в последние годы жизни Франко поворот к возобновлению экономического и культурного сотрудничества между Советским Союзом и Испанией был отмечен созданием первого смешанного советско-испанского акционерного общества. Оно родилось 3 июля 1971 года, т. е. задолго до установления не только дипломатических, но и официальных торговых отношений.

Одним из учредителей «Совиспана» было Объединение Министерства рыбной промышленности СССР, владеющее 50% акций.

«Совиспан» поддерживает постоянные отношения делового сотрудничества со многими советскими объединениями. С испанской стороны смешанное общество представляет интересы почти четырех десятков национальных фирм.

«Совиспан» обслуживает советский рыболовный флот, работающий в африканских водах, используя порты Лас-Пальмаса и Санта-Крус-де-Тенерифе. Первоначально общество лишь осуществляло поставку на советские суда продуктов питания и промышленных товаров, пополнение водой и топливом. Позднее стало организовывать ремонт и переоборудование судов на верфях Тенерифе, Лас-Пальмаса и Лансароте, а также смену экипажей воздушным путем между Канарскими островами и Советским Союзом. Пока моряки проводят отпуск на родине, ремонтно-подменные команды ремонтируют суда. До 20 тысяч советских моряков бывают ежегодно на Канарах, где пользуются услугами смешанного акционерного общества.

Еще одно направление деятельности «Совиспана» — реализация советской рыбопродукции как на внутреннем рынке, так и в третьих странах. Она экспортируется в США и Канаду, страны Пиренейского полуострова, Италию, Францию и ФРГ, в Бразилию и Египет, во многие африканские государства, расположенные на атлантическом побережье. Объем рыбной продукции, реализуемой ежегодно «Совиспаном», составляет около 50 тысяч тонн. Капитал и резервы «Совиспана» составляют в настоящее время около 500 млн. песет, а товарооборот достигает 14 млрд. песет в год.

С первых дней своего существования «Совиспан» способствует развитию более тесных экономических связей между СССР и Испанией, а также росту занятости населения островов, оживлению их портов.

Жители Лас-Пальмаса не только хорошо знают имя

Льва Толстого (так названа одна из улиц города). На вывесках лавок теперь можно прочитать: «Юрий Гагарин», «Аврора», «Москва», «Лайка» и другие русские названия.

Когда же первый русский ступил на канарскую землю?

Первое упоминание о Канарах в русских источниках относится, вероятно, к 1724 году. В указе Петра I от 18 сентября относительно Гишпанской торговой компании («Гишпанский торг»), в частности, говорится: «...сей компании надлежит ходить и торговать ко всем морским портам, рейдам, островам, городам, местам, которые во владении государств Французского, Гишпанского, Португальского, и к тем местам, которые под сими же помянутыми владении в Гевропе обретаются, также и к островам Канарии и Мадерику и во все оные места, которые обыкновенно под именем Атланда заключаются, также во всю Италию из одного до другого из выше помянутых мест» [Ламанский, с. 200].

Русские путешественники впервые могли попасть на Канары во второй половине XVIII века во время своих плаваний в Америку или вдоль побережья африканского материка. Впервые корабли российского флота посетили архипелаг в 1803 году в ходе первого русского кругосветного плавания. Руководитель этого плавания И. Ф. Крузенштерн замечает в своих записках: «Гуанчи были, как известно, настоящие коренные жители острова Тенерифы. Но теперь род их совсем перевелся» [Крузенштерн, с. 36]. Однако научного интереса к аборигенам Канарских островов в те годы в России не возникло.

В начале второй половины XIX века историей автохтонного населения архипелага заинтересовался русский этнограф Н. Н. Миклухо-Маклай. Свою первую научную поездку он совершил еще будучи студентом Йенского университета как ассистент немецкого зоолога Э. Геккеля. Тогда Н. Н. Миклухо-Маклай посетил Канарские острова (1866—1867), побывал на Тенерифе, Гран-Канарии, Фуэртевентуре и Лансароте, причем на последнем острове провел около четырех месяцев, занимаясь анатомией губок и исследованиями мозга хрящевых рыб. Спустя год в йенском журнале появилась его статья о губках Канарских островов. Открытый новый вид губок был назван Н. Н. Миклухо-Маклаем *Guancha blanca*. Избранное название косвенно свидетельствует о том, что уже с самого начала своей работы Н. Н. Миклухо-

Маклай живо интересовался историей, культурой и бытом населения посещаемых им стран. Время поездки на Канары отнеслось к периоду, когда происходило становление гуманистического мировоззрения выдающегося ученого.

Советские люди на Канарах... Наши моряки всегда спешат на подмогу суденышку, попавшему в беду. Всем желающим на судах оказывается медицинская помощь. Канарно нередко обращаются за ней. Они с благодарностью отзываются о посланцах Страны Советов.

— В таком случае поздравляю вас, капитан, с открытием Канарских островов купцами из Севильи.

— Бог мой! Вот это удача! Прошло пятьсот лет, как их открыли, а я все способен радоваться этому как ребенок!

Н. Исаев

Глава IX

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ КАНАР И ИХ ИССЛЕДОВАТЕЛИ

Сколько раз открывали Канарские острова? Часто употребляемое в этой книге словосочетание «открытие Канар» — весьма условно. За исключением некоторых периодов, на острова постоянно вливалось с разной степенью интенсивности население из-за Геракловых Столпов, со всех побережий Внутреннего (или по античной терминологии Нашего) моря. Знания — в реальной или легендарной форме — о ближайших за пределами Гибралтарского пролива островах во Внешнем океане с древнейших времен сохранялись в памяти мореходных народов Средиземноморья. Понятно поэтому, что речь может идти не об открытии, а только об освоении архипелага выходцами из того или иного региона. Если отойти от европоцентристской точки зрения, то ответить на вопрос, вынесенный в заглавие, просто невозможно. Пожалуй, единственное, что можно сказать с уверенностью, так это то, что последними открывателями островов были упомянутые в эпитафье «купцы из Севильи» [Исаев, с. 27]. Позднее архипелаг «открывали» лишь ученые.

Использовавшаяся в работе рукопись середины XIV века, принадлежащая перу мессера Джованни Боккаччо, «О Канарии и других островах, недавно обнаруженных по ту сторону Испании в Океане» является первым средневековым памятником по этнографии Канар. Рукопись рассказывает об одном из первых средневековых плаваний в акватории архипелага, в ней впервые упоминаются все его острова и скалы.

Памятник этот настолько интересен и дает столь яркое представление о характере источников подобного рода, а также о заключенных в них трудностях для интерпретации исследователями, что, без сомнения, с ним

будет любопытно познакомиться современному читателю. Сравнительно небольшой его объем позволяет привести текст Боккаччо почти целиком.

Вот о чем повествует этот источник.

«В лето Господне 1341 в 17 день от декабрьских календ* во Флоренцию пришли письма, писанные флорентийскими купцами, задержавшимися в Севилье, городе внешней Испании. В них содержится то, что мы приводим ниже.

Они сообщают, что первого июля того года два корабля, снаряженные по приказу короля Португалии всем необходимым для плавания, и с ними одно небольшое судно с экипажем из флорентийцев, генуэзцев, испанцев из Кастилии и других испанцев вышли с поднятыми парусами в открытое море из города Лиссабона; они были нагружены лошадьми и оружием, и различными военными машинами, необходимыми для покорения городов и крепостей. Шли они, стремясь отыскать те острова, которые, по общему мнению, ранее были уже открыты, и все они достигли их через пять дней благодаря попутному ветру. А в конце того же ноября месяца вернулись домой, привезя с собой следующее: прежде всего четверых жителей этих островов, большое количество шкур диких и домашних коз, сала, рыбьего жира, тюленьих шкур, красного дерева, красящего почти в тот же цвет, что и верцино, правда знатоки утверждают, что это сравнение неудачно; кроме того — древесной коры также для окрашивания в красный цвет и, наконец, красную землю и другие тому подобные вещи.

Так вот, один из двух кормчих экспедиции генуэзец Никколосо де Рекко, отвечая на расспросы, разъяснил, что от города Севильи до этих островов около 900 миль. От места же, которое известно теперь под названием мыса Сан-Висенти, острова расположены ближе всего к континенту, и первый среди открытых насчитывал 150 миль в окружности и представлял собой невозделываемую каменную глыбу, однако он был покрыт лесом и изобилывал козами и другими животными и был заселен обнаженными мужчинами и женщинами, дикими своими обычаями и повадками. Кормчий добавил, что он и его спутники взяли здесь большую часть шкур и жира, но не отважились заходить в глубь острова. За-

---

* 14 ноября.

тем они прошли мимо другого острова, большего, чем первый, и увидели множество людей, спешивших к берегу им навстречу. Все мужчины и женщины были почти обнажены. Некоторые из них, похоже, выделялись среди остальных и были одеты в козьи шкуры, выкрашенные в шафрановый и красный цвета, и, насколько можно было разглядеть издали, эти кожи были тонкими и мягкими и весьма искусно сшиты нитками из сухожилий. Судя по их поведению, у островитян есть предводитель*, к которому они относятся с глубоким почтением и ему всецело повинуются. Все эти островитяне давали понять знаками, что хотели бы торговать с корабельщиками и вступить с ними в отношения, но когда шлюпки приблизились к берегу, то моряки совсем не поняли их языка и не решились ступить на землю. Однако язык их, как говорят, очень приятен, а речь живая и торопливая, как у итальянцев. Когда островитяне поняли, что члены экипажа не хотят высаживаться на берег, то некоторые попытались добраться до судна вплавь; из них несколько было задержано на борту, и среди них те, кого привезли с собой. И наконец, не видя ничего более для себя полезного, корабли удалились. Огибая остров вдоль берега, моряки обнаружили, что северная его часть возделана лучше, чем южная. Они видели много маленьких жилищ, фиговые и другие деревья, пальмы без плодов, огороды, где произрастали стебли** и другие овощи. Тогда 25 вооруженных моряков высадились на берег, осмотрели жилища и обнаружили в одном из них около 30 человек, совсем обнаженных, которые, испугавшись вида вооруженных людей, сразу же убежали. Члены же экипажа проникли в глубь острова и узнали, что их строения сооружены из квадратных камней, подогнанных весьма искусно, и покрыты большими кусками дерева. И когда они встречали закрытые двери, то, чтобы осмотреть сооружение изнутри, моряки начинали разбивать двери камнями, что приводило в ярость обитателей, разбегавшихся и оглашавших криками окрестности. Разбив дверь, моряки

* Дж. Боккаччо употребляет латинский термин «приnceps», имеющий несколько значений: среди них, например, «вождь», «властелин».

** В тексте в этом месте стоит слово «caules», которое традиционно и неверно переводят «капуста». Весьма сомнительно, что здесь произрастало в XIV веке это культивируемое в Европе огородное растение. Перевод «стебли» более соответствует флоре Канар, где произрастали использовавшиеся в пищу мясистые эуфорбии.

проникали внутрь почти всех жилищ, но ничего не находили там, кроме отборных высушенных плодов фигового дерева, хранившихся в пальмовых корзинах, таких, что можно увидеть в Чезене, а также пшеницу, намного крупнее, чем наша, и очень белого цвета. Моряки видели также ячмень и другие злаки, которые, вероятно, употребляются в пищу аборигенами. Жилища были замечательными, покрыты прекрасной древесиной, опрятны внутри, будто побелены гипсом. Они обнаружили там часовню или храм, в котором не было никакой живописи, никаких других украшений, кроме высеченной из камня статуи обнаженного человека с шаром в руке, этот идол был прикрыт лишь набедренником из пальмовых листьев, по их обычаю. Статую моряки взяли с собой и привезли в Лиссабон. Остров показался им густонаселенным и хорошо обработанным, здесь выращивают зерновые, пшеницу, фрукты, главным образом фи- ги; злаки же и пшеницу или едят как птицы, или делают из них муку, не выпекая из нее какого-либо хлеба; пищу свою запивают водой.

Покидая этот остров, моряки видели другие на расстоянии 5, 10, 20 и 40 миль и направились к третьему острову, на котором ничего иного замечательного не обнаружили, кроме множества высоких деревьев, устремленных прямо в небо. Затем направились к другому острову, изобиловавшему ручьями и прекрасной водой, на нем было также много деревьев и голубей, которыми питаются, убивая их палками и камнями; эти голуби больше наших, но на вкус такие же или даже лучше. Также видели много соколов и других хищных птиц. Но моряки не пытались высадиться на остров, так как он им казался совершенно необитаемым. Сразу же за этим они открыли другой остров, на котором горы поднимались очень высоко и почти всегда были покрыты облаками. Там часто шли дожди, та же часть, которую они смогли различить в ясную погоду, показалась им очень красивой, и они сочли ее обитаемой. Они видели затем много других островов, одни из которых были населены, другие совершенно безлюдны, всего же их было 13, и чем далее плыли, тем более островов видели. Море у островов намного спокойнее, чем у нас, есть хорошее дно для стоянок, и, хотя гаваней здесь мало, все они полноводны. Из 13 островов, к которым они приближались, 5 были обитаемы, но заселены в разной степени. Кроме того, моряки говорят, что их языки настолько

различны между собой, что они совсем не понимают друг друга, и что у островитян нет никаких судов или каких-либо других приспособлений, чтобы плавать с одного острова на другой, разве что можно добраться вплавь. Они открыли и еще один остров, на который не высадились, потому что увидели на нем нечто удивительное. По их словам, на этом острове есть очень высокая гора, которая, как они свидетельствуют, поднимается до высоты в 30 миль или более и которая видна с очень большого расстояния; на ее вершине виднеется нечто белое, и так как вся гора каменистая, это белое по форме кажется похожим на башню. Однако они решили, что это не башня, но очень острая скала, на вершине которой виднеется высокая мачта, подобная корабельной, к которой прикреплена рея с большим латинским парусом, натянутым на манер щита. Наполненный ветром парус намного растягивается в высоту, затем, кажется, понемногу складывается и так же мачта складывается как у военного корабля, затем поднимается, и так продолжается беспрерывно. Моряки объехали вокруг острова и со всех сторон видели это чудо и, полагая, что это явление результат колдовства, не отважились сойти на берег. Они видели также многое другое, о чем упомянутый Никколозо не захотел рассказывать. Однако эти острова, пожалуй, не очень богаты, ибо морякам едва ли удалось покрыть расходы на плавание. Четверо привезенных аборигенов молоды, безбороды, красивы лицом, ходят обнаженными, хотя и имеют нечто вроде набедренников, представляющих собой завязанную на поясице веревку, на которой висит большое число пальмовых или тростниковых волокон длиной 1,5—2 пяди, с целью скрыть срамные места как спереди, так и сзади, причем ни ветер, ни какие другие случайные обстоятельства не могут обнажить их; они не стригутся, носят длинные светлые волосы почти до пояса, ходят босыми.

Остров, с которого были вывезены эти жители, называется Канария, и говорят, что он более заселен, чем другие острова. Они совершенно ничего не понимают ни из какого языка, хотя с ними говорили на разных и многих, ростом они нам не уступают, у них развитые части тела, они сильные, достаточно смелые и, насколько можно судить, хорошо развиты умственно. Разговаривают с нами с помощью знаков, и они отвечают таким же образом, будто немые. Они с уважением отно-

бьются к друг другу, один же из них особенно почитаём. Его набедренник сделан из пальмовых листьев, в то время как у других из тростника, окрашенного в желтый или красный цвет. Их песни очень мелодичны, танцы — на французский манер, они веселы и улыбчивы, достаточно цивилизованны и не более дики, чем многие из испанцев. После того как их задержали на борту судна, они ели хлеб и фиги, хлеб им очень понравился, хотя ранее они его никогда не пробовали; пить вино они наотрез отказались и пили воду. Они охотно питались также пшеницей и ячменем, равно как и сыром и мясом, которые у них в изобилии и хорошего качества; однако ни быков, ни верблюдов, ни ослов на островах нет, зато здесь обилие коз, баранов и кабанов. Золотые и серебряные монеты, которые им показывали, были им совсем неизвестны, также неизвестны им были благовонные вещества; им показывали также золотые кольца, искусно сработанные кубки, шпаги, сабли, показывали и другое, но никогда ничего подобного они не видели и этим не пользовались. Было осуществлено испытание на верность, так одному из них дали в пищу очень вкусную еду, но прежде чем попробовать ее, он разделил ее на куски и раздал другим. Им известно супружество, и замужние женщины носят набедренник, подобный мужскому, а девушки ходят обнаженными, не стыдясь своей наготы. Считают они, как и мы, располагая единицы перед десятками...» (Далее рукопись содержит примеры числительных от одного до 16, употребляемых аборигенами. Фонетика числительных сильно итализирована, но даже эта форма записи интересна лингвистам.)

Как видим, источник содержит в основном достоверные сведения об островах и их коренных жителях. Что же касается загадочных, «колдовских» явлений, то включение их в описание неизвестных ранее областей является, пожалуй, традиционным, причем традиция эта, по-видимому, восходит к античности. Вспомним здесь устрашающие подробности из описания плавания Ганнона, или хорошо известные описания чудес в Геродотовой «Истории» в рассказах об Африке и других отдаленных местах ойкумены, или фантастические элементы в арабской географической литературе.

Значение сведений, содержащихся в рукописи Боккаччо, трудно переоценить. По мнению испанского ученого Фермин дель Пино, великий итальянский писатель и гуманист раннего Возрождения был не просто пере-

водчиком на латышь текста отчета об экспедиции (как это полагают некоторые исследователи). Дж. Боккаччо отредактировал текст, дополнил его данными, почерпнутыми из других источников, расширив при этом этнографические разделы [Pino, с. 134—146]. Рукопись действительно поражает широтой этнографических сведений. Однако о существовании других столь же подобных источников, кроме писем флорентийских купцов, можно лишь строить предположения.

Итак, в 1341 году многотысячелетнее «открытие» Канар было завершено. Любопытно и важно подчеркнуть, что экспедиция, достигшая в этом году архипелага, была интернациональной.

Сложность вопроса об обнаружении Канарских островов заключается вот еще в каком обстоятельстве. Все те, кто приплывал на архипелаг, чтобы на нем остаться, тоже как бы открывали его для себя — и кроманьонцы, и протосредиземноморцы, и мигранты, принесшие сюда ливийскую письменность, подобную тифинаг туарегов Сахары, и другие безымянные переселенцы. Как уже отмечалось, знания о Канарах, по-видимому, не стирались в памяти жителей атлантического побережья Северо-Западной Африки и Пиренейского полуострова, особенно тех, кто рыбачил в водах, где господствует Канарское течение. Если же говорить о жителях Восточного Средиземноморья, то первооткрывателями островов были, скорее всего, мореплаватели Эгейского бассейна, чьи географические открытия легли в основание древних мифов и современных научных представлений.

Еще о письменных и иных источниках. Источники по истории и этнографии Канарских островов весьма разнообразны. Здесь и письменные свидетельства античных и средневековых авторов, и нотариальные записи, данные антропологии и памятники материальной культуры, пиктограммы, данные лингвистики, топонимики и естественных наук, а также свидетельства путешественников XVIII — начала XIX века.

Два античных памятника, в которых говорится о Канарских островах, текст из «Естественной истории» Плиния Старшего и отрывок из «Руководства по географии» Клавдия Птолемея, дополняют свидетельства об островах в Атлантическом океане, а также о народах Северной Африки, имеющиеся в сочинениях античных авторов, и прежде всего в «Ливийском логосе» Геродота. Данные о Канарах, как мы видели, содержат также не-

которые памятники арабской географической литературы рубежа I—II тысячелетий н. э. Но среди первых средневековых письменных источников безусловно важнейшей по полноте предоставляемых данных является рукопись об экспедиции 1341 года.

В XV веке конкистадоров обычно сопровождали хронисты, донесшие до нас некоторые подробности завоевания островов и сведения об их коренных жителях. Так, в экспедиции Жана де Бетанкура, закончившейся покорением островов Лансароте, Фуэртевентура и Иерро, принимали участие францисканские монахи Пьер Бонтье и Жан де Веррье. Их хроника рассказывает о завоеваниях, о попытках подчинить другие острова, а также содержит ценнейшие, хотя и краткие, сведения об аборигенах. Среди других источников этого периода отметим посвященные Канарам главы в «Хронике Гвинеи» Томаша Зурары — ценном историческом документе о первых плаваниях португальцев к берегам Африки. Канарские острова этот мореплаватель посетил в середине XV века.

В течение двух последующих столетий архипелаг посещали многие миссионеры, путешественники, ученые, записки которых представляют для нас немалую важность. К сожалению, не все эти документы, как и некоторые хроники предшествующего периода, были доступны автору этой работы. В ряде случаев приходилось пользоваться лишь фрагментами из них, приводимыми в разных научных работах.

Сведения о Канарских островах и об их аборигенном населении содержатся в сочинениях Лас Касаса, великого испанского гуманиста, историка и публициста. Он побывал впервые на архипелаге весной 1502 года, остановившись здесь на несколько недель по пути в Вест-Индию [Vida y escritos, с. 15—16]. Защитник индейцев Америки сочувственно отнесся и к аборигенам Канар и гневно осудил завоевателей, убивавших и порабощавших «неверных» [Las Casas, с. 108].

Доминиканский священник Алонсо де Эспиноса, привлеченный на Tenerife «таинственным» появлением там задолго до христианизации его населения священного изображения девы Марии с младенцем, прожил на этом острове несколько лет в конце XVI века. Его хроника была опубликована в Севилье в 1594 году. Первая книга — «Описание Tenerife и его населения» также привлечена к исследованию.

Немалый интерес представляет хроника коренного тенефца Хуана Нуньеса де ла Пенья, жившего на рубеже XVII—XVIII столетий. Он рассказывает как об аборигенах в период колонизации островов, так и о современных ему событиях. Его сообщения отличаются относительной полнотой, однако они относятся в основном к его родному острову.

Хроники XV и следующих веков требуют значительного анализа на достоверность. Кроме модернизаций, допускаемых хронистами, в этих памятниках отражены изменения, происшедшие в жизни аборигенов после первых контактов с европейцами. Общей чертой всех средневековых хроник является также неполнота сведений о коренных жителях архипелага. Авторы сообщали обычно лишь о наиболее интересном, экзотическом из жизни канарцев, в то же время многие важные стороны аборигенной культуры (особенно духовной) остались без внимания.

Ценнейшими источниками, в которых сообщается о положении коренного населения в начале XVI века, являются записи нотариальной конторы на Тенерифе и некоторые другие документы, фиксирующие различные стороны жизни на этом острове. Эти материалы изданы Институтом по изучению Канар при Университете в Ла-Лагуне-де-Тенерифе в серии «*Fontes Rerum Canariae*», представляющей собой сводку источников и монографических исследований по истории архипелага*.

Письменные свидетельства являются основными источниками для реконструкции господствовавших на Канарах социально-экономических отношений и духовной культуры аборигенов.

Многое о прошлом Канар могут рассказать памятники материальной культуры. Однако глубокое археологическое изучение архипелага сталкивается вплоть до настоящего времени с рядом трудностей. Главная из них — это крайняя редкость стоянок с ярко выраженной стратиграфией. Культурный слой в пещерах, служивших основным местом для жилья и захоронений, как правило, очень тонок. Канарцы жили в пещерах в течение многих тысячелетий (некоторые пещеры использовались для жилья еще совсем недавно) и, естественно, регулярно

---

* Выражаю искреннюю благодарность ректору Университета в Ла-Лагуне-де-Тенерифе господину Антонио де Бетанкур Масье, любезно приславшему значительное количество источников, монографий и статей, отсутствовавших в библиотеках Советского Союза.

вычищали их, вследствие чего остатки материальной культуры часто обнаруживаются вблизи этих пещер без стратиграфической упорядоченности. Первые пещерные стоянки с достаточно четкой стратиграфией были открыты лишь около 20 лет назад [Pellicer Catalán, с. 68—70]. Ценный и разнообразный материал дают пещеры для захоронений, где останки найдены вместе с погребальным инвентарем.

Часть археологических памятников, и возможно немалая, погребена под продуктами вулканических извержений. В целом относительная бедность Канар выявленными археологическими памятниками служит одним из препятствий на пути решения многих загадок.

Среди археологических находок важное место занимают пиктографические памятники. Значительное число канарских петроглифов было впервые обнаружено в начале второй половины прошлого столетия. Находки эти продолжают и в настоящее время. Петроглифы, встречающиеся на Канарских островах, можно условно разделить на геометрические (спирали, двойные спирали, концентрические круги и др.), зооморфные и антропоморфные. Наиболее часто встречаются геометрические петроглифы. Правда, на островах Тенерифе и Гомера, как уже отмечалось, они отсутствуют.

Специальных трудов, в которых были бы исследованы канарские пиктограммы, нам найти не удалось. Однако в некоторых работах приводятся иллюстрации пиктографического материала, выявленного в приатлантических районах Европы и Африки и на островах Атлантического океана от Канар до Ирландии. Знакомство с этим материалом оказалось полезным как при решении проблемы этногенеза канарцев, так и при изучении их духовной культуры. Канарские петроглифы изучали Л. Диего Куской, С. Хименес Санчес и некоторые другие ученые. Проблемы, связанные с происхождением и распространением петроглифов в указанном районе, а также с выполняемыми ими функциями, широко дискутировались на Третьем национальном археологическом конгрессе в Галисии в 1953 году [III Congreso].

Завершая разговор об источниках, использованных при написании этой книги, скажем несколько слов о свидетельствах путешественников XVIII — начала XIX века. В это время зарождается академический интерес к истории и культуре канарцев. Ряд путешественников и ученых зафиксировали в письменном виде и в

рисунках свои наблюдения природы Канарских островов и жизни их обитателей, широко используя при этом материалы хроник предшествующих веков. Среди сочинений подобного рода можно отметить работы Джорджа Гласа и Александра Гумбольдта.

История изучения древних канарцев. «...Зрелище напоминало нам о загадочных коренных жителях Тенериффы, про которых говорили, будто они могли есть только растительную пищу, ибо их челюсти были похожи на челюсти животных, питающихся одной травой» [Коцебу, с. 35]. Так писал, проплывая мимо Канар в начале XIX века, капитан российского флота Отто Коцебу. Видим, сколь фантастичны были представления об аборигенах острова, бытовавшие около двух столетий назад. Впрочем, в популярной литературе и теперь можно встретить не менее фантастичные утверждения.

Проблемы этнической истории аборигенов и современных жителей архипелага, как и прежде, привлекают большое внимание ученых, причем особый интерес вызывают вопросы, связанные с ранними этапами этой истории. Литература, посвященная канарской проблематике, огромна. Достаточно сказать, что около 20 лет назад в Австралии был создан международный Канарский институт, который занимается указанными выше вопросами. Немалая работа по изучению истории коренного населения архипелага ведется на месте сотрудниками созданных там научных учреждений: Институтом по изучению Канар при Университете в Ла-Лагуна-де-Тенерифе, археологическим музеем на этом же острове, Мусео Канарио в Лас-Пальмасе и другими. Обращаются к канарской проблеме и испанские ученые, живущие на материке.

Однако, несмотря на проведенную к настоящему времени работу, ученые все еще не могут дать ответ на многие вопросы, в частности на вопрос о времени и исходных пунктах первых миграций на острова. Для этого необходимо провести новые исследования, выявить и проанализировать новые источники.

Для ответа на все эти вопросы необходим также тщательный анализ всех уже имеющихся данных. Огромное значение для решения проблем канароведения имеет применение комплексного метода исследования, разработанного советскими учеными. «Суть этой методики... заключается в обязательном широком комплексном использовании объективных данных этнографии.

антропологии, археологии, лингвистики, истории, фольклора и ономастики» [Итс, 1973б, с. 33—34], а также геологии, палеонтологии, палеогеографии и других наук.

Начало научному изучению коренного населения Канарских островов положил в 30-х годах прошлого века Сабин Бертло, в течение долгого времени бывший французским консулом на Тенерифе. Его внимание привлекали как современные ему жители островов, так и археологические памятники и костные останки древних канарцев. Отвечая на вопрос об их первоначальной родине, ученый указывал на этнические и культурные параллели с Северной Африкой. Многие из предложенных им гипотез только теперь находят достаточное научное обоснование. С. Бертло подошел к изучению населения Канар и с позиции этнографа. «Естественная история Канарских островов», в написании которой он принял участие, является наиболее полным и выдающимся произведением XIX века на эту тему [Webb; Berthelot].

Интерес к «канарской проблеме» значительно возрос со времени антропологических открытий, произведенных на архипелаге Рене Верно.

Из работ XIX века следует выделить также труд Г. Чиль-и-Наранхо, первая часть которого (в двух томах) посвящена истории архипелага и его коренного населения. В этом сочинении сведены воедино ценнейшие источники и приведены мнения по разным аспектам канарской проблемы, высказанные учеными за предшествующее столетие [Chil y Naranjo]. Г. Чиль-и-Наранхо основал Музео Канарио, где хранится огромная коллекция археологических и других материалов.

Но решающие исследования, которые, по словам В. П. Алексеева, лишили канарскую проблему ореола таинственности и в то же время поставили ее «на твердые рельсы объективного наблюдения» [Алексеев, 1974, с. 216], были проведены в нашем веке, особенно в последние десятилетия. Антропологическую часть их выполнили Э. Хутон, И. Швидецки, М. Фустэ и другие ученые. Среди них следует выделить работу И. Швидецки [Schwidetzky, 1963]. Ее отличает полнота обработанного материала. «Такая полнота материала наряду с его количеством,— по мнению В. Алексеева,— практически лишает значения все предшествующие сводки... книга И. Швидецки вводит в науку великолепный новый материал по краниологии одного из интереснейших народов Западного Средиземноморья» [Алексеев, 1965, с. 179].

Как мы видели, в работах И. Швидецки наряду с проблемой этногенеза аборигенов архипелага исследуется и их социальный строй.

М. Фустэ занимался исследованием как костных останков древних канарцев, так и изучением антропологии современного населения восточных островов архипелага, входящих в провинцию Лас-Пальмас. Его труды позволили выявить тесную генетическую связь современных жителей с аборигенами Канар. М. Фустэ внес большой вклад в подготовку к публикации незавершенной работы Р. Верно по антропологии древних канарцев. В процессе редактирования он стремился дополнить, уточнить и обобщить полученные Р. Верно материалы.

Археологическая изученность архипелага еще в 1940 г. была немногим большей, чем столетие назад, во времена С. Бергло. Однако в последующие годы начались интенсивные археологические раскопки, одним из инициаторов которых был Э. Серра-Рафольс [Diego Cuscoy, 1971—1972]. Результаты раскопок были описаны в многочисленных работах этого ученого. Им был также проделан большой труд по подготовке к публикации письменных памятников по истории Канар, относящихся ко времени начала испанского владычества на архипелаге. Значительный вклад в археологическое изучение Канарских островов внесли также Л. Диэго Куской и С. Хименес Санчес.

Важные исследования по канарской проблеме были проведены Д. Вельфелем. Большое значение имеет, в частности, уже упоминавшийся выше труд о канарском языке. В этом труде, как и в других работах Д. Вельфеля, содержатся интересные идеи, развиваемые ныне его учениками, сотрудниками Канарского института в Австрии, исследования которых публикуются в периодически издаваемом сборнике «Альмогарен».

В советской исторической науке «канарский вопрос» неоднократно затрагивался при рассмотрении проблемы платоновской Атлантиды. Одним из первых коснулся этого вопроса Б. Л. Богаевский. Он справедливо указывал на неолитический характер культуры коренного населения островов и отмечал ее связи с культурами Средиземноморья. Вместе с тем Б. Л. Богаевский оставался на уровне знаний своего времени и не предпринял серьезных попыток по-новому взглянуть на канарскую проблему [Богаевский].

Н. Ф. Жиров, многие годы занимающийся атлантоведением, посвящает древним канарцам несколько страниц своей книги [Жиров]*. Говоря о первой волне заселения архипелага, он поддерживает гипотезу о переходе кроманьонцев на острова по сухопутному мосту в эпоху их расселения, т. е. 20—30 тысяч лет назад. Атлантологическая направленность книги затемняет, если не искажает, решение интересующего нас вопроса.

По верному замечанию испанского ученого С. Лопеса Эрреры, популярность легенды об Атлантиде возросла сегодня и среди ученых [Lopez Herrera, с. 36]. Но для решения проблемы этногенеза аборигенов Канар, на наш взгляд, нет никакой необходимости прибегать к этой, в значительной мере спекулятивной гипотезе. Вместе с тем следует отметить, что археологическое исследование прилегающего к Гибралтарскому проливу района Атлантики, возможно, и пролило бы некоторый свет на историю указанного региона.

В 70-х годах в советской научной литературе появились работы, в которых затрагиваются некоторые вопросы антропологии коренных жителей Канарского архипелага. Речь идет о привлекавшихся к исследованию работах В. П. Алексеева и Я. Я. Рогинского. Единственной работой, специально посвященной истории Канарских островов (правда, сравнительно позднему историческому периоду), является неоднократно цитированная выше статья И. В. Рябиковой. Источниковая база статьи довольно узка, а в прилагаемой библиографии совершенно отсутствует литература на испанском языке. Однако работа И. В. Рябиковой не лишена достоинств. Так, автор привлекает внимание советской научной общественности к истории Канар, правильно характеризует уровень социально-экономического развития канарского общества накануне захвата островов европейцами, дает верную оценку места «канарского этапа» в колониальном движении эпохи первоначального накопления.

В целом же можно сказать, что канарской проблемой советские ученые занимались пока еще очень мало. Из того, что сделано, значительный интерес представляют лишь работы советских антропологов. Этнография Канар почти не получила в отечественной науке какого-либо освещения.

---

* Среди научно-популярной литературы заслуживает внимания книга Г. И. Босова «Сильбо Гомера и другие» (М., 1985), написанная в научно-художественном жанре.

В испано-канарской поэзии *. В поэтическом творчестве островитян, горячих патриотов своего края, также можно почерпнуть дополнительные краски, позволяющие полнее представить современную испано-канарскую культуру. Одним из первых здешних поэтов был гран-канарский священник Бартоломе Каираско, живший во второй половине XVI века. Для его поэзии характерные черты испанской литературы зрелого Возрождения. Вот его строки, посвященные лесу Дорамаса, одного из вождей аборигенного населения, оказавшего сопротивление испанцам при завоевании Гран-Канарии:

Этот лес тенистый,
Что носит имя славного Дорамаса,
И эти деревья,
Что несут прохладу,
    подобно деревьям в горах Ливана,
И высоченные пальмы,
Что выше египетских пирамид.
Эти пальмы
Одаривают время от времени
    гроздьями сладких фиников.
Здесь многоголосым пением
Наполняют воздух разноцветные птицы.
Зеленый вьющийся плющ
Опутывает стволы деревьев.
И, холоднее льда,
Бьют ключи из бесплодных скал.

Другим поэтом этого времени был Антонио де Вьяна, родившийся в Ла Лагуне на Тенерифе в 1578 году. Написанное им в стихах историческое сочинение «Древности Счастливых островов Гран-Канарии, завоевание Тенерифе и появление святого образа Канделярии» частично уже использовалось нами при написании книги. Приведем несколько более обширных фрагментов из этой поэмы, в чем-то дополняющих ранее сказанное, в частности, об этнографии автохтонного населения Канар. Вот что говорит Вьяна о гуанчах:

Большинство из них были
Великодушны, мужественны, горды,
Отменно сильны, красивы, грациозны,

---

* Выражаю искреннюю благодарность Хосе Луису Пуриньос Гонсалесу, испанскому содиректору отделения Совиспана в Лас-Пальмасе, за любезно подаренные в период подготовки рукописи к печати новые публикации по истории Канар, и в том числе объемный том *Natura y cultura de las Islas Canarias. La Laguna (Tenerife)*, 1986,—энциклопедию Канарских островов, материалы из которой частично использованы при написании данного раздела.

Стройны, исполинского роста.
Лица их жизнерадостны, выразительны
и приветливы,
Ум острый, память глубокая.
Обхождения они были благородного,
вежливого и приятного
И были полны любовью к своей Родине
И беспредельно преданы ей.

А несколько ниже поэт дополняет и уточняет физический и духовный облик аборигенов Тенерифе:

Телом они были стройны и изящны,
Крупные, подобны гигантам.
Широкий, с залысинами лоб изборожден морщинами.
Спутанные волосы коротки, но густы.
Выражение лица жизнерадостное и непосредственное.
Лицо смуглое, глаза черные, живые,
Ресницы длинные, брови густые.
Нос пропорционален, ноздри широкие.
Длинные и густые усы также нерасчесанные.
Они прикрывают губы,
За которыми скрывается немыслимое число зубов,
Подобных алмазам. Длинная, густая,
Седая борода, цвета снега,
Ниспадает почти до пояса.
Руки мускулистые, со следами многочисленных увечий,
Ноги прямые, сильные, с крупными коленями,
Маленькими, но крепкими ступнями.
Были они в основном холериками,
С некоторой примесью сангвинического характера.
В мыслях они доверчивы и возвышенны.
Они справедливы, скромны, серьезны,
Благоразумны и необыкновенно мужественны.

В поэме Вьяна неоднократно воспеваает красоту канарских женщин. Например, о «принцессе» Дасиле, дочери вождя-менсея Бенкомо, он пишет:

Она изящна, грациозна и привлекательна,
У нее широкий, мудрый лоб, окруженный
Длинными, будто позолоченными солнцем, волосами...
А сколь прекрасен румянец ее щек...
И, как чистое небо звездами, она осыпана
Веснушками, будто золотыми цветами...
Заостренный нос пропорционален,
Рот изящный, полные губы
Кажутся сделанными из чистейших кораллов,
А сдержанная улыбка то скрывает,
То открывает зубы цвета слоновой кости,
Подобные богатым жемчугам или сверкающим алмазам.

Описывая сестру Дасилы Росальву, Вьяна воспеваает подобного же типа аборигенку (светловолосую, с голубыми глазами и меланхолическим взглядом; ни в чем

не уступающую по красоте своей сестре). Но вот он говорит о Гуасимаре, дочери вождя племени Анага, и мы видим, что она носительница несколько иного варианта антропологического типа, который был распространен на острове:

Ровный нос, маленький рот,
Скрывающий драгоценный жемчуг,
Окруженный кораллами губ,
Полных, небольших, пурпурного цвета.

Смуглая Гуасимара, пишет далее поэт, была высокой и крепкого сложения, ее косы были уложены в виде короны, черные глаза излучали радость жизни; природа наделила ее мужской силой.

Уже из приведенных отрывков видно, что Антонио де Вьяна идеализирует физический облик и духовный мир коренных жителей Тенерифе, а порой даже допускает поэтические вольности, вероятно восходящие к народной традиции (в другом месте поэмы он говорит о восьмидесяти зубах у островитян). Некоторая идеализация автохтонов Канар определяется, по-видимому, ренессансной идеей о золотом веке. Подобное мы встречаем в драме Лопе де Веги «Тенерифские гуанчи и завоевание Канарских островов», который пользовался при ее написании трудом Вьяны.

«Как действительное воплощение мечты о золотом веке Лопе изображает... общественное устройство тенерифских гуанчей» [Балашов, с. 143]:

Мы живем в бедных хижинах,
Среди нас нет никого, кто нарушал бы законы,
Нет ни одного человека, который лгал бы...

«Испанский командующий иронически отзывается о «короле — погонщине коров»... но Лопе всячески старался приблизить к зрителю этот заветный, восходящий к мифологии и античным поэтам образ вождя-пастуха [Балашов, с. 143]:

...Царь без золота и серебра,
Без пышности и величия,
Без дворцов и без стражников,
Человек, что, как и мы,
На этих лугах пасет
Горных коз...

Еще одно отражение упомянутой ренессансной идеи мы снова находим у Вьяны:

Доброта потому так ценится, что дороже ее нет
ничего на свете.

И тот, кто остается порядочным на войне
Среди опасностей, зла, жестокости и утрат,
Достоин восхищения.
Именно таким был мужественный вождь Бенкомо,
Заботливый, трудолюбивый,
Занятыми делами, обычными для военного времени,
Стремился задать службу своим воинам.
Некоторые тесали из толстых стволов
Прочных диких олив увесистые булавы
И тяжелые дубины,
Другие прокаливали и заостряли короткие копья
Из тонких пальм и смолистой сосны,
Третьи затачивали острие
Мечей, шпаг, копий, пик,
Добытых в справедливой борьбе
У хорошо вооруженных испанцев.

Вот еще отрывок из сочинения Антонио де Вьяны,
в котором говорится о принятии присяги новым прави-
телем на Тенерифе:

В первый день [правления] в каждом «царстве»
Собирались все подданные,
Чтобы выразить свое повиновение правителю,
«Идальго» и «знатные» преклоняли колена.
Все целовали его правую руку,
А особы более знатного происхождения — левую,
Произнося со смиренным почтением:
«Занаят гуайоек», что значит
По-кастильски «Я твой подданный».
Другие люди — низкого происхождения —
Приносили мягкие выделанные шкуры
Или красивые, с приятным запахом цветы
И целовали правителю
В знак преданности и признания его вождем
Обе ноги, отерев их...
Затем многоголосое эхо разнесло
Выкрики, свист, воинские кличи,
И вышел Тигаига, храбрый военачальник,
С более чем тысячью бесстрашных воинов,
Вооруженных увесистыми палицами.
Стоящие впереди выкрикивали:
«Ачит гуаньот менсей, ресте Бенком!» —
Что означает на кастильском
«Да здравствует Бенкомо, наш вождь и покровитель!» —
На что арьергард отвечал:
«Гуайакс эчей, офиак насете саана!» —
Что значит «Да пусть не сломят его
Никакие превратности судьбы!»

Приведенные фрагменты из поэмы Антонио де Вьяны
вводят нас в мир капарской поэзии позднего средневе-
ковья, дополняют уже сказанное об аборигенах. Оста-

ется только сожалеть об отсутствии у нас полного ее текста. Предметом специального рассмотрения может быть сравнение текстов упомянутой драмы Лопе де Веги и сочинения Вьяны.

Любопытны образцы народной испано-канарской поэзии. Например, этот романс:

— Эй, пастух, женись на мне!
Посмотри, как хороша!
Храню козочек тебе...
Я священнику родня.
— Сам могу пасти я коз,—
деревенщина сказал.—
Мое стадо высоко,
с ним я буду спать у скал.
— Эй, пастух, женись на мне!
Есть и деньги у меня,
у священника на кухне
полкубышки для тебя...
— Деньги спрячешь ты в чулок,—
деревенщина сказал.—
Мое стадо высоко,
с ним я буду спать у скал.

...Или вот эти «частушки», пением которых сопровождается танец в ритме польки:

Деревья кора берегает,
от солнца спасает сомбреро,
а остров Фуэртевентуру
веками хранят махореры.

Потаскушка вышла замуж —
дельно поступила:
если б месяц протянула —
уж дитя крестила.

Говорят, когда-то польку
танцевали в залах только,
но погонщики украли
и крестьянам передали

В поэзии XIX—XX веков также немало произведений, написанных с любовью к родному краю:

Поклон тебе, Иерро,— младшóй.
Вальверде встречает зеленый.
Гомеры заросшие склоны
одарят любого с лихвой —

поклон, плодородный Гомера.
И Пальме поклон посылаю:
скалистая цепь, городская —
ты город и ты — Ла-Кальдера.

Поклон, Лансароте, рыбачий.
Европа здесь с Африкой слиты.
Фуэртевентура — Кастилья,
у моря равнины Ла-Манчи —

поклон вам, земные просторы.
Поклон, Гран-Канария — остров
смешенья культур и народов,
и вам, многоликие горы...

Поклон, Тенерифе, и слава
менгиру истории нашей.
О Тейде, отец седовласый.
Тебе лишь, застывшая лава,
я сердце навеки вручаю,
Навария, матре родная.

Рамон Хиль Рольдан

* * *

Моя Родина — не мир многострадальный *,
не Европа, не Парижи здешние,
Родина моя — дерево миндальное,
сладкое, тенистое, нежное.

Сколько мной дорог на свете пройдено,
и была повсюду эта боль.
О тебе все думы мои, Родина,
берег мой, дарованный судьбой.

Сколько раз мне снились зори ясные,
пробуждая дух мой островной,
и пока жива ты — не угаснет он,
будет в сердце бить мое волной.

Родина, тропинка моя, хижина,
словом я к скале твоей приник,
и тебя вершиной мира вижу я,
Родина — целебный мой родник.

Николас Эстебанес

Фолиям — танцам, сопровождаемым пением, посвящено следующее стихотворение. Фолии впитали в себя доиспанские музыкальные традиции. Движения неторопливы и церемонны. Кавалер выказывает даме свое уважение и не прикасается к ней. Слова сентиментальны:

Это песня лебедя — фолии,
птицы парящей в последнем полете,
голос прощания в ней узнаете,
танец предсмертной агонии.

---

* Это и следующие стихотворения переведены Вс. М. Кузнецовым.

Плач в нем и радость, восторг, наслаждёнiе,
боль и тоска, ожиданье разлуки,
каждый найдет для себя только звуки,
те, что так сходны с его настроением.

Сладкие звуки, нотки печали —
все, чем живет моя Родина милая,
веру с иллюзией вы повенчали,
фолии, фолии, радость унылая.
Страстные души вас создавали,
море ласкало своими приливами,
фолии, фолии...

Гильермо Перера

* * *

Порт Гран-Канарии в звездной Атлантике,
свет маяков, чародейство луны,
весь ты овеян лазурной романтикой,
спишь, погрузившись в купель тишины.

Плещут о молы звонкие волны,
шум их напомнил мне песню весла...
Трутся о пирс изумрудные воды,
робко ласкаясь, — и нет им числа.

А на смоленых бортах кораблей
вьются, как волосы, блики огней —
свежая память о замершем пляже.

И неотвязная, словно тоска,
льется протяжная песнь моряка,
якорем тяжким на душу ляжет...

Томас Моралес

Завершая небольшой и не претендующий на полную экскурс в испано-канарскую поэзию, приведем высказывания о Канарах испанского писателя и философа Мигеля де Унамуно. В 1924 году он был выслан на Фуэртевентуру и провел на острове несколько месяцев. Он писал: «Этот окружающий нас со всех сторон морской простор живителен. Когда-то из моря поднялись острова. Мощные сотрясения, титаническая борьба между Вулканом, богом огненных недр земли, и Нептуном, богом необъятных морских просторов, сопровождала их появление. Эти острова, окутанные некоторое время густым туманом легенды, которые какой-то фантазер называл остатками древней Атлантиды, были поднявшимися вулканическими конусами. Среди них блуждал мифический остров Сан-Борондон, названный в честь святого ирландца, который среди полярных льдов встретил

предателя Иуду, выходявшего каждый год на рождество из ада...»

«Канарские острова — это расцвеченный постоянный двор на пересечении многих дорог... Чтобы отдохнуть в путешествии, один заходит провести здесь ночь, другой — найти утешение, а иной — ступить на твердую землю».

Герой древнегреческой мифологии Геракл по пути на Эритею, остров, где он должен был добыть красных коров Гериона и совершить тем самым свой десятый подвиг, придя в Тартесс, «поставил там памятные знаки о своем походе на границах Европы и Ливии — две одинаковые каменные стелы» [Аполлодор, II, V, 10]. Столпы Геракла обычно идентифицируются с горами Абила (Сеута) и Кальпа (Гибралтар), расположенными на восточных оконечностях мысов по обе стороны пролива, соединяющего Средиземное море с Атлантикой. По свидетельствам античных авторов, Геракл при этом то ли сузил пролив, сдвинув эти две горы, дабы помешать морским чудовищам проникать из Океана в Средиземное море, то ли, напротив, раздвинул прежде слитые воедино горы, и открыл тем самым путь к Океану. По мифологическим представлениям древних, за Геракловыми (у финикийян — Мелькартовыми) Столпами лежат воды Океана, омывающего на крайнем западе границы между миром жизни и смерти. На этой границе и располагались острова Блаженных — современные Канары. С преднаучными данными как бы согласуются результаты современных исследований.

Одним из итогов комплексного рассмотрения археологических, антропологических, лингвистических, этнографических и других источников является вывод о бесспорной принадлежности Канарских островов к средиземноморскому миру: в антропологическом отношении они примыкают к западносредиземноморскому очагу расообразования, а в культурно-историческом плане — неотделимы от всего Средиземноморья. Особенно большое сходство многих черт канарской культуры выявляется при сравнении с древними североафриканскими и сахарскими культурами, также входившими в большой средиземноморский этнокультурный комплекс.

Специфические условия относительной изоляции создали на территории архипелага своего рода музей, где вплоть до эпохи великих географических открытий развивались культуры, занесенные сюда в различные пе-

риоды истории. Заселение Канарских островов, бесспорно, происходило с близлежащих берегов африканского материка. Существенным импульсом миграции на архипелаг послужило окончательное высыхание Сахары, происходившее, по мнению ученых, в III—II тысячелетиях до н. э. В то же время на Канары могли попадать и, видимо, попадали также и выходцы из других районов Средиземноморья и приатлантической Европы, чему во многом благоприятствовало Канарское течение.

Изучение материальной культуры коренных жителей архипелага показывает, что к моменту прихода европейцев аборигены находились на стадии неолита, однако уровень культурного развития заметно вырвался от острова к острову. Наиболее высокого уровня достигли жители крупных островов. Представляется, что сравнительно невысокий неолитический уровень материальной культуры является отчасти следствием проживания автохтонов в условиях относительной изоляции, приводившей к культурной деградации прибывавших на острова мигрантов, которые до переселения на архипелаг находились на более высокой ступени развития.

В социальном отношении островитяне находились на стадии разложения первобытнообщинного строя. Социальные структуры на разных островах Канарской группы были различны. Жители Гран-Канарии стояли уже на грани перехода от первобытнообщинного строя к классовому. Отстававшие же по уровню своего общественного развития от других островитян аборигены Пальмы и Гомеры находились лишь на самом раннем этапе разложения родового строя.

Этническая специфика Канар была в дальнейшем во многом утрачена, но и сейчас архипелаг является одним из любопытных уголков мира в этнокультурном отношении.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ*

- Маркс, Объявление войны.— *Маркс К.* Объявление войны.— К истории возникновения восточного вопроса.— Т. 10.
Маркс, Капитал.— *Маркс К.* Капитал. Т. I.— Т. 23.
Маркс, Хронологические выписки.— *Маркс К.* Хронологические выписки.— Архив Маркса и Энгельса. М., 1940, т. VII.
Энгельс, Алжир.— *Энгельс Ф.* Алжир.— Т. 14.
Ленин, Аграрный вопрос.— *Ленин В. И.* Аграрный вопрос и «критики Маркса».— Т. 5.

Источники

- Аполлотор.— *Аполлотор.* Мифологическая библиотека. Л., 1972.
Арабские источники, 1960.— Арабские источники VII—X веков по этнографии и истории Африки южнее Сахары. М.— Л., 1960.
Арабские источники, 1965.— Арабские источники X—XII веков по этнографии и истории Африки южнее Сахары. М.— Л., 1965.
Гальфрид.— *Гальфрид Монмутский.* Жизнь Мерлина.— *Гальфрид Монмутский.* История бриттов. Жизнь Мерлина. М., 1984.
Геродот.— *Геродот.* История в девяти книгах. Л., 1972.
Гомер.— *Гомер.* Одиссея. М., 1982.
Гораций.— *Гораций.* Сочинения. М., 1970.
Гумбольдт.— *Гумбольдт А.* Путешествие в равноденственные области Нового Света в 1799—1804 гг. Т. I. М., 1963.
История Африки.— История Африки. Хрестоматия. М., 1979.
Максимов.— *Максимов Е. Н.* Папирус № 1115 из собрания Государственного Эрмитажа (перевод и некоторые замечания).— Древний Египет и древняя Африка. М., 1967.
Плутарх.— *Плутарх.* Сравнительные жизнеописания. Т. II. М., 1963.
Путешествия.— Путешествия Христофора Колумба. Дневники. Письма. Документы. М., 1956.
Страбон.— *Страбон.* География в 17 книгах. М., 1964.
Воссассио.— *Воссассио G.* De Canaria et de insulis relicuis ultra Hispaniam in Oceano noviter repertis.— Monumenti di un monoscritto autografo e lettere inedite di messer Giovanni Vossaccio il tutto nuovamente trovato ed illustrato de Sebastiano Ciampi. Milano, 1830.
Las Casas.— *Las Casas B. de.* Historia de las Indias. México — Buenos Aires, 1951, t. I.
Diod.— *Diodorus Siculi.* Bibliothecae historicae. Hanoviae, 1605.

---

* Труды К. Маркса и Ф. Энгельса даются по 2-му изданию Сочинений, В. И. Ленина — по Полному собранию сочинений.

- Espinosa.— *Espinosa A. de*. The Guanches of Tenerife. The Holy Image of Our Lady of Candelaria and the Spanish Conquest and Settlement. L., 1907.
- Glas.— *Glas G*. Descripción de las Islas Canarias (FRC, XX). La Laguna-Tenerife, 1976.
- Diego Gomes.— *Diego Gomes*. Ralação dos Descobrimentos da Guiné e das Ilhas.— Documentos sôbra a expansão portuguesa. Lisboa, 1944, vol. I.
- González Yanes, Marrero Rodríguez.— *Conzález Yanes E. y Marrero Rodríguez M*. Protocolos del escribano Hernan Guerra. La Laguna, 1508—1510 (FRC, VII). La Laguna, 1958.
- Marrero Rodríguez.— *Marrero Rodríguez M*. Extractos del protocolo de Juan Ruiz de Berlanga. 1507—1508 (FRC, XVIII). La Laguna-Tenerife, 1974.
- Navarrete.— *Navarrete M. F. de*. Colección de los viages y descubrimientos que hicieron por mar los españoles desde fines del siglo XV. Buenos Aires, 1945, t. II.
- Peña.— *Nuñez de la Peña J*. Conquista y antigüedades de las islas de la Grande Canaria, y su descripción... Madrid, 1676.
- Plinius.— *Plinius Secundus C*. Die geographische Bücher (II, 242—VI Schluss) der Naturalis historia des C. Plinius Secundus mit vollständigen kritischen Apparat, hrsg. von D. Detlefsen. B., 1904.
- Ptol.— *Ptolemaei C*. Geographia. Scriptorum graecorum bibliotheca. Parisiis, 1901, vol. I, pars 2.
- Raynaldus.— *Raynaldus O*. Annales ecclesiastici. Köln, 1961, t. XVI.
- Serra-Ráfols.— *Serra-Ráfols E*. Las datas de Tenerife (FRC, XXI). La Laguna-Tenerife, 1978.
- Torriani.— *Torriani L*. Die Kanarischen Inseln und ihre Urbewohner von D. J. Wölfel. Quellen und Forschungen zur geschichte der Geographie und Völkerkunde. Lpz., 1940, Bd. 6.
- Vida y escritos.— *Vida y escritos de Don Fray Bartolomé de Las Casas*. Colección de documentos inéditos para la historia de España-Madrid, 1879, T. LXX.
- Wölfel.— *Wölfel D. J*. Monumenta linguae canariae. Die kanarischen Sprachdenkmäler. Graz, 1965.
- Zurara.— *Zurara G. E. de*. Cronica de Guiné.— Documentos sôbra a expansão portuguesa. Lisboa, 1944, vol. I.

КНИГИ И СТАТЬИ

- Алексеев, 1965.— *Алексеев В*. [Рец. на:] Schwidetzky I. Die vörspransische Bevölkerung der Kanarischen Inseln. Anthropologische Untersuchungen. Göttingen—Berlin—Frankfurt, 1963.— Советская этнография. 1965, № 1.
- Алексеев, 1974.— *Алексеев В. П*. География человеческих рас. М., 1974.
- Алексеев, 1978.— *Алексеев В. П*. Палеоантропология земного шара и формирование человеческих рас. Палеолит. М., 1978.
- Алиман.— *Алиман А*. Доисторическая Африка. М., 1960.
- Альтамира-и-Кревеа.— *Альтамира-и-Кревеа*. История Испании. М., 1951, т. 1, 2.
- Альперович.— *Альперович М. С*. О характере и формах эксплуатации индейцев в американских колониях Испании (XVI—XVII века).— Новая и новейшая история, 1957, № 2.

- Андреев.— *Андреев А. Перекресток Атлантики.*— Новое время, 1978, № 39.
- Апродов.— *Апродов В. А. Вулканы.* М., 1982.
- Атлантический океан.— Атлантический океан. География Мирового океана. Л., 1984.
- Балашов.— *Балашов Н. И. Испанская классическая драма в сравнительно-литературном и текстологическом аспектах.* М., 1975.
- Бардин.— *Бардин В. И. Еще одно путешествие на край земли.* М., 1982.
- Бетанкур Эстрелья.— *Бетанкур Эстрелья Р. Генезис испанского колониализма и уничтожение коренного населения Кубы.* Автореф. канд. дисс. М., 1978.
- Бизли.— *Бизли Ч. Р. Генрих Мореплаватель.* М., 1979.
- Богаевский.— *Богаевский Б. Л. Атлантида и атлантская культура.*— Новый Восток. 1926, кн. 15.
- Большаков.— *Большаков А. А. Коренное население Канарских островов на рубеже XV и XVI веков.*— Советская этнография. 1980, № 5.
- Бромлей.— *Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии.* М., 1981.
- Буксин.— *Буксин Ю. На Канарских островах.*— Новое время. 1971, № 31.
- Гаудио, 1958а.— *Гаудио А. Загадка происхождения гуанчей.*— В защиту мира. 1958, № 80.
- Гаудио, 1958б.— *Гаудио А. Загадка происхождения гуанчей.*— В защиту мира. 1958, № 82.
- Гомес-Табанера.— *Гомес-Табанера Х. М. Происхождение и формирование народов Испании.*— Советская этнография. 1966, № 5.
- Григорьев, Леонова.— *Григорьев Г. П., Леонова И. Б. Новое в антропологии и археологии Грота детей.*— Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. М., 1977.
- Гуляев.— *Гуляев В. И. Сколько раз открывали Америку?* М., 1978.
- Даниленко, 1969.— *Даниленко В. Н. Неолит Украины.* Киев, 1969.
- Даниленко, 1974.— *Даниленко В. Н. Энеолит Украины.* Киев, 1974.
- Дебец.— *Дебец Г. Ф. Антропологические данные о заселении Африки.*— Труды Института этнографии. Новая серия. М., 1951, т. 16.
- Дьяконов, Милитарев.— *Дьяконов И. М., Милитарев А. Ю. После-словие.*— *Лот А. К другим Тассили.* Новые открытия в Сахаре. Л., 1984.
- Ельницкий.— *Ельницкий Л. А. Древнейшие океанские плавания.* М., 1962.
- Жиров.— *Жиров Н. Ф. Атлантида.* М., 1964.
- Исаев.— *Исаев Н. Странная вещь! Непонятная вещь! или Александр на островах.*— Литературная учеба. 1985, № 5.
- Итс, 1973а.— *Итс Р. Ф. Этническая история и национальные проблемы развивающихся стран.*— Основные проблемы африканистики. М., 1973.
- Итс, 1973б.— *Итс Р. Ф. Этнокультурное развитие во внешних и внутренних изолятах.*— IX Международный конгресс антропологических и этнографических наук (Чикаго, 1973). Т. 2. М., 1973.
- Кларк.— *Кларк Дж. Д. Доисторическая Африка.* М., 1977.
- Коцебу.— *Коцебу О. Е. Новое путешествие вокруг света в 1823—1826 гг.* М., 1987.
- Красиков.— *Красиков А. А. Испанский репортаж.* М., 1981.

- Крузенштерн.— *Крузенштерн И. Ф.* Путешествие вокруг света в 1803, 1804, 1805 и 1806 годах на кораблях «Надежде» и «Неве» М., 1950.
- Ламанский.— *Ламанский В. И.* Исторические замечания к сочинению «О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании». СПб., 1859.
- Марковин.— *Марковин В. И.* Дольмены Западного Кавказа. М., 1978.
- Монгайт.— *Монгайт А. Л.* Археология Западной Европы. Каменный век. М., 1973.
- Немира.— *Немира И.* На Канарских островах.— Новое время. 1968, № 35.
- Непомнящий.— *Непомнящий Н. Н.* Колесницы в пустыне. М., 1981.
- Ольдерогге.— *Ольдерогге Д. А.* Языки и письменность народов Африки.— Африка. Энциклопедический справочник. Т. 2. М., 1963.
- Пиотровский.— *Пиотровский Б. Б.* Поселения медного века в Армении.— Советская археология. 1949, XI.
- Поплинский.— *Поплинский Ю. К.* Из истории этнокультурных контактов Африки и Эгейского мира. Гарамантская проблема. М., 1978.
- Рогинский.— *Рогинский Я. Я.* Антропологический состав населения Африки.— Расы и народы. М., 1974, вып. 4.
- Рябикова.— *Рябикова И. В.* Захват и колониальное порабощение Канарских островов по данным западноевропейских средневековых хроник XV—XVI вв.— Страны и народы Африки (Страны и народы Востока). М., 1969, вып. 9.
- Серов.— *Серов С. Я.* Народы Пиренейского полуострова.— Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Весенние праздники. М., 1977.
- Современная Испания.— Современная Испания. М., 1983.
- Томановская.— *Томановская О. С.* Когда и с какой целью начались плавания португальцев в Западную Африку? — Труды Института этнографии. Новая серия. Т. 100. AFRICANA, т. IX. Л., 1972.
- Томсон.— *Томсон Дж. О.* История древней географии. М., 1953.
- Трухановский.— *Трухановский В. Г.* Адмирал Нельсон. М., 1980.
- Фаворская.— *Фаворская М. А.* На Канарских островах.— Природа. 1969, № 6.
- Хенниг.— *Хенниг Р.* Неведомые земли. М., 1961, т. 1; 1961, т. 2; 1962, т. 3.
- Циркин, 1966.— *Циркин Ю. Б.* Первые греческие плавания в Атлантическом океане.— Вестник древней истории. 1966, № 4.
- Циркин, 1975.— *Циркин Ю. Б.* Путешествие Полибия вдоль атлантических берегов Африки.— Вестник древней истории. 1975, № 5.
- Циркин, 1976.— *Циркин Ю. Б.* Финикийская культура в Испании. М., 1976.
- Шифман, 1963.— *Шифман И. Ш.* Возникновение Карфагенской державы. М., 1963.
- Шифман, 1965.— *Шифман И. Ш.* Финикийские мореходы. М., 1965.
- Abercromby.— *Abercromby J.* A Study of the Ancient Speech of the Canary Islands.— Varia Africana I. Harvard African Studies I. Cambridge (Mass.), 1917.
- Aguado.— *Aguado M. M.* Sobre el poblamiento de la cuenca del Tajo en el paleolítico inferior, a partir de las costas atlánticas de Marruecos.— V Congreso panafricano de prehistoria y el estudio del cuaternario... Santa Cruz de Tenerife, 1966, t. II.

- Alcina Franch.— *Alcina Franch J.* Beziehungen zwischen den Kanarischen Inseln und America in prähistorischer Zeit.— *Almogaren. Hallein*, 1971, № 2.
- Alvarez Delgado, 1954.— *Alvarez Delgado J.* Toponimia hispánica de Canarias.— *Estudios dedicados a Menéndez Pidal*. Madrid, 1954, t. V.
- Alvarez Delgado, 1957.— *Alvarez Delgado J.* El „Rubicon“ de Lanzarote.— *Anuario de estudios atlánticos*. Madrid-Las Palmas, 1957, № 3.
- Atienza.— *Atienza J. G.* Antes de Babel.— *Historia-16*. Madrid, 1978, № 23.
- Beltrán.— *Beltrán A.* Los petroglifos canarios.— *Historia-16*. Madrid, 1978, № 23.
- Benítez Padilla, 1951.— *Benítez Padilla S.* La erupción de „Las Manchas“ en la isla de la Palma y el volcanismo canario (24 junio — 31 julio 1949). Las Palmas, 1951.
- Benítez Padilla, 1965.— *Benítez Padilla S.* Origen más probables de las hachas neolíticas de jadeita que pasee el Museo Canario.— *V Congreso panafricano de prehistoria...* Santa Cruz de Tenerife, 1965, t. I.
- Berthelot, 1869.— *Berthelot S.* Études sur les pêches maritimes dans la Méditerranée et l'océan. P., 1869.
- Berthelot, 1978.— *Berthelot S.* Etnografía y anales de la conquista de las Islas Canarias. Santa Cruz de Tenerife, 1978.
- Biedermann, 1970.— *Biedermann H.* Altkreta und die Kanarischen Inseln.— *Almogaren. Hallein*, 1970, № 1.
- Biedermann, 1971.— *Biedermann H.* Zur Typologie der altkanarischen Kultur.— *Almogaren. Hallein*, 1971, № 2.
- Biedermann, 1984.— *Biedermann H.* La huella de los antiguos canarios. Hallein, 1984.
- Borges.— *Borges A.* El Archipiélago Canario y las Indias Occidentales: Episodios históricos. Madrid, 1969.
- Bravo.— *Bravo T.* Modificaciones litorales por efusiones volcánicas cuaternarias.— *V Congreso panafricano de prehistoria...* Santa Cruz de Tenerife, 1965.
- Cabrera Baretto.— *Cabrera Baretto M.* Die Zahlwörter der Altkanarier.— *Almogaren. Hallein*, 1971, № 2.
- Chil y Naranjo.— *Chil y Naranjo G.* Estudios históricos, climatológicos y patológicos de las Islas Canarias. Las Palmas de Gran Canaria. 1876, p. 1, t. I; 1880, p. 1, t. II.
- Closs.— *Closs A.* Die nautischen Voraussetzungen der kanarischen Landnahme und transatlantischer Kultureingüsse aus dem alteurafrikanischen Westeuropa.— *Almogaren. Hallein*, 1971, № 2.
- III Congreso.— *III Congreso nacional de arqueología (Galicia, 1953)*. Zaragoza, 1955.
- Diego Cuscoy, 1955.— *Diego Cuscoy L.* Los petroglifos del „Caboco“ de Belmaco: Mazo, Isla de la Palma (Canarias).— *III Congreso nacional de arqueología (Galicia, 1953)*. Zaragoza, 1955.
- Diego Cuscoy, 1963.— *Diego Cuscoy L.* Palentología de las Islas Canarias. Santa Cruz de Tenerife, 1963.
- Diego Cuscoy, 1964.— *Diego Cuscoy L.* Una cueva sepulcral del Barranco del Agua de Dios en Tegueste (Tenerife).— *Excavaciones arqueológicas en España*. Madrid, 1964, № 23.
- Diego Cuscoy, 1965.— *Diego Cuscoy L.* Tres cuevas sepulcrales guan-

- ches (Tenerife).—Excavaciones arqueológicas en España. Madrid, 1965, № 37.
- Diego Cuscoy, 1966.—*Diego Cuscoy L.* Notas arqueológicas sobre El Julán (Isla de El Hierro).—V Congreso panafricano de prehistoria... Santa Cruz de Tenerife, 1966, t. II.
- Diego Cuscoy, 1968.—*Diego Cuscoy L.* Los guanches: Vida y cultura del primitivo habitante de Tenerife. Santa Cruz de Tenerife, 1968.
- Diego Cuscoy, 1972.—*Diego Cuscoy L.* Dos Elías Serra Ráfols y la época heroica de la arqueología canaria.—Revista de historia canaria. La Laguna de Tenerife, 1971—1972, XXXIV.
- Estudios canarios.—Estudios canarios, I. Actas memorias y sesiones científicas del curso 1955—1956. La Laguna de Tenerife, 1956.
- Ferembach.—*Ferembach D.* Les Cro-Magnoïdes de l'Afrique du nord.—L'Homme de Cro-Magnon: Anthropologie et archéologie (1868—1968). P., 1970.
- Fernández.—*Fernández J. M.* La fauna entomológica canaria y sus orígenes.—V Congreso panafricano de prehistoria y el estudio del cuaternario... Santa Cruz de Tenerife, 1966, t. II.
- Figueroa.—*Figueroa M. C.* Evolución de la población de la Laguna entre 1750—1860. La Laguna, 1975.
- Fraguas.—*Fraguas F. A.* Petroglifos del monte Pedreira, en Carballedo (Pontevedra).—III Congreso nacional de arqueología (Galicia, 1953). Zaragoza, 1955.
- Fusté, 1959.—*Fusté M. M.* Contribution à l'anthropologie de la Grande Canarie.—L'Anthropologie. 1959, t. 63, № 3—4.
- Fusté, 1965.—*Fusté M.* Cráneo procedente de una cueva sepulcral de Llano Negro (Santiago de Teide, Tenerife).—*Diego Cuscoy L.* Tres cuevas sepulcrales guanches (Tenerife). Madrid, 1965.
- Fusté, 1966a.—*Fusté M.* Aperçu sur l'anthropologie des populations préhistoriques des Iles Canaries.—V Congreso panafricano de prehistoria... Santa Cruz de Tenerife, 1966, t. II.
- Fusté, 1966b.—*Fusté M.* Nuevas aportaciones a la antropología de Canarias.—V Congreso panafricano de prehistoria... Santa Cruz de Tenerife, 1966, t. II.
- Godinho.—*Codinho V. de M.* A economia das canarias nos séculos XIV e XV.—Revista de história. San Paulo, 1952, № 10.
- Gómez-Tabanera.—*Gómez-Tabanera J. M.* Fiestas populares y festejos tradicionales.—El Folklore español. Madrid, 1968.
- González Almejún.—*González Almejún A.* Aglutinógenos en momias y en saliva.—Homenaje a don Luis de Hoyos Sáinz. Madrid, 1950.
- Granda.—*Granda G. de.* Un caso más de influencia canaria en Hispanoamérica (Brujería „isleña“ en Cuba).—Revista de dialectología y tradiciones populares. Madrid, 1973, t. XXIX, № 1—2.
- Hausen.—*Hausen H.* A pre-Canarien Basement Complex Remains of an Ancient African Borderland.—V Congreso panafricano de prehistoria..., t. II.
- Hernández.—*Hernández P.* Culturas del Noroeste (Petroglifos Canarios).—III Congreso nacional de arqueología (Galicia, 1953).—Zaragoza, 1955.
- Hernández Pérez.—*Hernández Pérez M. S.* El poblamiento prehispanico de las Islas Canarias recientes aportaciones.—III Coloquio de historia canario-americana (1978). Las Palmas, 1980, t. I.
- Hooton.—*Hooton E. A.* The Ancient Inhabitants of the Canary Islands. Cambridge (Mass.), 1925.

- Hoyos Sáinz, 1950.—*Hoyos Sáinz L. de*. Un cráneo de la terraza del Manzanares. El madrileño más antiguo. Homenaje a don Luis de Hoyos Sáinz. Madrid, 1950.
- Hoyos Sáinz, 1963.—*Hoyos Sáinz L. de*. Antropología prehistórica española.—*Historia de España*. Madrid, 1963, vol. I, t. I.
- Jiménez Sánchez, 1955.—*Jiménez Sánchez S.* Monumentos funerarios de los canarios prehistóricos.—III Congreso nacional de arqueología (Galicia, 1953). Zaragoza, 1955.
- Jiménez Sánchez, 1962.—*Jiménez Sánchez S.* El complejo arqueológico de Tauro Alto en Mogán (Isla de Gran Canaria).—*Excavaciones arqueológicas en España*. Madrid, 1962, № 39.
- Jiménez Sánchez, 1966a.—*Jiménez Sánchez S.* Pinturas rupestres antropomorfas en la isla de Gran Canaria.—V Congreso panamericano de prehistoria y el estudio del cuaternario... Santa Cruz de Tenerife, 1966, t. II.
- Jiménez Sánchez, 1966b.—*Jiménez Sánchez S.* Exponentes megalíticos culturales de los canarios aborígenes.—V Congreso panamericano de prehistoria..., 1966, t. II.
- Kidder, Coon, Briggs.—*Kidder H. H., Coon C. S. et Briggs L. C.* Contribution à l'anthropologie des Kabiles.—*L'Anthropologie*. 1955, vol. 59, № 1—2.
- Lefranc.—*Lefranc A.* En torno al „tempo canario“ — Anuario de estudios atlánticos. 1957, № 3.
- Lorenzo-Ruza, 1955a.—*Lorenzo-Ruza R. S.* Datos para el estudio de los petroglifos de tipo atlántico.—III Congreso nacional de arqueología (Galicia, 1953). Zaragoza, 1955.
- Lorenzo-Ruza, 1955b.—*Lorenzo-Ruza R. S.* Visión y observaciones sobre historia de Galicia.—III Congreso nacional de arqueología... Zaragoza, 1955.
- Millares.—*Millares A.* Historia general de las Islas Canarias. Las Palmas, 1893, vol. I.
- Morález Lezcano.—*Morález Lezcano V.* Relaciones mercantiles entre Inglaterra y los Archipiélagos del Atlántico Ibérico, su estructura y su historia (1503—1783). La Laguna, 1970.
- Mosquera.—*Mosquera G.* La gruta de las pinturas silenciosas. Revolución y cultura. 1978, № 14.
- Mukarovsky.—*Mukarovsky H. G.* Die Grundlagen des Ful und das Mauretische. Wissenschaftliche schriftenreihe des Afro-Asiatischen institutes in Wien, 1963, Bd. I.
- Murdock.—*Murdock G. P.* Africa: Its Peoples and Their Culture History. New York — Toronto — London, 1959.
- Nowak.—*Nowak H.* Neue Gesichtspunkte zur Bearbeitung des kanarischen Megalithikums.—*Almogaren*. Hallein, 1970. № 1.
- Pan.—*El Pan I. de*. El estudio de la etnología y el folklore comparados de Marruecos y nuestras posesiones africanas.—Homenaje a don Luis de Hoyos Sáinz, Madrid, 1950.
- Parejo.—*Parejo M.* El sistema ABO en la población actual de las Islas Canarias.—V Congreso panamericano de prehistoria... 1966, t. II.
- Pellicer Catalán.—*Pellicer Catalán M.* Elementos culturales de la prehistoria canaria.—*Revista de historia canaria*. La Laguna de Tenerife, 1971—1972, № XXXIV.
- Pérez de Barradas, 1939.—*Pérez de Barradas J.* Estado actual de las investigaciones prehistóricas sobre Canarias. Las Palmas, 1939.
- Pérez de Barradas, 1961.—*Pérez de Barradas J.* Las cuevas neolíticas

- costeras de Granada y Málaga (Estudio primero).— Antropología y etnología. Madrid, 1961, t. 14.
- Pericot Garsía, Tarradel.— *Pericot Garsía L. y Tarradel M.* Manual de prehistoria africana. Madrid, 1962.
- Pino.— *El Pino F. de.* Canarias y América en la historia de la etnología primigenia: usando una hipótesis.— Revista de Indias. Madrid, 1976, № 145—146.
- Pinto de la Rosa.— *Pinto de la Rosa J. M.* Canarias Prehispánicas y África Occidental Española. Madrid, 1954.
- Ramin.— *Ramin J.* Le périple d'Hannon. Apports de la littérature et hypothèses.— Latomus. Bruxelles, 1976, t. XXXV.
- Régulo Pérez.— *Régulo Pérez J.* Historia y geografía de la palabra „canario“.— III Coloquio de historia canario-americana. Las Palmas, 1980, t. 1.
- Río Ayala.— *El Río Ayala J. de.* Posible función semántica de un radical F en algunos topónimos de Canarias.— V Congreso panamericano de prehistoria y del estudio del cuaternario... Santa Cruz de Tenerife, 1966, t. II.
- Riquet.— *Riquet R.* La race de Cro-Magnon: objet de langage ou réalité objective? — L'homme de Cro-Magnon... P., 1970.
- Rodríguez Doreste.— *Rodríguez Doreste J.* Un sugerido fragmento canario de la historia de Colón. La Habana, 1956.
- Rosa y Olivera, 1956.— *La Rosa y Olivera L. de.* Últimas investigaciones en torno a la familia Béthencourt.— Estudios canarios. T. I: Actas, memorias y sesiones científicas del curso 1955—1956. La Laguna, 1956.
- Rosa Olivera, 1978.— *La Rosa Olivera L. de.* El bando de Daute. Tenerife, 1978.
- Rumeu de Armas, 1950.— *Rumeu de Armas A.* Piraterías y ataques navales contra las Islas Canarias. Madrid, 1950. t. III, pt. 1.
- Rumeu de Armas, 1956.— *Rumeu de Armas A.* España en la África Atlántica. Madrid, 1956, t. 1.
- Sanz.— *Sanz E. L.* Comercio de España con América en la época de Felipe II. Valladolid, 1979, t. I; 1980, t. II.
- Schmitt.— *Schmitt P.* Connaissance des Îles Canaries dans l'Antiquité.— Latomus. Bruxelles, 1968, t. XXVII.
- Schwidetzky, 1963.— *Schwidetzky I.* La población prehispánica de las Islas Canarias. Santa Cruz de Tenerife, 1963.
- Schwidetzky, 1966.— *Schwidetzky I.* Etude d'Anthropologie sociale sur la population pre-espagnole des Îles Canaries.— V Congreso panamericano de prehistoria... Santa Cruz de Tenerife, 1966, t. II.
- Serra-Ráfols, 1959.— *Serra-Ráfols E.* Los últimos canarios.— Revista de historia canaria. 1959, XXV.
- Serra-Ráfols, 1966.— *Serra-Ráfols E.* Les relations possibles des cultures avec celles de l'W. Africain.— V Congreso panamericano de prehistoria y del estudio del cuaternario... Santa Cruz de Tenerife, 1966, t. II.
- Serra-Ráfols, 1968.— *Serra-Ráfols E.* La repoblación de las Islas Canarias.— Anuario de estudios medievales. Barcelona, 1968, № 5.
- Serra-Ráfols, 1970.— *Serra-Ráfols E.* Incorporación de las Islas Canarias a España.— Historia de España. Barcelona, 1970, t. III.
- Serra-Ráfols, 1972.— *Serra-Ráfols E.* Alonso Fernández de Lugo, primer colonizador español. Tenerife, 1972.
- Simposio.— Simposio internacional conmemorativo del centenario del

- descubrimiento del primer hombre de Cro-Magnon. Santa Cruz de Tenerife.— Las Palmas, 1969.
- Tarradel.— *Tarradel M.* Notas para una revisión del neolítico norteafricano.— V Congreso panafricano de prehistoria y el estudio del cuaternario. Santa Cruz de Tenerife, 1966, t. II.
- Vallois.— *Vallois H. V.* La découverte des hommes de Cro-Magnon, son importance anthropologique.— *L'Homme de Cro-Magnon: Anthropologie et archéologie (1868—1968)*.— P., 1970.
- Verneau.— *Verneau R.* Les inscriptions lapidaires de l'Archipel canarien.— *Revue d'Ethnographie*. P., 1882, t. I, № 4.
- Webb, Berthelot.— *Webb Ph. B. et Berthelot S.* Histoire naturelle des Îles Canaries. P., 1842, t. I, part. 1.
- Zeuner.— *Zeuner F. E.* Summary of the Cultural Problems of the Canary Islands.— V Congreso panafricano de prehistoria y el estudio del cuaternario. Santa Cruz de Tenerife, 1966, t. II.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
<i>Глава I. История в названиях и история названий</i>	7
Где искать острова Блаженных?	7
Географические знания о Канарах во времена Плиния Старшего	11
Собачьи или Птичьи?	16
<i>Глава II. Острова вечной весны</i>	21
<i>Глава III. Канарские острова и античный мир</i>	30
<i>Глава IV. Что нам известно об этногенезе автохтонов</i>	39
Палеоантропология	39
Лингвистика	48
Археология	51
<i>Глава V. До прихода европейцев</i>	65
Материальная культура аборигенов	65
Социальная организация канарцев	78
Обычаи, обряды и идеологические представления автохтонов	88
<i>Глава VI. Захват Канарских островов и колониальное порабощение их аборигенов</i>	104
Средневековые открытия архипелага	104
История завоевания	110
<i>Глава VII. Начало испанского владычества, XVI век</i>	120
<i>Глава VIII. На пересечении дорог</i>	131
Русские на Канарах	138
<i>Глава IX. Источники по истории культуры Канар и их исследователи</i>	142
Сколько раз открывали Канарские острова?	142
Еще о письменных и иных источниках	148
История изучения древних канарцев	152
В испано-канарской поэзии	156
Список использованной литературы	165

Александр Алексеевич Большаков

ЗА СТОЛПАМИ ГЕРАКЛА

Канарские острова

*Утверждено к печати
редколлекцией серии
«Рассказы о странах Востока»*

Редактор *Т. В. Дьяченко*
Младший редактор *Н. Л. Скачко*
Художник *Л. С. Эрман*
Художественный редактор *Э. Л. Эрмин*
Технический редактор *В. П. Стуковнина*
Корректор *Р. Ш. Чмерис*

ИБ № 15995

Сдано в набор 26.06.87. Подписано к печати 17.11.87. Формат 84×108^{1/2}. Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 9,24+0,21 вкладка на мелованной бумаге. Усл. кр.-отт. 10,71. Уч.-изд. л. 10,16. Тираж 30 000 экз. Изд. № 6151. Зак. № 571.
Цена 70 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»

Главная редакция восточной литературы
103031, Москва К-31, ул. Жданова, 12/1

3-я типография издательства «Наука»
107143, Москва Б-143, Открытое шоссе. 28

**ГЛАВНОЙ РЕДАКЦИЕЙ
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»**

ГОТОВИТСЯ К ИЗДАНИЮ КНИГА

Наумкин В. В. Сокотрийцы: (Историко-этнографический очерк). 20 л.

Историко-этнографическое исследование одного из малых этносов Южной Аравии, населяющего остров Сокотру в Народной Демократической Республике Йемен. На материале полевых работ комплексной советско-йеменской научной экспедиции автор рассматривает вопросы этногенеза сокотрийцев, в течение веков живших в полной изоляции от внешнего мира, их хозяйственную деятельность, семейно-брачные отношения, обряды и обычаи, большая часть которых восходит к доисламскому прошлому.

ЗАКАЗЫ НА КНИГИ ПРИНИМАЮТСЯ ВСЕМИ МАГАЗИНАМИ КНИГОТОРГОВ И «АКАДЕМКНИГИ», А ТАКЖЕ ПО АДРЕСУ: 117192, МОСКВА В-192, МИЧУРИНСКИЙ ПРОСПЕКТ, 12, МАГАЗИН № 3 («КНИГА — ПОЧТОЙ») «АКАДЕМКНИГА».

Драконово дерево, встречавшееся в Европе в третичный период,— одна из достопримечательностей Канарских островов. Его отличают не только большие размеры и долгожительство. Не меньшую популярность принесла ему «драконья кровь» — смолистый сок кроваво-красного цвета. В древности из него приготавливали различные снадобья, лекарства, использовали при бальзамировании. Позднее венецианские женщины окрашивали им волосы. И теперь «драконья кровь» находит большое применение. Из нее получают лак для покрытия металлов, ею подкрашивают вина, по-прежнему она используется в народной медицине.